

Фену, Н. Французская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1870. — Изданіе 6-е, со статьями для переводовъ съ русскаго и словаремъ, съ приложеніемъ полного спряженія глаголовъ, объясненіемъ приставокъ и окончаній, а также галлицизмовъ, поговорокъ и пословицъ, для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1876. — Изданіе 7-е. Спб. 1880.

Fleury, J. Récits, descriptions et dialogues gradués suivis de divers extraits des auteurs classiques en vers et en prose pour la traduction du français en russe, avec un vocabulaire méthodique. Nouvelle édition. St.-Pétersbourg. 1878.

Флери, И. Разказы и описанія, избранные изъ лучшихъ русскихъ авторовъ для переводовъ съ русскаго языка на французскій. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное; съ словаремъ и примѣчаніями. Спб. 1876.

Fleury, Parfait et de Lafosse. Bibliothèque littéraire. Analyse et extraits de tous les chefs-d'oeuvre de la langue française, avec notices bibliographiques et commentaires. 1-re partie: Prose; 2-de partie: Poésie. 1862.

Fleury, J. Extraits des meilleurs auteurs français par ordre chronologique. Complément de l'histoire abrégée de la littérature française. St.-Pétersbourg. 1874. Tome I. Introduction. XVI et XVII siècles. — Tome II. XVIII et XIX siècles.

Fleury, J. Histoire élémentaire de la littérature française depuis l'origine jusqu'à nos jours. Edition 2, corrigée et augmentée de plus un tiers. St.-Pétersbourg. 1879.

Flint, A. S. Manuel orthographico-orthologique de langue française (quatre cours en deux livraisons). St.-Pétersbourg. 1871. et.

— Dictées du Manuel orthographico-orthologique. St.-Pétersbourg. 1877 (для среднихъ классовъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ имѣется въ виду главнымъ образомъ разговорный французскій языкъ).

Макаровъ, Н. Полный французско-русскій словарь. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1870.

Макаровъ, Н. Полный русско-французскій словарь. Въ двухъ частяхъ. Изданіе 2-е. Спб. 1874.

Макаровъ, Н. Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній: часть русско-французская. Спб. 1873. — Часть русско-французская. Спб. 1874. — Изданіе 3-е. Спб. 1880 (г. министръ народна-

го просвѣщенія предложилъ начальствамъ учебныхъ округовъ приобрести означенные словари для учебныхъ заведеній предпочтительно предъ всѣми другими подобнаго рода изданіями).

Крестлингъ, Л. Французско-русскій лексиконъ синонимовъ, поговорокъ, пословицъ и особенностей разговорнаго французскаго языка. Спб. 1862.

Рейфъ, Ф. Параллельные словари языковъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Карлсруэ. 1860—1861.—Часть I—русская; часть II—французская. 1874.

б) НѢМЕЦКІЙ ЯЗЫКЪ.

Руководства.

Аллендорфъ, А. Учебникъ нѣмецкой грамматики, изложенной сравнительно съ грамматикою русскаго языка, для среднихъ учебныхъ заведеній, въ трехъ концентрическихъ курсахъ. Москва. 1875.—Изданіе 2-е, вновь пересмотрѣнное. Москва. 1878.

Вѣлицкій, К. Учебникъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Одесса. 1874 (для II, III и IV классовъ гимназій и прогимназій).

Кейзеръ, О. Краткая нѣмецкая грамматика. Часть I. Этимологія. Изданіе 13-е. Москва. 1878. — Часть II. Нѣмецкіе примѣры и русскія упражненія на правила этимологіи. Изданіе 6-е, исправленное. М. 1879.

Маакъ, А. Учебникъ нѣмецкаго языка. Курсъ I, II, III и IV классовъ гимназій. Изданіе 2-е. Спб. 1862 — 1866. Тоже, курсъ I. Изданіе 6-е, исправленное. Спб. 1876. — Курсъ II. Изданіе 5-е, исправленное. Спб. 1875. — Курсъ III. Изд. 3-е, исправленное. Спб. 1875. — Курсъ IV. Изданіе 2-е, передѣланное. Спб. 1876.

Фрей, А. Нѣмецкая грамматика для русскихъ гимназій. Спб. 1866.

Пособія.

Аделловъ, Ф. Этимологія нѣмецкаго языка. Тамбовъ. 1872.

Берте, Н. Нѣмецкая христоматія, заключающая въ себѣ выборъ статей въ прозѣ и стихахъ изъ твореній нѣмецкихъ классиковъ всѣхъ столѣтій. Изданіе 4-е. Спб. 1866.—Изданіе 12-е. Спб. 1879.

Вѣлицкій, К. Нѣмецкая христоматія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ алфавитнаго словаря. Одесса. 1879.

Герингъ, Э. Христоматія, или собраніе статей для переводовъ съ нѣмецкаго языка на русскій. Москва. 1858.

Де-ла-Мотъ-Фуке. Ундина. Разсказъ, изданный для русскихъ гимназій О. Шталемъ. Москва. 1866.

Кейзеръ, О. Краткая нѣмецкая грамматика. Часть III. Синтаксисъ, съ нѣмецкими примѣрами, упражненіями и статьями для перевода съ русскаго. Изданіе 5-е, исправленное. Москва. 1879.

Кейзеръ, О. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій, содержащій предварительныя синтаксическія правила, полный словарь на каждую статью и краткій обзоръ нѣмецкой литературы. Изданіе 3-е. Москва. 1863.

Керковіусъ, Эм. Практическій курсъ нѣмецкаго языка. Состав. примѣнительно къ новой учебной программѣ. Изданіе 12-е. Вѣна. 1880.

Керковіусъ, М. Deutsche Lesebuch für die obersten Klassen der Gymnasien. Leipzig. 1874.

Лешъ, П. Ученическая библіотека. Пособіе для изученія нѣмецкаго языка. Выпускъ I. Смерть Валленштейна. Ф. Шиллера. Съ примѣчаніями и словаремъ. Спб. 1873.

Массонъ, М. Практическое руководство для постепеннаго упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій. Съ грамматическими упражненіями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. Изданіе 4-е, исправленное. Спб. 1865.—Изданіе 9-е. Спб. 1877.

Masson, M. Musterstücke. Ein Lesebuch zum Gebrauch in den mittleren und obersten Klassen russischer Lehranstalten. Mit Erläuterungen, erklärenden Anmerkungen und einem Wörterbuche. Образцовыя статьи. Книга для чтенія и переводовъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ. Съ пояснительными примѣчаніями и словаремъ. Спб. 1864. — Изданіе 4-е. Спб. 1877 (для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій).

Masson, M. Prosaische und poetische Lesestücke. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ. Пособіе при преподаваніи нѣмецкаго языка для употребленія въ младшихъ и среднихъ классахъ. Изданіе 11-е. Спб. 1874.

Мюллеръ, Л. Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, для употребленія дома и въ училищахъ. Часть I. Пригото-

вительный курсъ. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1875. — Изданіе 3-е, исправленное. Спб. 1878.

Мюллеръ, Л. Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, для учебныхъ заведеній въ Россіи. Часть II. Курсъ низшихъ классовъ гимназій. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1875.

Мюллеръ, Л. Книга для чтенія и перевода съ нѣмецкаго и русскаго языковъ, для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть III. Спб. 1875.

Мюллеръ, Л. Практическій синтаксисъ нѣмецкаго языка. Спб. 1876.

Недлеръ, Г. Сборникъ замѣчательныхъ произведеній классической нѣмецкой литературы. Спб. 1877.

Недлеръ, Г. Нѣмецко-русскій словарь къ Сборнику замѣчательныхъ произведеній классической нѣмецкой литературы. Спб. 1879.

Стурцель, Ю. Сборникъ образцовыхъ статей на нѣмецкомъ языкѣ въ прозѣ и стихахъ. Для употребленія въ высшихъ классахъ русскихъ гимназій. Часть I. Москва. 1859. — Изданіе 2-е. Москва. 1878 (для V, VI и VII классовъ). — Часть II. Москва. 1871 (для высшихъ классовъ).

Топоровъ, В. Гимназическій курсъ постепенныхъ грамматическихъ и практическихъ упражненій въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій и французскій. Изданіе 4-е, исправленное и во многомъ дополненное. Одесса. 1865.

Топоровъ, В. Нѣмецкая хрестоматія для русскаго юношества, или полный сборникъ образцовыхъ статей на нѣмецкомъ языкѣ, въ прозѣ и стихахъ. Изданіе 2-е. Одесса и Лейпцигъ. 1857.

Фидлеръ, Г. Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка. Два курса. Москва. 1864.

Фишеръ, А. Начальная книга нѣмецкаго языка для русскаго юношества. Спб. Курсъ I. 1866. — Курсъ II. 1867.

Шафрановъ, С. Нѣмецкая хрестоматія для упражненія въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій, съ объясненіемъ труднѣйшихъ выраженій и оборотовъ. Изданіе 2-е. Ревель. 1864.

Эртель, М. Статьи для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій, вмѣстѣ съ словаремъ. Одесса. 1871. — Изданіе 2-е, исправленное. Лейпцигъ. 1874.

Oertel, M. Hilfsbuch zum praktischen Unterricht in der deutschen Sprache. 10-te Auflage. Odessa. 1870.

Макаровъ, Н. и Шеереръ, В. Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть русско-нѣмецкая. Спб. 1876.

Рерфъ, Ф. Параллельные словари языковъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Карлсруэ. 1860 — 1861. Часть III — нѣмецкая.

Фрей, А. Deutsch-russisches und russisch-deutsches Taschen-Wörterbuch, auf Grundlage des Hand-Wörterbuches der russischen und deutschen Sprachen von *Frid. Boech* und *Adam Frey*, zum Hand- und Schulgebrauch bearbeitet. I. Deutsch-russisches Wörterbuch. Leipzig.

Фрей, А. Schul-Wörterbuch der deutschen und russischen Sprache. Учебный словарь нѣмецко-русскій и русско-нѣмецкій. Лейпцигъ. 1875.

Воско. Желѣзнодорожный нѣмецко-французско-русскій словарь. Со включеніемъ номенклатуры механическаго, строительнаго и горнозаводскаго дѣла, а также вспомогательныхъ къ нимъ наукъ. Варшава. 1876.

Х. Чистописаніе, черченіе и рисованіе.

фонъ-Веннетъ. Курсъ чистописанія и скорописи, съ объяснительнымъ текстомъ и образчиками письма на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Одесса. 1873.

Верре, А. Способъ къ обученію скорописи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1874.

Гербачъ, В. Руководство къ обученію письму. I. Прописи русскія; II. Прописи французскія и нѣмецкія; III. Прописи латинскія и греческія. Спб. 1875.

Гербачъ, В. Русская скоропись. Упражненія для свободнаго движенія руки и приобрѣтенія четкой скорописи. Спб. 1879.

Гербачъ, В. Школа чистописанія. Тетради съ прописями для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школахъ и дома (10 тетрадей). Изданіе Н. Фену и К^о.

Мессеръ, Я. Обученіе письму, въ трехъ курсахъ. Спб. 1862.

Нѣмецъ, Я. Перспективное рисованіе геометрическихъ формъ. Съ 126 полиטיפажами въ текстѣ. Изданіе 2-е, исправленное. Одесса. 1877.

Павловъ, А. Руководство къ обученію письму для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ образцовъ письма на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и греческомъ языкахъ. Москва. 1877.

Раковичъ. Краткое руководство къ линейному черченію, извлеченное изъ курса линейнаго рисованія Ламотта. Казань 1861.

Сапожниковъ, А. Курсъ рисованія. Спб. 1849.

Troschel. Wandtafeln für den Zeichenunterricht.

XI. Пѣніе.

Нотуловъ, Н. Руководство къ практическому изученію древняго богослужебнаго пѣнія православной російской церкви. Москва. 1873.

Вессель, Н. и Альбрехтъ, Е. Школьные пѣсни: 115 народныхъ, литературныхъ, историческихъ и военныхъ пѣсенъ, положенныхъ для школъ на 1, 2 и 3 голоса. Спб. 1876 (для низшихъ классовъ).

Мариничъ, Г. Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на одинъ, на два и на три голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Спб. 1878.

XII. Гимнастика.

Клостерманъ. Краткое руководство къ главнѣйшимъ вольнымъ гимнастическимъ движеніямъ. Ломжа. 1873.

Шмидтъ, К. Стѣнные таблицы политапжей къ руководству гимнастики для дѣтскихъ пріютовъ, народныхъ семинарій и школъ. Спб. 1873.

КНИГИ, ОДОБРЕННЫЯ ДЛЯ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ *).

М а т е м а т и к а.

Ариѳметика.

Пособіе.

Прокофьевъ, А. Коммерческая ариѳметика и торговля операціи. Съ приложеніемъ графической таблицы колебаній русскаго вексельнаго курса. Москва. 1877.

*) Сверхъ книгъ общихъ для реальныхъ училищъ съ гимназіями.

АЛГЕБРА.

Руководства.

Гришинъ, Р. Очеркъ теоріи соединеній, въ объемѣ реальныхъ училищъ. Спб. 1875.

Фроловъ. Приложение алгебры къ геометріи и начала аналитической геометріи на плоскости. Ч. I. Приложение алгебры къ геометріи. Изд. 4-е. Спб. 1880.

Пособіе.

Блюмбергъ, Я. Дополнительные статьи алгебры. Курсъ VII (дополнительнаго) класса реальныхъ училищъ. Спб. 1878.

ГЕОМЕТРІЯ И ГЕОМЕТРИЧЕСКОЕ ЧЕРЧЕНІЕ.

Руководства.

Вулихъ, З. Краткій курсъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Спб. 1875.—Изданіе 4-е. Спб. 1880.

Леве, А. Руководство начальной геометріи, составленное примѣнительно къ учебнымъ планамъ гимназій и реальныхъ училищъ. Изданіе 3-е, вновь передѣланное (съ 350 полиטיפажами). Спб. 1876.

Мамышевъ, К. Начала начертательной геометріи. Руководство для реальныхъ училищъ. Изданіе 2-е (съ таблицами чертежей). Спб. 1875.—Изданіе 3-е (съ IX таблицами чертежей). Спб. 1880.

Мамышевъ, К. Геометрическія свойства употребительнѣйшихъ кривыхъ и способы ихъ вычерчиванія. Спб. 1875.

Пособія.

Дмитріевъ, А. Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Векелю, Шницу и др. Книга I. Планиметрия. Съ таблицею чертежей. Спб. 1875 (въ особенности отдѣлъ геометрическихъ построеній). — Книга II. Стереометрія. Съ приложеніемъ задачъ на тахіта и мініта, а также геометрическихъ темъ

для окончательныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ таблицею чертежей. Спб. 1879.

Орловъ. Руководство къ геометрическому линейному черченію. Выпускъ I. Съ атласомъ чертежей на 28 таблицахъ. Казань. 1878.

Федорченко, М. Дополнительный курсъ элементарной геометріи. Съ XII таблицами чертежей. Одесса. 1874.

ТРИГОНОМЕТРІЯ И ТОПОГРАФІЯ.

Пособія.

Бѣликовъ, С. Курсъ топографіи или низшей геодезіи. Съ чертежами въ текстѣ. Часть I. Введеніе. Черченіе плановъ и пользованіе ими.—Часть II. Инструментальная съемка. Москва. 1880.

Пржевальскій, Е. Прямолинейная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Съ 86 фигурами въ текстѣ. Москва. 1878.

Травинъ, В. Руководство къ низшей геодезіи. Наставленіе къ употребленію геодезическихъ инструментовъ и производству хозяйственныхъ съемокъ. Съ приложеніемъ 15 таблицъ чертежей. Сост. по Болотову, Бауернфейду и др. Москва. 1879 (для дополнительныхъ лассовъ).

МЕХАНИКА.

Руководство.

Котельниковъ, Е. Г. Элементарный курсъ механики. Для реальныхъ училищъ. Изд. 3-е. Спб. 1881.

Сонне. Основныя начала прикладной механики. Перевелъ съ 5-го французскаго изданія и дополнилъ примѣчаніями и статьями объ ударѣ тѣлъ и моментахъ инерціи В. Лигинъ. Съ 12 листами чертежей. Одесса. 1876.—Изданіе 2-е, дополненное. Одесса. 1879.

Пособія.

Котельниковъ, Е. Общій элементарный курсъ механики, съ приложеніемъ собранія задачъ. Изданіе 3-е, исправленное, значительно дополненное и приспособленное къ потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1877.

Рело. Руководство къ проектированію машинъ для инженеръ-механиковъ, строителей, фабрикантовъ и техническихъ и реальныхъ училищъ. Перевели инженеръ-механики Е. Зотиковъ, П. Тетеревъ и Н. Зиминъ. Съ 714 полнотипажамъ въ текстѣ. Выпускъ I. Москва. 1878.

Филатьевъ, А. Курсъ элементарной механики. Часть I. Съ XIV литографическими таблицами и 276 фигурами. Спб. 1875.

Физика.

Руководство.

Полкотыцкій, В. Сокращенное руководство къ физикѣ для женскихъ училищъ, для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ и другихъ, въ которыхъ этотъ предметъ преподается въ сокращенномъ объемѣ. Съ 307 полнотипажными рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Варшава. 1878.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ И ХИМІЯ.

Руководства.

Гердъ, А. Руководство минералогіи для реальныхъ училищъ. Изданіе 2-е, переработанное. Спб. 1880.

Кирпотенко, А. П. Учебный курсъ ботаники. Выпускъ 2-й. Морфологія и систематика сѣмянныхъ растений. Съ 300 рисунками. Спб. 1881.

Ковалевскій, С. Учебникъ химіи. Спб. 1878. Изданіе 3-е, переработанное и дополненное. Спб. 1880.

Поплавскій, А. Курсъ ботаники. Изданіе 2-е, значительно исправленное (34 рисунка въ текстѣ). Варшава. 1876.

Поплавскій, А. Курсъ минералогіи. Изданіе 2-е, дополненное согласно программѣ реальныхъ училищъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Варшава. 1876.

Поплавскій, А. Курсъ зоологіи. Изданіе 3-е, дополненное согласно программѣ реальныхъ училищъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Варшава. 1876.

Раевскій, Н. Систематическій курсъ ботаники, составленный для

реальныхъ училищъ. Изданіе 2-е, исправленное. Съ 108 рисунками. Спб. 1877.—Изданіе 3-е, исправленное. Съ 142 рисунками. Спб. 1880.

Ярошевскій, К. Учебникъ ботаники. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ. Съ 234 полиטיפажами въ текстѣ. Москва. 1879.

Ярошевскій, К. Учебникъ минералогіи. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ. Съ 134 полиטיפажами. Москва. 1877.

Пособія.

Аникіевъ, П. Учебникъ анатоміи и фізіологіи человѣка и животныхъ съ краткимъ очеркомъ жизнедѣятельности растений. Съ 81 рисункомъ въ текстѣ. Изданіе 2-е, исправленное и значительно пополненное. Спб. 1880.

Де-Бари, А. Ботаника. Переводъ съ нѣмецкаго съ нѣкоторыми измѣненіями, подъ редакціею Хр. Гоби. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1880.

Варавва, М. Руководство естественной исторіи. Минералогія со многими рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ сѣтокъ кристаллическихъ моделей. Москва. 1878.

Гердъ, А. Учебникъ зоологіи. Часть I. Беспозвоочныя. Съ 239 рисунками въ текстѣ. Спб. 1877.

Гексли и Мартынъ. Практическія работы по ботаникѣ и зоологіи (элементарный курсъ біологіи). Переводъ съ англійскаго А. Я. Герда. Спб. 1877.

Дмитріевскій, М. Нѣмецкая христоматія для старшихъ классовъ реальныхъ училищъ. Сборникъ избранныхъ статей по естествознанію и техническимъ наукамъ. Казань. 1879.

Карицкій, А. Собраніе растений и составленіе гербарія. Практическія указанія для учениковъ реальныхъ училищъ и народныхъ школъ. Москва. 1878.

Раевскій, Н. Приготовительный курсъ ботаники, сост. по Любену. Изданіе 8-е, вновь исправленное. Съ 49 рисунками. Спб. 1880.

Селезневъ, В. Руководство къ качественному химическому анализу, для начинающихъ. Спб. 1880.

Сентъ-Илеръ, К. Элементарный курсъ зоологіи, съ приложеніемъ задачъ и лѣтнихъ занятій по зоологіи. Изданіе 10-е, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1881.

ХИМИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГІЯ.

Пособіе.

Лесгафтъ, Ф. Курсъ химической технологіи. Сост. по программѣ, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ. Съ 184 политипажамъ въ текстѣ. Спб. 1877.

СЧЕТОВОДСТВО.

Пособіе.

Журавъ, Ѳ. Бухгалтерія или наука книговеденія, по двойной системѣ, съ приложеніемъ 1-го чертежа и 1-го листа, объясняющихъ ходъ суммъ по счетамъ, 1-го отдѣльнаго забалансированнаго самимъ собою балансоваго листа, 1-го чертежа ярмарки и 1-го особаго листа, показывающаго подробности ярмарочныхъ оборотовъ, изложенная самымъ удобопонятнымъ образомъ и предназначенная преимущественно для самоучащихся. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1874.

Клииге, К. Руководство конторскихъ знаній. Спб. 1857.

КОММЕРЧЕСКІЯ НАУКИ.

Пособія.

Субботинъ, А. П. Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и другихъ странъ. Спб. 1878.

Рейнботъ, П. Полный курсъ коммерческой бухгалтеріи. Спб.

Рейнботъ, П. Руководство коммерческихъ и финансовыхъ вычислений. Спб. 1865.

ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Пособія.

Кутузовъ, В. Сборникъ статей изъ новѣйшей технической литературы Франціи. Христоматія для специальныхъ техническихъ заве-

деній, съ словаремъ и 32 полиטיפажами въ текстѣ. Изданіе для Россіи. Гейдельбергъ. 1878 (для старшихъ классовъ).

Maurier, J. Recueil de compositions françaises, comprenant des sujets de lettres, de dialogues, de descriptions, de portraits, de narrations, de discours et de dissertations ou lieux-communs, avec des préceptes généraux sur le style de chaque genre de composition, et un plan et des développements pour chaque devoir. Tiflis. 1878 (для коммерческаго отдѣленія).

НѢМЕЦКІЙ ЯЗЫКЪ.

Пособіе.

Дмитріевскій, М. Нѣмецкая хрестоматія для высшихъ классовъ реальныхъ училищъ. Сборникъ избранныхъ статей по естествовѣденію и техническимъ наукамъ. Казань. 1879 (для VI и дополнительныхъ классовъ).

ЧЕРЧЕНІЕ И РИСОВАНІЕ.

Пособія.

Раевская-Иванова, М. Д. Азбука рисованія для семьи и школы. Руководство для родителей и воспитателей. Харьковъ. 1879.

Адамець, І. 18 таблицъ, изображающихъ плоскіе орнаменты (для I класса).

Гавловскій, А. Руководство геометрическаго черченія. Черченіе плоскихъ фигуръ. Съ 4 таблицами чертежей. Спб. 1880 (для IV и V классовъ).

Гавловскій, А. Руководство геометрическаго черченія. I. Теорія проекцій. II. Теорія перспективы. III. Построеніе тѣней въ перспективѣ. Съ атласомъ чертежей. Спб. 1879 (для VI класса).

АНТОНЪ-МАРИНЪ ГЛЕГЕВИЧЪ, НЕИЗДАННЫЙ ДУБРОВНИЦКІЙ ПОЭТЪ ¹⁾.

2) ZORRISLAVA.

Основаніе сюжета этой драмы можно найти въ исторіи отношеній Босніи къ Венгерскому королевству и Дубровницкой республикѣ. Съ древнѣйшаго времени въ Боснію проникало сильное венгерское вліяніе, не перестававшее проявляться во все время самостоятельнаго существованія этой страны. Еще въ 1120 г. Боснія была уступлена Венгерскому королю Бѣлѣ II Рашскимъ жупаномъ Бѣло-Урошемъ, какъ приданое за дочерью, и тогда же получила названіе Баната ²⁾. Въ послѣдующей исторіи этой страны идутъ частыя перемѣны династій, правившихъ ею, подъ верховною властью Венгерскаго короля. Но въ то же время бывали моменты, когда боснійскіе правители стремились къ полной независимости, что имъ и удавалось, впрочемъ, не надолго. Таковы, на примѣръ, банъ Кулинъ (1170—1204), котораго правленіе до времени признанія имъ власти Венгерскаго короля (1197) считается самымъ свѣтлымъ моментомъ во всей боснійской исторіи. Преемники его очутились въ болѣе неблагоприятныхъ условіяхъ, особенно когда въ концѣ XIV в. стали проникать въ Боснію Турки, пе-

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

²⁾ Кажется, это названіе должно имѣть отношеніе лишь къ сѣверной части Босніи, смежной съ нынѣ существующею австрійскою областью Банатомъ.

редъ которыми слабые южные Славяне, окруженные не сочувствовавшими имъ сосѣдями, не могли устоять въ неравномъ бою. Имъ приходилось лавировать среди двухъ огней, что въ одинаковой мѣрѣ раздражало тѣхъ и другихъ и ставило безсильныхъ южныхъ Славянъ въ безвыходное положеніе. Этимъ, между прочимъ, объясняется вся вѣроломная политика боснійскихъ и сербскихъ правителей, которая въ концѣ концовъ привела ихъ страну къ паденію.

Однимъ изъ такихъ потомковъ бана Кулина былъ Мирославъ III, сынъ бана Нивослава. О дѣятельности его мало извѣстно; нѣтъ даже прямыхъ указаній, чтобъ онъ былъ баномъ. Но относительно потомковъ его имѣемъ ясныя указанія, что они имѣли банскую власть въ Босніи. Первымъ изъ нихъ былъ его сынъ, банъ Дабиша († 1396). Его предшественникъ Стефанъ Твердко не имѣлъ законнаго сына; у незаконнаго же Твердка Твердковича тотчасъ же явился соперникъ, двоюродный братъ его отца Дабиша, сынъ Мирослава, третьяго брата Степана Котромановича, и этому сопернику удалось одержать верхъ. Но Твердковичъ не могъ разстаться съ мыслью, что Боснія—владѣніе его отца, и потому не переставалъ дѣлать попытки къ возвращенію себѣ отцовскаго наслѣдія, особенно съ того момента ¹⁾, когда явилась у него сильная поддержка со стороны Холмскаго бана Вука Хранича. Желая парализовать притязанія Твердка Твердковича, Дабиша долженъ былъ войти въ дружественныя отношенія къ Сигизмунду. Въ этомъ кроется зародышъ того положенія Боснійскаго королевства, при которомъ оно не могло развиваться съ тѣмъ успѣхомъ, какой появился было при королѣ Твердкѣ I; съ этого времени приостановлено было стремленіе Босняковъ въ Далмацію. Побѣда Венгерскаго короля Сигизмунда надъ Боснійскимъ королемъ Стефаномъ Твердкомъ 1391 г. ²⁾ не имѣла такого значенія, не сопровождалась столь гибельными для Босніи послѣдствіями, какъ это противоестественное прекращеніе плана Стефана Твердка относительно упроченія власти Боснійскаго короля въ Далмаціи. Впрочемъ, подобный порядокъ вещей начался не сразу. Пока Твердко Твердковичъ не составилъ сильной партіи въ средѣ боснійскихъ бояръ, Степанъ Дабиша вовсе не думалъ измѣнять тѣхъ отношеній Боснійскаго короля къ Венгріи и Далмаціи, какія были при его предшественникѣ; онъ вовсе не думалъ преклоняться передъ королемъ Сигизмундомъ, дѣла котораго въ Галиціи

¹⁾ *Fessler*, Geschichte d. Ungarn. въ передѣлкѣ *Kleyna*, t. II, стр. 259.

²⁾ *Fejer*, Codex diplomaticus X. 8 № CXLVI и у *Farlatti* t. III, стр. 335.

приняли не совсѣмъ благопріятный для него исходъ: Галиція была занята его собственникомъ, Польско-литовскимъ королемъ Ягелло и присоединена къ Польшѣ, и потому онъ вынужденъ былъ оставить Далмацію. Онъ назначилъ своего намѣстника въ Далмаціи воеводу Вука Вучича; правда, въ то же время и другіе претенденты на обладаніе Далмаціей, короли Венгерскій и Неаполитанскій имѣли здѣсь своего намѣстника, но популярностью у далматинскаго населенія пользовался представитель Боснійскаго короля ¹⁾. Какъ настоящій законный владѣтель Далмаціи, Степанъ Дабиша утверждаетъ 25-го апрѣля 1392 г. городу Трогиру его прежнія права и привилегіи, признанныя его предшественникомъ Стефаномъ Твердкомъ. Какъ законный владѣтель Далмаціи, Дабиша на первыхъ порахъ одержалъ-было верхъ надъ своими соперниками—Неаполитанскимъ королемъ Владиславомъ и Венгерскимъ Сигизмундомъ. Первый не дѣйствовалъ открыто и выжидалъ благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, стараясь всегда имѣть на своей сторонѣ нѣсколькихъ вожаковъ хорватскаго движенія. Второй, напротивъ, обнаружилъ больше энергіи, и потому его старанія возвратить венгерской коронѣ Далмацію увѣнчались въ концѣ концовъ полнымъ успѣхомъ. Успѣху Сигизмунда много содѣйствовало не совсѣмъ прочное положеніе самого Степана Дабиши на боснійскомъ престолѣ. Степанъ Дабиша хотя и не прекращалъ связей съ вожаками далматинско-хорватскаго движенія Иваномъ-Хорватомъ и друг., но не могъ оказывать имъ сильной поддержки, въ какой они стали нуждаться съ того времени, какъ Сигизмундъ обратилъ на нихъ свое вниманіе. Сигизмундъ нагрянулъ на нихъ съ большими силами, съ которыми они не могли вести равный бой. Уже въ 1393 г. Островица была отнята Венгерцами отъ Николая Палисны ²⁾. Въ томъ же году банъ Славоніи Николай Гара нанесъ пораженіе воеводѣ Вуку Храничу и занялъ Книнъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими приморскими мѣстностями въ Далмаціи ³⁾, а затѣмъ одержалъ побѣду надъ баномъ Дубиски Вукомъ Васичемъ ⁴⁾.

¹⁾ Regnante serenissimo principe ac domino Stephano Dabiscia dei gracia Rasciae, Bosniae, Dalmaciae etc. rege inclito, temporibus quidem rr. in Christo p. et. d. Andreae, eadem gratia archiepiscopi spalatensis (*Farlati*, *Illyric. Sacr.* III. 335).

²⁾ Paulus de Paulo „Memoriale Pauli de Paulo Patritii Jadrensis ab an. Chr. MCCCLXXI usque ad an. Chr. MCDVIII“ (въ *Scriptores rer. Hung.* III).

³⁾ *Fejer*, *Cod. diplom.* X, v. 4 стр. 666.

⁴⁾ *Ibid.* X II. стр. 422 и X, v. 4 666 и *Thuroch. lib.* IV cap. 4.

Симпатіи Степана Дабиши къ дѣлу вожаковъ далматинско-хорватскаго возстанія, давшія имъ возможность сосредоточиться въ сѣверовосточныхъ предѣлахъ Босніи, для дѣйствія противъ Славоніи, возбудили сильное неудовольствіе въ Сигизмундѣ. Послѣдній не замедлилъ двинуться въ Боснію противъ собравшихся съ новыми силами вожаковъ далматинско-хорватскаго движенія; у крѣпости Добора произошло столкновеніе, въ которомъ захвачены были въ плѣнъ самъ Иванъ Хорватъ и 300 другихъ и преданы позорной казни—первый въ Печуѣ, а остальные въ Пештѣ ¹⁾. Стефанъ Дабиша, не принимавшій въ этомъ движеніи личнаго участія, долженъ былъ явиться съ повинною къ Сигизмунду и признать надъ собою власть сего послѣдняго. Хорватскій историкъ г. Рачкій въ своемъ изслѣдованіи „*Pokret na slavonskom jugu*“ утверждаетъ, что Дабиша вынужденъ былъ въ это время возобновить Дьяковскій договоръ, главное положеніе коего состояло въ томъ, что Венгерскій король Сигизмундъ признавалъ Стефана Дабишу Боснійскимъ королемъ подъ условіемъ перехода Босніи въ руки Венгерскаго короля, послѣ его смерти ²⁾. Но, къ сожалѣнію, почтенный ученый не вполне разъяснилъ этотъ договоръ; не извѣстенъ въ точности и годъ составленія этого договора. Изъ сопоставленія фактовъ въ упомянутомъ трудѣ г. Рачкаго выходитъ, что онъ былъ составленъ въ первый годъ правленія Дабиши (1392); но тогда непонятно, какимъ образомъ король Сигизмундъ въ 1394 г. въ Дьяковѣ же издаетъ грамоту боснійскому боярину Вукимиру (*Vukmer*) съ братьями, въ которой, касаясь вопроса признанія Дабиши королемъ Босніи на вышеупомянутомъ уже условіи, даетъ знать ему, чтобъ и онъ (Вукимиръ), давшій съ согласія своего короля обязательство быть вѣрнымъ ему (Сигизмунду), въ точности исполнилъ это свое обязательство ³⁾. Нельзя ли предположить, что этотъ договоръ былъ заключенъ въ 1394, послѣ сильнаго пораженія Дабиши и его союзниковъ сначала въ Далмаціи а затѣмъ и въ предѣлахъ самой Босніи ⁴⁾?

Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что Дьяковскій договоръ

¹⁾ Thuroch, *ibid.*

²⁾ *Rad jugoslav. Akad.* III, стр. 151.

³⁾ *Fejer*, *Cod. diplom.* X, v. 2 № XCIV, стр. 178.

⁴⁾ Впрочемъ, это лишь догадка; намъ, вообщемъ, не ясно представляется весь ходъ этихъ событій, не смотря на довольно пространное изложеніе ихъ въ упомянутомъ трудѣ г. Рачкаго, стр. 136—151.

грозилъ великою опасностью Боснійскому королевству: всѣ владѣнія Боснійскаго короля въ Далмаціи отошли къ Венгріи еще при жизни Дабиши, а послѣ его смерти и прочія части Боснійскаго государства должны были войти въ составъ Угорской короны. Этотъ критическій моментъ не замедлилъ представиться: 9-го сентября 1395 г. умеръ Степанъ Дабиша, и Сигизмундъ долженъ былъ, согласно Дьяковскому договору занять его владѣніе. Кто знаетъ, какой оборотъ приняли бы дѣла Босніи, если бы не тревожное положеніе самого Сигизмунда, послѣ смерти его жены Маріи ¹⁾, и несчастная для Сигизмунда Никопольская битва, которая отвлекли его вниманіе отъ Босніи: представлялось самое удобное время занять всю Боснію, пока еще не нашелся новый претендентъ на боснійскій престолъ. Сигизмундъ упустилъ удобную минуту. Въ Босніи, между тѣмъ, явилось двое претендентовъ на престолъ — соперникъ Стефана Дабиши Твердко Твердковичъ и Остоя Кристичъ. Первый предъявилъ свои притязанія по старой традиціи, а второй былъ выдвинутъ народною боснійскою партіей: бояре, не желая повиноваться незаконному сыну Стефана Твердка, избрали въ короли Остою Кристича, который, какъ показалъ хорватскій историкъ г. Рачкій, былъ сынъ Степана Дабиши; избранный Остоя былъ еще малолѣтенъ, и потому вмѣсто его правила государствомъ его мать Елена ²⁾.

Повторился тотъ же споръ, какой былъ по смерти Стефана Твердка, съ тѣмъ однако отличіемъ, что теперь каждый изъ претендентовъ позаботился о пріисканіи себѣ защитника: первый нашелъ такового въ лицѣ султана Баязета, а второй — въ лицѣ Неаполитанскаго короля Владислава, котораго вожаки хорватскаго движенія (напримѣръ, Степанъ Лацковичъ) прочили въ короли угорско-хорватской державы. Каждый изъ нихъ, кромѣ того, имѣлъ въ своей власти извѣстную часть Боснійскаго государства: Твердко Твердковичъ держался въ сѣверной части Босніи, имѣя на своей сторонѣ народъ, а

¹⁾ Польскій лѣтописецъ Иванъ Длугошъ сообщаетъ фактъ, что многіе венгерскіе бояре не признавали Сигизмунда своимъ королемъ, а склонялись на сторону Польскаго короля Владислава Ягелло, который готовился къ походу противъ Сигизмунда, для занятія наслѣдства своей жены Ядвиги.

²⁾ *Rački*, *Pokret etc. Rad*, IV, стр. 6—7. Мнѣніе Рачкаго послѣднее слово въ наукѣ. А. А. Майковъ принималъ старое мнѣніе, что Остоя былъ сынъ Павла Кристича изъ рода Ябланозичей (см. Исторію Сербскаго языка въ связи съ исторіей народа, стр. 179).

Остоя сидѣлъ въ южной части, поддерживаемый боярами. Оба они титуловались королями Босніи; но сосѣдними державами былъ признаваемъ королемъ Босніи только Остоя. Въ 1398 г. Остоя достигъ совершеннолѣтія и принялъ бразды правленія. Въ сущности говоря, порядокъ вещей, бывшій до принятія имъ власти, остался и теперь. Молодой Остоя былъ окруженъ тѣми же боярами, какіе были при его матери и предшественникахъ Дабишѣ и Твердкѣ. Самую видную роль играетъ Гервоя ¹⁾, проникнутый тѣми же планами, какіе преслѣдовалъ король Стефанъ Твердко. Обстоятельства какъ нельзя лучше способствовали тому, что представители интересовъ Боснійскаго королевства возвратились къ планамъ Стефана Твердка, основателя Боснійскаго королевства. Пораженіе Венгерскаго короля Сигизмунда у Никополя подняло противъ него бурю недовольныхъ его правленіемъ не только Хорватовъ, но и самихъ Венгерцевъ; онъ былъ посаженъ въ тюрьму. Этою-то неурядицей думали воспользоваться вожаки далматинско-хорватскаго движенія, побуждаемые представителями боснійскихъ интересовъ. Степанъ Остоя, или вѣрнѣе, его руководители поддерживали право Неаполитанскаго короля Владислава на Далмацію и Хорватию, не упуская, въ то же время, изъ виду интересовъ своего государства. Уже въ 1398 г. Гервоя занялъ жупу Дубицу, откуда открывался путь въ Посавину и затѣмъ въ Далмацію. Именемъ Остои онъ сталъ пріобрѣтать расположеніе далматинскихъ городовъ, въ числѣ которыхъ Трогиръ и Шибеникъ скорѣе другихъ оказались сговорчивыми на признаніе власти Боснійскаго короля. Для успѣшнаго исхода предпріятія нужно было имѣть на своей сторонѣ и Дубровницкую республику, которая въ виду своихъ торговыхъ интересовъ тоже склонялась на сторону Боснійскаго короля Остои и Венгерскаго короля Сигизмунда; она платила каждому изъ нихъ дань за право свободной торговли: первому — „сербскій доходъ“ за торговлю въ Босніи, второму — за торговлю въ Далмаціи; но отказалась удовлетворить желаніе Остои (собственно Гервои) совѣмъ перейти на его сторону, обязавшись быть вполне нейтральною въ его спорѣ съ Венгерскимъ королемъ Сигизмундомъ за Далмацію и не принимать бѣглецовъ ²⁾.

¹⁾ Перечень другихъ см. у г. Рачкаго, *Pokret na slav. jugu — Rad*, IV стр. 28—29.

²⁾ Ми смо послали заповѣдакъ, да ниткорь не смѣтъ бѣде нѣднаго примити

Обладаніе Далмаціей было необходимо для развитія Боснійскаго королевства, что сознавали и тогдашніе боснійскіе дѣятели: для упроченія здѣсь своей власти, король Остоя намѣренъ былъ построить у моря крѣпость. По этому поводу онъ обращался къ Венеціанской республикѣ за совѣтомъ и содѣйствіемъ и приобрѣлъ ея расположеніе ¹⁾. Но въ то время какъ Остоя и Гервоя заботились объ обезпеченіи своей власти въ Далмаціи, не дремала и противная имъ партія Венгерскаго короля; подъ знаменемъ двухъ намѣстниковъ его, епископа Ебергарда и Бранскаго пріора Мирка Бубека, она возвратила въ іюль 1402 г. жупу Дубицу, занятую 1398 г. Гервоей. Последовавшее затѣмъ появленіе въ Далмаціи Неаполитанскаго короля Владислава, который былъ признанъ королемъ въ г. Задрѣ и другихъ далматинскихъ городахъ, ободрило Боснійскаго короля Остою и его воеводу Гервою; послѣдній былъ признанъ имъ его далматинскимъ намѣстникомъ и Сплѣтскимъ герцогомъ. Съ помощью Владислава, Остоя рѣшился сдѣлать попытку вполне привлечь Дубровницкую республику на свою сторону. Дѣло началось переговорами Остои съ Дубровницкою республикой, а кончилось открытою войною между ними; война эта имѣла неблагоприятный для Остои исходъ, благодаря тому обстоятельству, что Владиславъ, испытавъ на первыхъ порахъ неудачи въ войнѣ съ Венгерскимъ королемъ, оставилъ Далмацію, и Остоя былъ предоставленъ однѣмъ собственнымъ силамъ въ борьбѣ съ Дубровницкою республикой. Послѣ этой войны, Дубровницкая республика всецѣло перешла на сторону Венгерскаго короля. Это послѣднее обстоятельство всего больше повредило Остоѣ: оставленный своимъ союзникомъ Неаполитанскимъ королемъ и побѣжденный Дубровницкою республикою онъ вынужденъ былъ вступить въ болѣе тѣсный союзъ съ Венгерскимъ королемъ ²⁾ и прервать связь

и възда комъ ꙗко ткогоде потѣжилъ, да мѣ ꙗко шаль коигоде чловѣкъ и повидѣль ни га, гдѣ ꙗко ми смо ты часъ казали оногаи нашего чловѣка педепсать, а оногаи пришалца изъринѣли (М. Пушић, Споменици Србски, т. I, № 72, стр. 41).

¹⁾ Но Венеціанская республика выговорила условіе, что она не вступитъ въ бой съ тѣмъ изъ возможныхъ противниковъ этого плана Остои, съ которыми она поддерживаетъ миръ (см. Šafarik, Acta Archivi Veneti, I, № CCXVIII, отъ 20 го апрѣля 1402 г.).

²⁾ Подробности этого соглашенія неизвѣстны; въ слѣдующемъ свидѣтельствѣ самого короля Сигизмунда «Iohannes banus.... illustrem principem dominum Ostho-
yam, regem Bozne, alias nostre celsitudinis rebellem, juxta sue sagacitatis indus-

съ хорватско-далматинскимъ движеніемъ, во главѣ котораго въ то время стоялъ герцогъ Гервоя; онъ измѣнилъ мудрой политикѣ основателя Боснійскаго королевства, которая вошла въ плоть и кровь боснійскаго боярства. Послѣ этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ не въ силахъ былъ удержаться на боснійскомъ престолѣ.

Тотъ же Гервоя, дѣйствовавшій вмѣстѣ съ нимъ въ пользу неаполитанскаго короля Владислава противъ Венгерскаго короля Сигизмунда и въ пользу Боснійскаго королевства, теперь перешелъ въ лагерь самыхъ заклятыхъ враговъ Остои, имѣвшихъ, однако, въ виду интересы своего отечества. Гервоя вошелъ въ соглашеніе съ Дубровницкою республикою противъ Остои, съ цѣлью низложить его и возвести на боснійскій престолъ Павла Радишича ¹⁾, котораго, поэтому, Дубровничане называютъ въ одной грамотѣ врагомъ Остои ²⁾. Павлу Радишевичу не удалось занять боснійскій престолъ, и какъ замѣчаетъ г. Рачкій, по той причинѣ, что его избиратели имѣли въ виду предотвратить развитіе возможныхъ интригъ среди боснійскихъ бояръ, изъ которыхъ каждый въ равной мѣрѣ имѣлъ одинаковыя права на занятіе боснійскаго престола. Избранъ былъ соперникъ Остои Твердко-Твердковичъ, въ половинѣ іюля 1404 г. Лишенный престола Остоя продолжалъ жить въ Босніи въ г. Бобовцѣ ³⁾, оставленный на нѣкоторое время своимъ союзникомъ-покровителемъ Венгерскимъ королемъ Сигизмундомъ. Чешскія дѣла отвлекли вниманіе Сигизмунда отъ Босніи и Далмаціи; но лишь только онъ покончилъ дѣло съ своимъ братомъ Вячеславомъ Чешскимъ, до-

triam.... ad nostra beneplacita in tantum allicere et inducere valuit et scivit, ut idem rex Osthoja familiaris nostre celsitudinis extitit effectus, et cum cunctis regnicolis suis nostre majestatis ditioni sese subiugavit» (Грамота отъ 1405 г. 29-го авг., Fejer, Codex diplomat. X, 4, 388) нельзя не усматривать нѣкотораго пристрастія.

¹⁾ Miklosich, Monum. Serbica, № CCXLI: и ми градъ Дѣброваникъ такое ѡбитѣмо заедано с госаподиномъ Хравоемъ ва васе ѡчинити, що моремо сѣ-противъ кралѣ ѡстои а ѡ помоѣ реченомъ господинѣ Павлѣ Радишићѣ по морѣ или по сѣхѣ по в(с)ихъ мистихъ ѡколо насъ с нашими лѣдами и с иними, кое бѣдемо моћи нагнути на то.

²⁾ Matković, Spomenici za dubrov. povjest отд. B. Lettere e commissioni (Stagine, кн. I).

³⁾ Въ одной своей грамотѣ отъ 1408 г. онъ пишетъ: «quando a Bosnensibus pulsati fuimus et stetimus in quodam loco nuncupato Bobovatz» (Lucii, Memorie di Trau, стр. 391).

зволивъ ему войти въ союзъ съ Польскимъ королемъ Владиславомъ и Австрійскими герцогами, вниманіе его снова было обращено на югъ— на происшедшій 1404 г. въ Босніи государственный переворотъ. Прошло со времени этого переворота годъ съ лишнимъ, и новый порядокъ вещей въ Босніи вошелъ въ силу. Собственно говоря, все осталось по прежнему: все тѣ же бояре окружали Твердка Твердковича, что скружали и его предшественника Степана Остою, и между ними Гервоя и Сандаль стояли во главѣ. Какъ энергическій дѣятель-патріотъ, онъ не преминулъ зорко слѣдить за движеніями Венгерскаго короля Сигизмунда и позаботился заручиться союзомъ съ республиками Дубровницкою и Венеціанскою. Условія союза и мира съ Дубровницкою республикою еще не были заключены ¹⁾, а Венгерскій король Сигизмундъ уже былъ готовъ къ походу.

¹⁾ 30-го мая 1405 г. дубровницкое правительство писало своему послу, ведшему переговоры о мирѣ съ боснійскимъ дворомъ: «Prima, nuy ve mandemo in forma la copia de la premessa, che volemo fare a voyvoda Sanday et vochez so fratello.... cum la gracia de dio li plaxera che ge la facemo a soa in intencione graciosa et larga, che cossi da prima fo la nostra intencione. Et ve mandemo in forma la copia de la poveya, che vuy havete che ne debia esse fatta pro lo Re de bossina, a la qual habiamo posta la zonta de le III ville al luogo dove die stare, come vederete. Siche cum lo nome de dio adoperate a trarre a bono fine quisti fatti et a complirli a nostra intencione — va in bossina al cherzech over al Re, cum Sanday per lo meyo de questi fatti deliberarete. Et pro questa prima va comettemo: se di alcuni vocabulli o parolle ne le dite poveye fosse de le qual non se contentasse che se faça e vollesselle extrare over mandare in altra forma, le qual a nuy paresse chiaramente, che non mudà sentenza, lasemo in vuy, lo façate.

Et se li se agreuasse zoche non credemo di quello, che dixe di zenochio masculino assigna lor raxone, che fa per loro, che romagnando di lor mascolli e femine... le dite la lor parte del beneficio et toriano de le raxone di mascolli et cum altre raxone, che ve parera a zo convignir se, come speremo in la discrezione vostra saperete fare. Et a quello ne scriuete, chel voyvoda vole, che la poneya siandone fata per lo Re di Bossina sia deponita in mano del diedo, finche faciamo li sacramenti al dito voyvoda, plase ne et dapo la habiamo de mano del dito diedo cum lo modo, che vuy scrivesti; et in questo mezo vuy aspetate li al diedo, o altrone doue a nuy parera per lo mieio.

Et a quello, chel voyvoda vole che nuy prima zuriamo a luy, et po luy a nuy—sia cum dio contentate a zo salvo de le done nostre, non fo may uxançe, che le zureno, perche non sono baronesse, et le lor sono baronesse, impero se potete otignire, che le zuri in bona hora; et se non posse ottignire et tu passa çença el fare zurare le ditte done.

Et a quello dite: se andando vuy in Bossina: sel Re ve domandasse di le soe chaxe de Ragusa et del tributo — Respondete, che le chaxe et lo tributo sono de

2-го мая 1405 г. Дубровницкая республика извѣщала владѣльницу Зеты Елену и ея сына Бальшу о дошедшемъ до нея слухѣ о великихъ приготовленіяхъ Венгерскаго короля Сигизмунда къ походу, но противъ кого — ей было еще не извѣстно; республика предлагала ей обратиться за разъясненіями къ Сербскому деспоту Стефану Лазаревичу, съ которымъ король Сигизмундъ поддерживалъ большую дружбу¹⁾. Въ томъ же году онъ отправилъ на югъ три отряда: одинъ подъ начальствомъ мачванскаго бана Ивана Моровичскаго, второй, подъ начальствомъ хорватскаго бана Павла и третій, подъ начальствомъ Петра Перени. Первый отрядъ вторгся въ Боснію въ мѣстѣ, представляющемъ уголъ между р. Савою и Дравою; другой перешелъ въ Боснію изъ верхней Славоніи; оба по направленію къ р. Уннѣ; третій оставался на границѣ. Первые два имѣли на первыхъ порахъ успѣхъ: одинъ занялъ Среберникъ, второй — Бихачъ²⁾. Послѣдній пунктъ не могъ быть удержанъ Венгерцами, которые принуждены были ретироваться черезъ р. Унну; первый же отстоялъ натискъ Босняковъ, происшедшій въ слѣдующемъ году, и затѣмъ былъ уступленъ королемъ Сигизмундомъ Сербскому деспоту Стефану Лазаревичу.

При враждебномъ отношеніи Босніи къ Сигизмунду, естественно, должны были возобновиться дружественныя отношенія Боснійскаго короля къ врагу послѣднаго, претенденту на хорватско-далматинское владѣніе, Неаполитанскому королю Владиславу. Твердко Твердковичъ измѣнилъ свои прежнія дружественныя отношенія къ Венгерскому королю, какъ своему покровителю; онъ послѣдовалъ политикѣ боснійскаго двора установившейся со времени короля Стефана Твердка I, и сталъ поддерживать претензіи Неаполитанскаго короля Владислава на владѣніе Хорватіей и Далмаціей. Отношенія Боснійскаго короля къ Неаполитанскому были отношенія равнаго къ равному. Неаполитанскій король изъ симпатіи къ своему союзнику признавалъ за Боснійскимъ королевствомъ всѣ права, какія были приобрѣтены имъ въ прежнее время. 26-го августа 1406 г., онъ, по требованію Твердка

dio et soe siando complide et fermade le nostre poueye; et se li te domandasse di qual tributo et tu respondi: dal di de la creacione toa....

Et ve mundemo carte III di pergameno et di cera et de seda et per speha perperi (Lettere e commis. di Levante, ркп. дубровн. окружнаго архива).

¹⁾ М. Пуцић, Споменици србски, кн. I, № 117.

²⁾ Какъ свидѣтельствуется самъ Сигизмундъ въ одной грамотѣ отъ 1409 г. сл. Fejer, Codex diplomaticus X, v. 4., стр. 397.

Твердковича и его воеводъ—Гервои, Сандаля и др., далъ боснійскимъ посламъ, холмскому воеводѣ Георгію и кнезамъ Вуку и Ёомѣ, официальную грамоту, въ которой заявилъ, что онъ признаетъ всѣ права Боснійскаго королевства, какъ независимаго на владѣніе землями, уже владѣемыми боснійскою короною ¹⁾. Въ то же время, и отношенія Твердка Твердковича къ Венеціи и Дубровнику были дружественны ²⁾.

Но при всемъ, по видимому, мирномъ положеніи Боснійскаго государства, настоящаго мира не было: не переставалъ интриговать низверженный Стефанъ Остоя, находившійся несомнѣнно въ сношеніяхъ съ Венгерскимъ королемъ Сигизмундомъ. Его пребываніе въ г. Бобовцѣ благопріятствовало ему слѣдить за дѣйствіями лицъ, его низложившихъ. Это сознавали представители тогдашняго боснійскаго правительства, и потому съ своей стороны оказали ему содѣйствіе для переселенія изъ Бобовца въ городъ Дубровникъ на жительство ³⁾. И въ самомъ дѣлѣ, опасенія были не напрасны. Король Сигизмундъ, покончивъ свои дѣла внутри своего государства, отправился въ Боснію съ арміей въ 60,000 человекъ, съ цѣлью возстановить здѣсь свою прежнюю власть, вошедшую—было—въ силу при Остоѣ, теперь низложенномъ ⁴⁾. Современникъ событій, секретарь короля Сигизмунда Эбергардъ Виндекъ въ своихъ запискахъ о правленіи Сигизмунда сообщаетъ, что Сигизмундъ пробылъ въ Босніи три года (съ 1405 года), по истеченіи коихъ, ему удалось одержать рѣшительную побѣду надъ Твердкомъ Твердковичемъ ⁵⁾. Виндекъ не выясняетъ, что помогло королю Сигизмунду одержать эту побѣду; но изъ Фландрскихъ лѣтописей ⁶⁾ узнаемъ, что Сигизмундъ, въ виду того, что, казалось,

¹⁾ *Lucius, De regno Dalmat. et Croat. lib. V, cap. IV, стр. 422—437. и Arkiv za povijestuiizu jugoslav., II, стр. 20, впрочемъ, въ грамотѣ земли не перечислены.*

²⁾ *Сл. Pokret na slav. jugu. Rad, IV, стр. 92—93.*

³⁾ На это онъ самъ изъявилъ свое желаніе 1406 г. (См. *Пуцић, Споменици I № 147*); *ibid. №№ 153 и 154.*

⁴⁾ *Dlugossius lib. X; и Windeck, Historia Sigismundi cap. XVIII (изд. Menckonii Scriptores rerum Germanicarum, t. III, стр. 1086).*

⁵⁾ *Windeck. l. c.*

⁶⁾ *Ex Flandricis annalibus Mayerii, заимствуемъ у Прая, Annal. reg. Hung.)*

Сигизмундъ извѣщалъ что «certos quosdam pactiones inter se et fratrem suum Wenceslaum Romanorum et Bohemiae regem esse factos: se cum Ostoja Rege Bosniae, pacem ac foedus iniisse, Stephanum, ducem Rasciae ipsi Sigismundo se subjecisse et contra Turcos magna potentia profectum victorias aliquot reportasse. Constan-

война затянется надолго, отправилъ къ Филиппу, герцогу Бургундскому и графу Фландрскому своихъ пословъ: Ваціенскаго епископа Николая, графа Германа Цилли и палатина Николая Гару съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ, что между имъ и братомъ Вячеславомъ, королемъ Чехіи et Romanorum заключены какія-то условія; что съ Боснійскимъ королемъ Остоею союзъ заключенъ; что Сербскій деспотъ Стефанъ признаетъ его власть; что онъ (Сигизмундъ) одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ Турками; что Византійскій императоръ и воевода Валахіи успѣшно дѣйствуютъ противъ Турокъ, и въ заключеніе убѣждаетъ его прислать ему помощь. Прислалъ ли Бургундскій герцогъ свою помощь, не знаемъ; но вѣроятно, прислалъ, если не въ началѣ, то по крайней мѣрѣ, въ концѣ этого боснійскаго похода 1407 года, когда папа Григорій XII, по просьбѣ Сигизмунда, объявилъ крестовый походъ ¹⁾).

Съ такими громадными силами Сигизмунду удалось одержать блистательную побѣду надъ Твердкомъ Твердковичемъ въ 1407 году: у крѣпости Добора произошло генеральное сраженіе, въ которомъ попались въ венгерскій плѣнъ самъ Боснійскій король Твердко Твердковичъ и 126 его бояръ; послѣдніе были обезглавлены, и трупы ихъ были брошены въ рѣку Босну, а король былъ отведенъ въ плѣнъ въ городъ Пештъ ²⁾. Отдѣльные венгерскіе отряды распространились затѣмъ по всей Босніи; сопротивленія имъ не было оказано. Босняки должны были помириться съ тѣмъ, что на боснійскій престолъ снова былъ возведенъ покровительствуемый Сигизмундомъ Стефанъ Остоя, которому досталась уже далеко не вся территорія Боснійскаго королевства времени короля Твердка I и даже Твердка Твердковича: сѣверную часть Босніи Сигизмундъ присоединилъ къ Мачвѣ, а западную къ Кроаціи; округъ Сереберника былъ уступленъ Сербскому деспоту Стефану Лазаревичу. За Остоей осталась южная часть Боснійскаго королевства. Съ подобнымъ дѣленіемъ Босніи помирился и главный вождь боснійскаго движенія Гервоя. Онъ, послѣ этого событія, отправился въ Пештъ, гдѣ былъ ласково принятъ Сигизмундомъ: послѣдній призналъ за нимъ титулъ Сплѣтскаго герцога, уступилъ ему значительное число городовъ и деревень, сдѣлалъ его своимъ кумомъ

tinopolitanum Imperatorem ac Wayvodam Valachiae contra eosdem Turcos pulchra facinora gerere, seque illis magna misisse auxilia.

¹⁾ Raynaldus, Annal. ecclesiae, подъ 1407 годомъ.

²⁾ Dlugos. X, стр. 194; Windeck. ib. cap. XVIII.

и грудь его украсилъ недавно установленнымъ орденомъ Дракона (signum draconis) ¹⁾. Обо всемъ этомъ Гервоя извѣщалъ Дубровницкую республику, которая не замедлила отвѣтить ему, въ 1409 году 9-го февраля изъясненіемъ своей радости ²⁾.

Оставшійся безъ соперника Боснійскій король Остоя не могъ жить въ мирѣ съ ближайшимъ своимъ сосѣдомъ—Дубровницкою республикою. Дубровникъ, оказывавшій гостепріимный пріемъ всѣмъ убѣгавшимъ въ его стѣны, оказывалъ въ тоже время подобное же гостепріимство и врагамъ Остои, напримѣръ, двумъ Котромановичамъ, но отказывался принимать Патареновъ, сторону которыхъ держалъ самъ Остоя. Эти недружелюбныя отношенія привели въ концѣ концовъ къ открытому столкновенію ихъ у самыхъ стѣнъ города Дубровника: сначала боснійское войско, подъ начальствомъ воеводы Сандаля Храпича, было разбито Мариномъ Гучетичемъ и Яковомъ Гундуличемъ, а затѣмъ Дубровничане на своихъ баркахъ по рѣкѣ Неретвѣ вторглись во владѣнія Остои и опустошили окрестности, что случилось въ годъ новаго вступленія Остои на боснійскій престолъ, въ 1407 году ³⁾. И въ послѣдующіе годы между Дубровникомъ и Боснійскимъ королемъ не могла утвердиться дружба. Въ 1410 году Дубровничане опустошили огнемъ и мечемъ пограничныя мѣстности Боснійскаго короля въ то самое время, когда они разбили девять неаполитанскихъ галеръ, угрожавшихъ городамъ Котору и Дубровнику ⁴⁾.

Точно также, Остоѣ не удалось вполне сохранить миръ и внутри своего государства. Его главный воевода Гервоя, въ надеждѣ сдѣлаться вполне независимымъ владѣтелемъ-королемъ всего Боснійскаго королевства, поднялъ противъ него знамя возстанія и призвалъ Турокъ, которые причинили много вреда ослабленной Босніи. Только со смертью Гервоя, Остоѣ пришлось вздохнуть нѣсколько свободнѣе. Теперь Остоя задумалъ воспользоваться и его владѣніями въ Далмаціи. По этому поводу онъ сносился съ вдовою Гервоя, требуя у нея уступки г. Омиша (Almissa) ⁵⁾. Казалось, дѣло это уже близилось къ концу, и Венеціанская республика поручала своему представителю

¹⁾ *Ljubić O Hrvoji velikom bosanskom vojvodi i spletskom hrcęu. (Rad jugoslav. akad. XXVI, стр. 85).*

²⁾ *М. Пушћ, Споменици Сербски, I, № 176.*

³⁾ *Fessler, Geschichte d. Ungarn, B. IV, стр. 1041.*

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ *Šafařík, Acta Archivi Veneti, № CCLXXXVIII.*

въ г. Шибеникѣ склонить Боснійскаго короля Остою или вдову Гервои къ уступкѣ ей этого города ¹⁾. Но Остою и тутъ потерпѣлъ неудачу: городъ, котораго онъ домогался, перешелъ въ руки Іоанна, князя Цетинскаго, въ маѣ 1416 г. ¹⁾. Въ 1418 г. бѣжалъ изъ венгерскаго плѣна соперникъ Остои, Твердко Твердковичъ, котораго бояре сѣверной части Босніи не замедлили избрать своимъ королемъ. Это обстоятельство привело Остою въ сильное безпокойство; онъ не замедлилъ обратиться къ Венеціанской республикѣ съ просьбой о заключеніи съ нимъ союза (*ligam generalem*) противъ всѣхъ его враговъ, въ томъ числѣ и противъ Твердка Твердковича, на что республика отвѣтила въ 1419 г. своимъ согласіемъ лишь на лигу спеціальную (*ligam specialem*) ²⁾, то-есть, конечно, только противъ Твердка Твердковича. Союзъ, кажется, былъ заключенъ на такихъ условіяхъ, какія предложила Венеціанская республика. При жизни Остои, Твердко Твердковичъ не достигъ ничего. Въ 1420 г. послѣдовала смерть Остои. Сынъ его, Стефанъ Остоичъ, желая одержать верхъ надъ своимъ соперникомъ Твердкомъ Твердковичемъ, когда къ тому же боснійскіе бояре, какъ напримѣръ, воевода Сандаль, приняли сторону Твердка Твердковича ³⁾, былъ поставленъ въ необходимость также

¹⁾ Переговоры о соглашеніи Остои съ вдовою Гервои послужили основаніемъ для басни западныхъ лѣтописцевъ: Лукари и Орбини, будто Остою развелся съ своею первою женою Грубою и женился на вдовѣ Гервои Елицѣ. На самомъ же дѣлѣ, ничего подобнаго не бывало: если бы бракъ этотъ состоялся, то несомнѣнно, и Омишъ очутился бы во власти Остои; но мы, въ 1416 г. видимъ этотъ городъ въ рукахъ князя Іоанна Цетинскаго, признававшаго верховную власть Венгерскаго короля (*Šafaik. Acta Arch. Veneti ib. стр. 528*). Это фактъ. Тогда, можно ли допустить, чтобы Боснійскій король, женившись на вдовѣ Гервои, согласился на уступку Іоанну Цетинскому того пункта, котораго онъ самъ сильно домогался? Имѣетъ также значеніе и то, что эта вдова Гервои не называется женою Остои, а только вдовою первого (*domina ducissa condam ducis Chervoziae*). Затѣмъ, въ грамотѣ Остои, отъ 1409 г. (*Miklos. Mon. Serb. № CCLIV*), жена его называется «Куѣва»; то же и въ грамотѣ, отъ 1419 г. (*ib. № CCLXIX*). Слѣдовательно, если допустить, что Остою развелся съ первою женою Куѣвою (Грубою западныхъ лѣтописцевъ) и женился на Елицѣ, то точно также слѣдовало бы допустить, что онъ въ 1419 г., или раньше развелся съ Елицею и снова взялъ Куѣву. Это едва ли возможно.

²⁾ *Safaik; Acta Arch. Veneti. № CCC.*

³⁾ Такъ, уступку части Конавльскаго жупы, сдѣланную воеводою Сандаломъ Храничемъ и его братьями Влекцомъ и Волкомъ, утверждаетъ въ 1419 г. Степанъ Остою (*Miklosich, Monum. Serbica, № CCLXIX*), а уступку другой части Конавльскаго жупы съ городомъ Соколомъ, сдѣланную ими же Дубровнику (которая прежде

искать поддержки у Венеціи; онъ спѣшитъ получить отъ Венеціанской республики утвержденіе союза, заключеннаго между ею и его отцомъ ¹⁾. Когда Твердко Твердковичъ утвердился въ сѣверной части Босніи вполнѣ, Венеціанская республика, въ 1421 г., соглашается на требованіе Стефана Остоича, но при этомъ заявляетъ одно важное для ея торговыхъ интересовъ требованіе, чтобы область Неретвы (*locus Narentae*) была укрѣплена Стефаномъ для безопасности венеціанскихъ торговцевъ ²⁾; въ 1422 г. она потребовала, чтобы онъ установилъ монополію на соль въ области р. Неретвы въ пользу венеціанскихъ купцовъ ³⁾. Стефанъ Остоичъ домогался этого союза съ Венеціей, главнымъ образомъ, для того, чтобы имѣть возможность оказывать противодѣйствіе своему сопернику, Твердкѣ Твердковичу; но всѣ эти его предосторожности не привели ни къ чему. Дѣла вскорѣ приняли вполнѣ неблагопріятный для Остоича оборотъ. Онъ, какъ и его отецъ, лишенный богатства прежнихъ Боснійскихъ королей Твердкомъ Твердковичемъ, вынужденъ былъ, для снисканія достаточныхъ средствъ, прибѣгать къ стѣснительнымъ мѣрамъ, напримѣръ, къ монополіи на предметы первой необходимости. Это обстоятельство подало поводъ къ возстанію противъ него боснійскихъ бояръ и всего народа. Стефанъ Остоичъ бѣжалъ къ султану въ Адрианополь, а королемъ Босніи остался его соперникъ, Твердко Твердковичъ и былъ признанъ всѣми боснійскими боярами ⁴⁾. Это удаленіе произошло въ первомъ полугодіи 1422 г., если не въ концѣ 1421; Венеція продолжаетъ свои не оконченные переговоры уже не со Стефаномъ Остоичемъ, а съ Твердкомъ Твердковичемъ. Для одержавшаго верхъ надъ своимъ соперникомъ Твердка Твердковича было крайне необходимо заискать расположеніе западныхъ католическихъ державъ, и конечно, всего больше Венеціанской республики, естественной соперницы его врага,

принадлежала князю Павлу, а затѣмъ его сыну Петру Павловичу, и отъ послѣдняго отнята султаномъ Махметомъ за измѣну и передана Сандалу), утверждаетъ въ 1420 г. не Степанъ Остоичъ, а его соперникъ Твердко Твердковичъ (*ibid.* № CCLXXIII).

¹⁾ Šafařík, *Acta Arch. Ven.* № CCCXIX, стр. 34.

²⁾ *Ibid.* стр. 33.

³⁾ Et propterea, si suae serenitati placeret velle providere, quod alius sal no conduceretur Narentum, nisi sal fidelium et subditorum nostrorum, nostrum dominium offert teneri facere per subditos nostros dictum locum Narente, continuo fulcitum sale habundanter; et dictum salem vendi facere illo pretio, quo venditur per alios mercatores (Šafařík, *Acta Arch. Ven.* № CCCXL, стр. 88).

⁴⁾ Thurocz, cap. XVIII; Bonfini. dec. II, cap. 3, стр. 399.

Венгерскаго короля. Уже въ маѣ 1422 г. Твердко заявилъ католическому Сплѣтскому архіепископу, что онъ желаетъ имѣть жену римско-католическаго вѣроисповѣданія и именно изъ дома Малатесты. Сплѣтскій архіепископъ довелъ это до свѣдѣнія Венеціанской республики, прося ея содѣйствія въ этомъ дѣлѣ; послѣдняя дала на то свое обѣщаніе ¹⁾. Въ желаніи Твердка II заискать расположеніе Венеціанской республики кроется, кажется, причина того, что онъ въ угоду ей жертвуетъ интересами своего государства. Въ 1422 г. 21-го декабря онъ даетъ привиллегію венеціанскимъ купцамъ на право свободной и безопасной торговли въ его владѣніяхъ; онъ обязывается предпринять своимъ чиновникамъ, чтобъ они оказывали всевозможное содѣйствіе венеціанскимъ купцамъ ²⁾. А 6-го февраля 1423 г. онъ заключаетъ союзъ съ Венеціанскимъ дожемъ Томою Мочениго противъ князя Іоанна Цетинскаго на условіяхъ болѣе выгодныхъ для Венеціи, чѣмъ для Босніи ³⁾. Около этого времени, въ Далмаціи явился опасный соперникъ Венеціанской республики князь Іоаннъ Цетинскій, который успѣлъ образовать довольно сильное государство на счетъ венеціанскихъ владѣній въ Далмаціи. Въ этомъ случаѣ торговые интересы Венеціи пострадали всего больше. Въ видахъ противодѣйствія этому своему сопернику, Венеціанская республика позаботилась воспользоваться нуждавшимся въ ней Твердкою Твердковичемъ. По условію заключеннаго между ними договора, Твердко Твердковичъ долженъ былъ, въ союзѣ съ Венеціей, двинуть довольно значительное войско противъ Іоанна Цетинскаго. Въ случаѣ удачнаго исхода предпріятія, все владѣніе Іоанна Цетинскаго должно быть раздѣлено слѣдующимъ образомъ: Венеція должны были отойти крѣпость Клісса съ окрестностями, крѣпость Омишь и гористая Полица со всѣми окрестностями и другими мѣстностями, принадлежавшими къ Сплѣтскому округу; остальные же мѣстности, какія будутъ отняты отъ Іоанна Цетинскаго, должны были перейти во власть Твердка II ⁴⁾. Но замѣчательно, что въ договорѣ этомъ не названы мѣстности, имѣвшія перейти во власть Твердка II; очень вѣроятно, что Венеція не намѣрена была проявлять особенную заботу въ дѣлѣ присоединенія

¹⁾ Šafařík, Acta Arch. Ven. № CCCXL, стр. 92 и CCCXLVII (отъ того же 1422 г., 4 октября), стр. 108.

²⁾ Ibid. №№ CCCL и CCCLI.

³⁾ Ibid. № CCCLXIV и CCCLV.

⁴⁾ Šafařík, ib. стр. 143—4.

къ владѣніямъ Твердка II этихъ нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ мѣстностей, и навѣрное, слѣдуетъ предположить, онѣ были не важны для Венеціи: между ними не было приморскихъ пунктовъ; но тогда онѣ не могли имѣть значенія и для Боснійскаго королевства: для какой же цѣли въ такомъ случаѣ Боснійскій король долженъ былъ тратить свои военныя силы, ради интересовъ Венеціи, когда положеніе самой Босніи было таково, что требовало особеннаго вниманія, чтобы сохранять тѣнь независимости, при постоянныхъ вторженіяхъ Турокъ и коварныхъ замыслахъ Венгерскаго короля? И объ этихъ врагахъ Боснійскаго королевства Венеціанская республика не высказалась въ этомъ договорѣ ни однимъ словомъ! Низверженный Стефанъ Остоичъ умеръ въ 1423 г., Твердко Твердковичъ избавился отъ соперника. Казалось, что теперь Твердко Твердковичъ долженъ бы былъ энергичнѣе дѣйствовать въ пользу интересовъ своего отечества; но на дѣлѣ оказалось совершенно иначе. Несомнѣнно, онъ, послѣ своего бѣгства изъ венгерскаго плѣна (1418 г.), не признавалъ власти Венгерскаго короля; но вскорѣ затѣмъ, онъ сталъ сближаться съ этимъ своимъ врагомъ, какъ доносилъ (1425 г.) объ этомъ Венеціи воевода Сандаль Храничъ ¹⁾. Намъ не извѣстны условія того сближенія, о которомъ Сандаль Храничъ доносилъ Венеціи; но, несомнѣнно, тогда уже начались переговоры того рода, которые привели въ 1427 г. 2-го сентября къ заключенію договора между Твердкомъ II и Германомъ Цилли (когого мать Екатерина была законная дочь Твердка I), по которому владѣнія Твердка II, въ случаѣ отсутствія потомка мужскаго пола, должны были перейти къ роду Цилли; а если таковой наслѣдникъ будетъ, то родъ Цилли долженъ защищать его своимъ оружіемъ ²⁾. Изъ этихъ условій еще нельзя заключать, чтобы Твердко Твердковичъ признавалъ надъ собою полную верховную власть Венгерскаго короля; это признаніе считалось возможнымъ лишь съ переходомъ Босніи изъ рода Твердко II въ родъ Цилли. Относительно этого перехода Твердко II въ упомянутомъ договорѣ выразился: „да отвратитъ Богъ!“ ³⁾. Но какъ, быть можетъ, и не желательно было Твердску II предотвратить это признаніе надъ собою верховной власти Венгерскаго короля, оно, по естественному ходу вещей,

¹⁾ Ibid. № CCCLXXXVI, стр. 218.

²⁾ Fejer, Codex diplomaticus, X, v. 6, № CDX; Pray, Annales, t. II. стр. 223—294; Fessler, Gesch. d. Ung. IV, стр. 1033.

³⁾ Quod Deus avertat.

должно было наступить и наступило раньше положеннаго въ договорѣ срока: еще при своей жизни, 1436 г. 15-го января, въ Бѣлградѣ онъ призналъ Венгерскаго короля Сигизмунда своимъ сюзереномъ (*Dominus postre*) и обязался покровительствовать католицизму и распространять его посредствомъ францисканцевъ ¹⁾. Признаніе власти венгерскаго короля надъ Босніей произошло раньше срока; но аннексії страны къ Венгерской коронѣ все-таки не послѣдовало. Послѣ смерти его въ 1443 г., Германъ Цилли заявилъ, было, свои притязанія на Боснію, но ему помѣшалъ его личный врагъ Іоаннъ Гуніадъ: послѣдній помогъ боснійскимъ боярамъ и народу возвести на боснійскій престолъ побочнаго сына Остои, Ѳому Крестича.

Прекращаемъ дальнѣйшее изложеніе событій боснійской исторіи, въ виду того, что и изъ представленнаго выше очерка видно живое участіе Дубровницкой республики въ дѣлахъ Босніи, Хорватіи и Венгріи ²⁾. Конечно, автору „Зориславы“ не могли быть извѣстны всѣ эти подробности; но ему былъ извѣстенъ общій ходъ событій. Ему, конечно, была извѣстна Косовская катастрофа 1389 г., приведшая Сербское царство къ паденію; извѣстны были событія, сопровождавшія паденіе Босніи (1463 г.) и Герцеговины (1483 г.), и онъ былъ свидѣтелемъ рабскаго положенія этихъ странъ, съ которыми его предки, дубровницкіе купцы, вѣдѣли богатую торговлю. Уроженецъ города Дубровника, признававшаго, не смотря на свое автономное положеніе, верховную власть Венгерскаго короля въ старое время, а теперь вынужденнаго давать выкупы Туркамъ, Глеговичъ, какъ и его сограждане, былъ того убѣжденія, что Боснія должна быть соединена съ Венгріей, и что только въ такомъ случаѣ можетъ быть данъ отпоръ Туркамъ. Мысль о соединеніи Босніи съ Венгріей и составила сюжетъ разсматриваемой драмы. Какъ мы видѣли, мысль эта очень часто выступала въ историческомъ ходѣ событій Босніи и Венгріи, но никогда не пришлось ей осуществиться. Глеговичъ, однако, представилъ ее осуществившеюся—или подъ вліяніемъ своего убѣжденія и желанія, или быть можетъ, подъ вліяніемъ того, что дѣйствительно въ старое время совершилось соединеніе Хорватскаго королевства

¹⁾ *Fejer*, Codex diplom. X. v. 7, № CCCLXXV.

²⁾ Подобный же ходъ событій боснійской исторіи былъ и въ періодъ, предшествующій изложенному здѣсь; объ этомъ см. въ нашей статьѣ «Дѣятельность боснійскаго короля Стефана Твердка», помѣщенной въ октябрьской книжкѣ Ж. М. Н. Просв. 1881 г.

съ Венгерскимъ. Можно полагать, что онъ имѣлъ въ виду именно этотъ послѣдній фактъ. Его Крешимиръ, сынъ Боснійскаго короля Мирослава, не встрѣчается между дѣйствительно существовавшими представителями боснійской династїи, но находитъ себѣ мѣсто въ династїи хорватской: по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, въ Хорватїи Мирославу предшествуетъ Крешимиръ ¹⁾; изъ діо-клейскаго лѣтописца узнаемъ, что въ хорватской династїи было даже два Крешимира: одинъ упомянутъ подъ 1015 годомъ, (это — Крешимиръ II), ²⁾ а второй упомянутъ послѣ Стефана, поставленнаго въ этой же лѣтописи подъ 1060 годомъ ³⁾. У Глегеви́ча они произвольно отнесены къ боснійской династїи.

Переходимъ къ разсмотрѣнію сюжета Глегеви́чевой драмы. Онъ заключается въ соединенїи Боснійскаго королевства съ Венгерскимъ, въ лицѣ Крешимира, сына Боснійскаго короля Мирослава, и Зориславы, дочери Венгерскаго короля Хвалимира.

Крешимиръ, безъ вѣдома отца и всей Боснїи, отправляется ко двору Венгерскаго короля, гдѣ принятъ подъ именемъ Драгомира; здѣсь своею красотою онъ плѣнилъ дочь Венгерскаго короля Зориславу, съ которою и прижилъ незаконнаго сына Любомира. Объ этомъ становится случайно извѣстно королю Хвалимиру, и онъ старается узнать, кто оболститель его дочери. Это составляетъ завязку драмы. Крешимиръ служитъ Венгерскому королю: въ поединкѣ съ тремя боснійскими юнаками, выставленными его отцомъ Мирославомъ, онъ убиваетъ ихъ всѣхъ и такимъ образомъ доставляетъ Венгерскому королю торжество надъ королемъ Боснїи. Этимъ онъ снискиваетъ себѣ особенное расположеніе Хвалимира, такъ что послѣдній отдаетъ ему руку Зориславы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право наслѣдованія въ королевствахъ Венгерскомъ и Боснійскомъ.

Въ развитїи этого сюжета Глегеви́чъ слѣдовалъ тому же приему, который составляетъ отличительную особенность его драмы.

¹⁾ См. *Banduri*, *Imperium Orientale*, т. II, стр. 93. *Animadversiones in Constantini Porphyrogeniti libros de thematibus et de administrando imperio*; срв. также «Извѣскїя Константина Багрянороднаго о Сербакъ и Хорватахъ» *К. Грота*, стр. 219.

²⁾ О немъ хроника Дандоло сообщаетъ подъ 1018 годомъ слѣдующее свѣдѣніе: «Nono ducis (то-есть, Ottonis Ursioli) anno *Cresimirus* Croatorum praesidens regno, Sadram et alias maritimas civitates Dalmatiae, quotidianis incursionibus inquietat. A quibus dux requisitus cum stolo exit et civitates tutavit, hostes in fugam vertit et cives illarum in sua fidelitate et obediencia solidavit (*Muratori*, *Script.* XII, стр. 236; и *Racki*, *Documenta histor. Chroat. antiqu.*, стр. 431).

³⁾ *Banduri*. I. c.

Слѣдуетъ полагать, что писатель, изображая Крешимира приходящимъ въ враждебную Боснію Венгрію, желалъ представить примиреніе двухъ сосѣднихъ державъ Босніи и Венгріи (Хорватіи). Это составляетъ паѳосъ драмы. На пути къ осуществленію этого желанія (которое соотвѣтствуетъ страсти) стоятъ громадныя препятствія, въ преодолѣніи коихъ и состоитъ весь интересъ драмы.

Крешимиръ оболѣстилъ Зориславу и прижилъ съ нею сына. Зорислава домогается узнать настоящее имя и происхожденіе Крешимира; но послѣдній, зная о томъ, какъ Венгерцы ненавидятъ Боснійскаго короля, не открываетъ своей личности и лишь дѣлаетъ Зориславѣ намекъ, что, быть можетъ, онъ — сынъ отца, ненавистнаго ея отцу. На это Зорислава говоритъ ему:

Samo kraglja Bossanskoga
Da ti njesi sin marsechi,
Od kragljevstva ki je ovoga
Nepriategl sad' najvechi.

(I, 1).

Вотъ между какими противорѣчіями поставлена страсть Крешимира! Зорислава страстно любитъ его — какъ Драгомира, и также сильно ненавидитъ его — какъ Крешимира.

Затѣмъ, Зорислава узнаетъ отъ взятой въ плѣнъ Цвѣтиславы, прежней невѣсты Крешимира, что ея возлюбленный — дѣйствительно сынъ Боснійскаго короля; она вѣдь себя отъ досады и грозитъ Крешимиру открыть его имя отцу, который накажетъ всѣ его проступки. Мысль, что Крешимиръ можетъ предать ея отца и ея отечество въ готовящейся войнѣ съ Боснійскимъ королемъ, волнуетъ ее ¹⁾.

¹⁾ Sad gdje nasca vojska stoj,
Sa na oza tvoga otiti,
Sarze hudo tvoe nastoj
Misli i scegle gne odkriti:
Nasce macce smestit radisc
S potajnome tvojom vlasti
I islajstvo hudo gradisc
Momu chjajku, mojoj ciasti;
Pacceek moju ti cas splas
iosc hochjesc s tvom ludostim
Proch sakonu od Nebesa
Da te trajim, da ti prestim?!... и далѣе.

(Актъ I, сц. 12).

Съ своей стороны, Крешимиръ, чтобы не потерять вдругъ все говоритъ Зориславъ:

Cuj me, cuj me, duschio milla!
 Da pogubisć menne kriva,
Sebbe bi istu pogubila;
 Jer u sarzu stoisc sciva.
 (I, 12).

Эти слова его производятъ желанныя послѣдствія. О главной своей цѣли онъ не высказывается ясно, такъ какъ не знаетъ еще, каковъ можетъ быть ея исходъ. На дальнѣйшіе укоры Зориславы, что онъ „адъ“ и „боснякъ“, что его земля будетъ уничтожена ея отцомъ, онъ, между прочимъ, замѣчаетъ:

Svjetlu krunnu chjajka milla
 Ja ostavih, cicchja tebbe
 I onu, ka me jes gliubila
 Vele vechje, neghli sebbe;
 Sa te rodnu ja darscjavu
 I pogardih blago suako;
 I iosc poplesah moju slavu....
 A sad dusei tvoj sam pako?!....

И далѣе:

Nu sse tebbi ja klagnati,
 Ko boscizi, pristat nechju;
A rodih se ja sa imatti,
S' bogljom krunnom boglju srechju»

Но это еще не единственное препятствіе.

Отецъ Зориславы узнаетъ о проступкѣ своей дочери, запятнавшемъ честь и достоинство его и его предковъ, съ яростью бросаетъ свою единственную наслѣдницу въ тюрьму и затѣмъ, послѣ разслѣдованія дѣла, готовъ предать ее казни. На всѣ допросы Зорислава упорно молчитъ. Крешимиръ одушевленъ главною цѣлью — соединеніемъ королевствъ Боснійскаго и Венгерскаго и въ то же время страстно любитъ Зориславу: умри она — погибнетъ его главная цѣль; открой онъ свою личность — и ему, обольстителю дочери Венгерскаго короля, грозитъ неминуемая смерть.

Между тѣмъ, окончательная расправа Хвалимира надъ своею дочерью отложена до поры до времени, такъ какъ ему пришлось обратиться все свое вниманіе на борьбу съ Боснійскимъ королемъ. Борьба эта составляетъ въ пьесѣ отдѣльный, очень удачный эпизодъ, въ которомъ представлено, какъ Крешимиръ вынужденъ поднять оружіе на

своего отца и свое отечество. Но въ какомъ состояніи духа находился Крешимиръ въ этотъ моментъ? Вотъ какой монологъ писатель вложилъ въ его уста:

Huda srechjo, bes raslogal!
 To da stupaj moj se uputi
 Na porase cjajka moga?
 To da rodna moja strana
 Budde s' menne prozviliti
 I mojeh od gradjana
 Da ja buddem karv proliti?
Nu, ko nebih pogodijo
Chjajku ljepe moje gospoje,
 Koje kad ne bih u viek bijo,
 Zvilio bi sve dni moje?
 Gne mi cini ljepa zora
 Proch mom chjajku sliepu bitti;
 A sad mi se put otvora
 Podpunno je sa osvoitti:
 Da ie tvoja sceglja ispugnena
 Hochje, kraglju, tvoja srechja;
 Gne liepota neisrecena
 Prossi od menne djella vechja.
 Nu, kud' sarnu me posejude?
 Kud' se stere moja odluka?
 To slobodu da ottet budde
 Mom kragljevstvu moja ruka?
 Krescimire, raslogh nije
 Take u sarzu sceglje imati:
 Gnu isgubi vele prije,
 Negh se stavit' chjajka isdatti;
 Alli opeta isgubitti
 Kako od Nebba gnu bih smijo,
 Koj sam moje sceglje sa smiriti
 Blago od cjasti sapljenijo?
 O usroce od svjetlosti!
 Svemoghuchja vjecna svjesti!
 Mollim tebbe smjerno dosti
 Da ovve spravve buddesc smesti;
 Menne s' duhom ti rastavi,
 Mojeh dana ti prikrati;
 Illi misli moje upravi,
 S'kijem se trudno sarze ratti.
 Ces me huda priklopilla;
 Sve uffagne moje bjesci;
 Nu opet gneka blaga silla

S' drughe strane me tjesci:
 Chjajka isdat nije prilike,
 Slo je kraglja nesluscjati.
 Odluke su me raslike,
 Ne snam, seto chju odabratti....

Какія сомнѣнія, при сознаніи чувства долга по отношенію къ своему родителю и своему отечеству и при сознаніи обязанностей по отношенію къ обольщенной и любимой имъ Зориславъ и ея родителю! Эти сомнѣнія удерживаютъ его до того момента, когда въ поединкѣ его соотечественники убили двухъ Венгерцевъ, посланныхъ королемъ Хвалимиромъ, вмѣстѣ съ нимъ, на поединокъ. До этой минуты Крешимиръ не чувствуетъ своей богатырской силы; онъ полагалъ, что ему не придется поднять руки на своихъ соотечественниковъ, своего отца и свое отечество:

Dva ugra su martva palli,
 Sad se i menni silla biti.....

Онъ одинъ противъ троихъ: не легко осилить! Но любовь къ Зориславъ и великая цѣль, къ которой онъ стремится, укрѣпляютъ его:

Sva troiza posnachjete
 Ovi britki mac hrabreni
 Oni, od koga scele osvete!...

Сказано—сдѣлано, но за дѣломъ является и раскаянье:

Seto uccinih? vajmeh menni!

 Desniza ih ubi moja,
 Da me sarze pastit budde
 Sred vjecnoga nepokoja.

Онъ, Драгомиръ поразилъ силу своего отца, Боснійскаго короля, ненавистнаго отцу его возлюбленной и онъ, Крешимиръ, какъ сынъ Боснійскаго короля, въ то же самое время ненавистенъ тому же отцу его возлюбленной. Такимъ образомъ, онъ не достигъ своей цѣли.

Между тѣмъ, дальнѣйшіе допросы, которые дѣлаетъ Хвалимиръ своей дочери при посредствѣ самого Крешимира, еще не открывшагося ему, разъяснили, что обольститель ея дочери — Крешимиръ, сынъ пораженнаго Боснійскаго короля. Хвалимиръ не знаетъ его; Крешимиру, какъ Драгомиру, Венгерскій король поручаетъ отыскать виновнаго Крешимира, то-есть, его же самого. Отысканіе Крешимира Хвалимиръ считаетъ на столько важнымъ, что готовъ подарить Дра-

гомиру побѣжденную Боснію въ награду за трудъ открытія преступника ¹⁾).

Въ безвыходномъ положеніи Крешимира ему помогаетъ смѣлость, его: сначала онъ испрашиваетъ помилованіе обольщенной имъ Зориславѣ; Хвалимиръ соглашается на это подъ слѣдующимъ условіемъ:

Neka scive; alli hochju,
Da dni svede sred tamnize
U cem—godu hudu slochju,
Sa pedepsat sle bludnize
(Zor. III, 16).

Но Зорислава не желаетъ принять это условіе:

Priie scelim doscivijeti
I u grobu se nach tmastomu,
Neghli tako svak cjas mrjeti,
Svegh o grjechu mislech momu.
(ibid.)

И когда затѣмъ Хвалимиръ грозно спрашиваетъ ее, гдѣ этотъ низкій Крешимиръ, Крешимиръ открываетъ себя; давъ одну руку Зориславѣ, онъ другою вынимаетъ свой мечъ и готовъ убить себя; но Хвалимиръ удерживаетъ его и даетъ ему и Зориславѣ помилованіе:

«Pruta ovvoga kragljevskoga
Nedostojan ja bih bijo,
Da ne usvisim tac onnoga,
Ki je menne usvisijo.
Sve kragljevstvo Ungarie
I ob Bosne tvoe chje bitti;
A slava ti vjenze vije,
Tvu hlabrenos sa okruniti».
(Zor. III, 16).

Главное дѣйствующее лицо этой драмы—Зорислава, которую писатель въ прологѣ характеризуетъ слѣдующимъ четверостишіемъ:

¹⁾ Pun bollesti, pun nemira,
Ki mi svak cjas sarze vije,
Odi cekam Dragomira,
Isdavnika da mi odkrije.
Ako mi ga odkrit budde,
Da ga mogu pedepsati;
Sa gniegove bojne trude
Bosnu chju mu darovati (III, 12).

Onna chje vam sa isgled bitti,
 Ka se onijem setetta usdarscj (sic), ¹⁾.
 Koijem ures sej cestiti
 Dusce travi, sarze travi»

интересуетъ читателя и зрителя своею сильною привязанностію къ Драгомиру (Крешимиру); ради него она забываетъ врожденную ненависть къ боснійскому роду и готова принять смерть отъ обезчещеннаго ею своего отца, но ни подъ какимъ видомъ не намѣрена выдать его, своего возлюбленнаго. Равно, и ея привязанность къ Любомиру, залогъ ея любви къ Крешимиру, въ трагическую минуту, когда ея разъяренный отецъ, побуждаемый желаніемъ узнать его настоящую мать, готовится лишить его жизни, придаетъ много интереса ея характеру. Правда, въ этомъ послѣднемъ видно библейское заимствованіе, но заимствованіе кстати.

Какъ типъ любящей жены—невѣсты и матери, она избираетъ одно изъ двухъ: или умереть отъ гнѣва своего оскорбленнаго отца, или жить съ тѣми, кого любить; но не жить вдали отъ того, кто былъ виновникомъ ея проступка:

Prije scelim dosevivijeti
 I u grobbu se nach tmastomu,
 Neghli tako svak cas mrjeti,
 Svegh o grjechu mislech momu»
 (Zor. III, 16).

Такъ, она говоритъ въ тотъ моментъ, когда ея отецъ уже готовъ былъ, въ отвѣтъ на просьбу Драгомира о ея помилованіи, бросить ее въ пожизненное тюремное заключеніе.

Глегевичъ старался представить въ Зориславѣ типъ любящей вѣрной жены и матери, что ему и удалось, и въ такомъ смыслѣ онъ обращаетъ на нее вниманіе Дубровничанокъ:

S' tvoga ²⁾, sarza prihrabrena
 Hrabrenosti svi hrabreni
 Spievozi chje pjevat snani
 Od jesika Slovinskoga.
 Slavve, koje slavva hrani;
 Rad immena vedra tvoga
 Bitchje sciva svud tva dika,
 Najvechje imma nu scivjeti

¹⁾ Смыслъ неясенъ.

²⁾ То-есть, Зориславы.

Sred ljepoga Dubrovnika:

Jer on ighda nechje umrjeti;
Sloboda je gnegga milla
I sklad od vjek, ki mu omilli
Proch vremenu utvardila
I proch svakoj silnoj silli.
Zorislava! sve gospoje
Tebbe slavit gneggo vechje:
Jer chje na srak zorri tvoje
Gnih ljeposti sinut vechje.

(Zor. III, 11),

Въ Крешимпрѣ представленъ человѣкъ великой души; онъ не останавливается ни предъ чѣмъ и ради высшей цѣли жертвуетъ всѣмъ.

Рѣчь Зориславы и Крешимира вполне соответствуетъ ихъ душевному состоянію.

Зорислава, довѣрившаяся Крешимиру (Драгомиру), не зная на самомъ дѣлѣ о его происхожденіи, съ полною увѣренностію въ своемъ правѣ знать всѣ тайны своего возлюбленнаго, говоритъ ему убѣдительнымъ тономъ, когда тотъ отказывается дать ей свѣдѣнія о себѣ:

Moscesc, moscesc, moj prihudi,
Alli nechjesc: neka jacce
Ledena me sumgnia trudi,
Scestoki me trudi tlacce.
Drugo ljetto jur prosclo je—
Ah scestoke uspomene!—
Sred pernize da si menne
Osvoijo sasvijem menne;
Kolikrat se s' usdasima
Nascja sarza sadruscisce?
Kolikrat nas stred rasbluda,
O jedino dobro moje!
Sa nach pokoj nascijeh truda
San prislarki uscivo je?
I da josce srechia prika
Menni obasnat bragneno ie
Bichje moga gliubovnika,
Ki je dusca dusce moje!

(Zor. I, 1).

На двусмысленные полуотвѣты Крешимира по этому поводу она съ тою же энергіей говоритъ:

Samo kraglja Bossanskoga
Da ti njesi sin marsechi,

Od kragljevstva ki je ovvoga
Nepriategl sad' najvechi!
(ibid).

Она живетъ надеждою, что Драгомиръ (Крешимиръ), ея возлюбленный, не изъ Босніи родомъ. Но лишь только она узнаетъ отъ Цвѣтиславы, что этотъ мнимый Драгомиръ—сынъ Боснійскаго короля, и что онъ измѣнилъ Цвѣтиславъ, рѣчь ея пріобрѣтаетъ соотвѣтствующій оттѣнокъ, выражающій ея внутреннее недовольство:

Ziechja jadda, jaoh, mojega!
Ke chjuh glase nemillosne?
I ti jesi sin nascega
Nepriateglja, kraglja od Bosne!
(I, 11).

Съ постепеннымъ усиленіемъ этого недовольства, ея рѣчь становится все болѣе и болѣе беспокойною, такъ что, наконецъ, она просто сыплетъ брань на своего возлюбленнаго, грозитъ ему открыть его происхожденіе своему отцу и такимъ образомъ наказать его:

Muci, hudi nad sve ine!
Jad mi gorri ne usrocj;
U najdaglje pogh kraine,
Da ne pase moe te occi;
U pustoscne poghi gore!
Scto, vech, stoisc? vech se uputi,
Da tve od svjeri sarze gorre
Buddu svjeri raskinuti
(I, 12).

Но затѣмъ, любовь, залогомъ которой явилось дитя, смягчаетъ недовольство Зориславы. Вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣчь Зориславы получаетъ соотвѣтствующую ея состоянію мягкость. Стоитъ привести здѣсь ея рѣчь, гдѣ она говоритъ, что сама готова умереть, но не откроетъ своему отцу виновнаго Крешимира, обезчестившаго родъ ея отца:

Ti tvoj scivot, dusco, hrani,
U kom ja bih sciva bila;
Neka chjajko menne ranni,
Koja sam ga uvrjedila.

(III, 10).

Полнѣйшимъ соотвѣтствіемъ этимъ словамъ является рѣчь Крешимира:

Ja sam kriv se mogu svatti:
Moje jesu sve krivine,

I ne mogu pritajeti,
Da pravedna dikla isghine.

(ibid.).

Въ свою очередь и Крешимиръ, въ минуту, когда ему грозитъ опасность разстаться на вѣки съ своею возлюбленною, возвышается до сильной трагической рѣчи:

Krescimir sam ja himbeni,
Zvjetislavu koji ostavj
I ki silno cjas sapljeni
Tvojoj kehjerzi Zorislavi (etc.).
A sad, placna djevoicize,
Uvrjehjena ka si bila,
Primi moje is desnize
Cjas, koju si izgubilla.
Evvo, gvosdja, ki cbje tvoje,
Kraglju, osvette uccinitti
I krivine tescke moje
U moj karvi utojitti (etc.).

(III, 16).

2-я сцена втораго дѣйствія, гдѣ Зорислава и Крешимиръ умоляютъ Цвѣтиславу назвать себя матерью ихъ сына Любомира, отличается рѣчью вялою, вполне соответствующею ихъ затруднительному положенію передъ цѣломудренною дѣвушкой, которой они навязываютъ плодъ ихъ любви ¹⁾).

Изъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы самыми улачными слѣдуетъ признать слугу Цвѣтиславы Драгилла и совѣтника Хвалимирова, старца Доброслава.

На „Зориславѣ“ Глегевича сказалось сильное вліяніе драмы „Сунчаницы“, написанной его современникомъ, дубровницкимъ же поэтомъ Сигизмундомъ (Шишко) Гундуличемъ. Все различіе этихъ двухъ драмъ состоитъ въ сюжетѣ ²⁾; планъ же и развитіе драмы одни и

¹⁾ Кстати будетъ замѣтить, что въ этой сценѣ нѣтъ ничего смѣшнаго—что полагаетъ видѣть въ ней г. Павичъ (Historija dubrov. drame, стр. 188); мы не согласны и съ тѣмъ мнѣніемъ г. Павича, что «nespretnije scene nijesam još čitao» (ibid.): она, правда, не блестящая, но и не совсѣмъ дурная.

²⁾ Сюжетъ драмы «Suncianica» — бракъ Янка Гуниада съ Сунчаницей, дочерью Чешской королевы Крунославы. Невольное убіеніе Янкомъ Гуниадомъ одного сына Крунославы, брата Сунчаницы, дѣлаетъ его ненавистнымъ какъ Сунчаницѣ, такъ и ея матери Крунославѣ, изъ которыхъ первая потребовала отъ Градислава (то-есть, Янка, снискавшаго себѣ подъ этимъ именемъ любовь Сунчаницы), чтобъ онъ убилъ ненавистнаго ей Янка. Это завязка драмы. Янко

тѣ же. Сунчаница точь въ точь Зорислава Глегевича, и Градиславъ (Янко Гуніадъ) точь въ точь боснійскій королевичъ Крешимиръ (Драгомиръ). И Градиславъ, и Драгомиръ — оба влюбленные, оба скрываютъ свое настоящее имя, изъ опасенія не повредить своей любви — Градиславъ, по причинѣ невольнаго убіенія брата своей возлюбленной, Драгомиръ, по причинѣ вражды между венгерскимъ дворомъ и боснійскимъ; оба вступаютъ въ бой съ врагомъ родителя ихъ возлюбленной; но мотивы этого боя у каждого различны: болѣе трагическій мотивъ у Драгомира Глегевича. Въ „Сунчаницѣ“ не находимъ такого трагическаго момента, какъ тотъ, когда Драгомиръ (въ „Зориславѣ“ Глегевича) принужденъ поднять оружіе на своихъ соотечественниковъ, и своего отца. Правда, и С. Гундуличъ въ развязкѣ „Сунчаницы“ сумѣлъ представить довольно сильный трагическій моментъ: Сунчаница любитъ Янка — какъ Градислава, но ненавидитъ его — какъ Янка. Добиваясь любви Сунчаницы, Янко былъ поставленъ ею ненавистью къ Янку (то-есть, самому себѣ) въ необходимость принести ей собственную голову; для исполненія этого ея желанія, онъ, переодѣвшись въ одежду неизвѣстнаго иностраннаго богатыря, уходитъ отъ Сунчаницы и затѣмъ возвращается, съ словами, что несетъ голову ненавистнаго ей Янка. Вѣсть о немъ, какъ неизвѣстномъ юнакѣ, поразившемъ Янка, волнуетъ Владиміра, уже узнаннаго брата Сунчаницы, который былъ благодаренъ Янку за свое освобожденіе изъ арнаутскаго плѣна и зналъ его настоящее имя. Владиміръ желаетъ отмстить этому неизвѣстному богатырю, убившему Янка, его освободителя; а сестра его Сунчаница готова наградить его своей рукою. Сунчаница вѣдъ себя, отъ радости, при вѣсти о смерти Янка; но когда, затѣмъ, ея братъ Владиміръ говоритъ ей:

Snasc, da Janko glasoviti
I Gradislav tvoj umro je,
Koj ures tvoj cestiti
Vech, negh sebbe gljudio je

(Sunc. V. 3),

(Градиславъ), между тѣмъ, освободилъ изъ арнаутскаго плѣна другаго брата Сунчаницы, Владиміра, коего настоящее происхожденіе открываетъ плѣнный Арнаутъ. Вслѣдъ затѣмъ, Янко поражаетъ силу Татарскаго хана Страшмира, задумавшаго силою взять себѣ Сунчаницу. Эти подвиги Янка служатъ искупленіемъ невольнаго убіенія имъ одного брата Сунчаницы и приводятъ его къ желанной цѣли — полученію руки Сунчаницы.

она въ волненіи говоритъ возвратившемуся Градиславу (Янку)

Ooli su, nesmigljeni,
Sli karvnice, tvoje slave!
Dje si, dje si, vajmeh meni,
Dje si, draghi Gradislave?

(ibid.);

На это Янко отвѣчаетъ:

Ne smetase, ma radosti:
Gradislava, evo, odi,
Koi rajskoj tvoj ljeposti
Janka Ugrina seiva vodi.
Zjegnah i uffah, dragh pokoju,
Ja gnekada, ko Gradislav,
Prignut mochi lieppos tvoju
I gannuti na mu gljubav;
I da moje neisrecene
Dostojne chje slusce bitti,
Ovo je rasarscebe nesmigljene
I omrase utasciti.
Alli viddim, da je saludu,
Er odvechje ja pod nebi
Kros nesrechju moju hudu
Jesam, ah, jaoh, marsech tebbi:
Etto idem, Suncjanize,
Sa tve sarze samiriti
Od tvoje iste sad desnize
Ja scjudjenu smart primiti;
Omrasu si svegh nossila
Nesrechnomu Gradislavu,
Scegljela si i scjudila
Od vovode Janka glavu;
Seto sad stoisc? ne strascise!
Moj mac isti usmi u ruke,
Pogubi me, osvetise,
Hude ispunni tve odluke.
A ti, o bojni Vladimire,
Usmi oruschje, amo stanni;
Ter sa smirit tve nemire
Janka tvoga hodi brani:
Ja sam Janko vovoda,
Suncjanize, ma gospoje!
Tvojom rukom smart mi poda!
Evo ti, evo ti glave moje!

(Sunc. V. 5) ¹⁾.

¹⁾ По рукописи дубровн. франциск. бібліотеки.

Мы не видимъ здѣсь той рельефности, которая столь сильно бросается въ глаза въ „Зориславѣ“ Глегевича. Послѣдній, въ минуту окончательной развязки томительнаго состоянія Драгомира (Крешимира), даетъ ему въ одну руку мечъ, а въ другую—Зориславу: въ такомъ положеніи, въ присутствіи отца послѣдней, Драгомиръ готовится поразить себя, какъ Крешимира, сына ненавистнаго отцу его возлюбленной, Боснійскаго короля, — тогда какъ Янко Гуніадъ (Гради-славъ) у Ш. Гундулича готовъ лишь поставить свою голову подъ мечъ, для удовлетворенія мести своей возлюбленной:

Tvojom rukom smart mi poda!

Evo ti, evo t' glave moje!

(Zor. V. 5).

При всемъ тожествѣ плана и развитія характеровъ въ „Зориславѣ“ Глегевича и „Сунчаницѣ“ С. Гундулича, пельзя не замѣтить, что болѣе сильное впечатлѣніе производитъ первая. „Зорислава“ много выиграла отъ вплетеннаго въ развитіе сюжета эпизода о незаконной связи Зориславы съ Драгомиромъ (Крешимиромъ), плодомъ коей былъ незаконный сынъ Любомиръ; связью этою было нанесено безчестіе отцу Зориславы и его предкамъ; она производитъ важное различіе въ степени интереса завязки обѣихъ сравниваемыхъ драмъ. Въ то время, какъ завязка „Сунчаницы“ даетъ мѣсто развитію мести Сунчаницы къ Янку Гуніаду, которая не доходитъ до степени страсти и не находитъ себѣ удовлетворенія, — завязка „Зориславы“ даетъ мѣсто развитію оскорбленнаго чувства чести отца Зориславы Хвалимира, которое переходитъ въ страсть, находящую свое удовлетвореніе въ соединеніи брачными узами тѣхъ, которые нанесли ему безчестіе своею незаконною связью.

ε) BELISARIO.

Поводъ къ сочиненію драмы „Belisario, alliti Elpidia“ Глегевичу дала поэма ученаго, но бездарнаго италіанскаго поэта Георгія Трисино (1478—1550 гг.): „Italia liberata“, драма Петра Метастазіо (1698—1782 гг.): „Giustino“ (Юстинъ), и быть можетъ, поэма Іеропима Росси: „Ravenna pacificata“, изданная впервые въ 1566 г. въ Венеціи, а въ 1713 г. переизданная его потомкомъ Яковомъ Росси, подъ заглавіемъ: „Ravenna pacificata ed altre poesie di Messer Girolamo Rossi, Ravenate, raccolte e di nuovo date in luce da Giacomo Rossi

all' illustris. e Reverendis. Monsignore Cammillo Spreti, vescovo di Cervia" in Ravenna 1713 ¹⁾).

Но кромѣ того, чтобы понять эту драму Глегевича (которая осталась не конченною), мы должны обратиться къ другому труду его: „Glasi pobjedovanje“ (Il Trionfo della fama). Цѣль „Glasi pobjedovanje“—показать славу славянскихъ героевъ; къ числу ихъ тамъ отнесены и Византійскіе императоры Юстинъ, Юстиніанъ, полководецъ Велизарій и др. Мы уже выше замѣтили, что это послѣднее произведение написано въ періодъ пробужденія въ Глегевицѣ славянскаго направленія. Къ тому же періоду относимъ мы и драму „Belisario“. Не погрѣшимъ, если скажемъ, что дубровницкій поэтъ, при сочиненіи этой драмы, имѣлъ въ виду ту же цѣль, что и въ „Glasi pobjedovanje“. Глегевицъ желалъ внушить своимъ согражданамъ гордое сознаніе того, что славянскій герой далъ свободу той Италіи, отъ которой они заимствовали всю свою культуру.

Сюжетъ названныхъ: поэмы Триссино, драмы Метастазіо и драмы Глегевича (сколько можно заключать изъ оконченнаго одного акта послѣдней)—освобожденіе Италіи отъ Готовъ Велизаріемъ, полководцемъ Юстиніана ²⁾).

Но какъ велика разница въ изложеніи этого сюжета каждымъ изъ нихъ? Триссино, по отзыву одного изъ лучшихъ историковъ италіанской литературы П. Е. Джудичи, въ своей „Italia liberata“ исковеркалъ „Иліаду“ Гомера: онъ ограничился лишь переменною названій лицъ: роль Юпитера далъ Юстиніану, роль Юноны Теодорѣи пр. ³⁾. Современный Глегевицѣ Метастазіо писалъ своего „Юстина“ въ юношескіе годы ⁴⁾, на основаніи „Italia liberata“ Триссино, по правиламъ, предписаннымъ Гравиною въ „Ars poetica“, а потому, естественно, долженъ былъ повторить недостатки своихъ учителей.

Всѣ эти вышеупомянутыя италіанскія произведенія могли быть извѣстны дубровницкому поэту. Въ драмѣ Метастазіа онъ могъ найти слѣдующую несогласную съ исторіей и съ его славянскимъ направ-

¹⁾ См. *Apostolo Zeno e Maffei—Giornale de' letterati d' Italia*, t. 17, 1714, стр. 432. Объ этомъ Росси замѣчено: «pochi sanno, che egli (Girolamo Rossi) era stato anche buon poeta, massimamente in verso volgare».

²⁾ Росси въ своей «Ravenna pacificata» представилъ совершенно другой сюжетъ—именно: Равенскій миръ, 1562 г., послѣ возникшаго въ ней гражданскаго возмущенія (*Giornale de' lett. d' Italia*. ib.).

³⁾ *Giudici*, Storia della letteratura Italiana, vol. II, стр. 115.

⁴⁾ Ibid., стр. 292.

леніемъ мысль, которую тотъ вложилъ въ уста императора Юстиніана.

E se col suo valore il gran Camillo,
Dalla cui stirpe il sangue tuo deriva
Fecce vano de' Galli il rio disegno,
Che voleano occupar l' eterna Roma,
Sara gloria maggior della tua destra,
Fugate i Goti della nostra sede,
Ov' ebbero gran tempo ingiusto impero
(Giustino, Актъ I, 1) ¹⁾.

О самомъ же геройскомъ подвигѣ Велизарія не сказано ничего. Дубровницкій поэтъ, напротивъ, имѣлъ въ виду прежде всего подвигъ Велизарія и его воиновъ. Сколько можно заключать изъ сохранившагося отрывка, драма Глегевиича могла быть интересною. Но вдаваться въ подробное разсмотрѣніе этого отрывка нѣтъ смысла, а потому считаемъ лишь умѣстнымъ замѣтить, что завязка Глегевиичевой драмы далеко оставляетъ за собою завязку драмы Метастазія: Велизарій, воевода императора Юстиніана, съ подчиненными ему двумя витязями, Ормонтомъ и Олиндомъ, располагая достаточнымъ числомъ войска, дѣйствуетъ противъ Готовъ въ Италіи; онъ беретъ Равенну, беретъ въ плѣнъ предводителя Готовъ Алариха и дочь Готскаго короля Витига Розмилду. Послѣ такихъ трофеевъ, Ормонтъ и Олиндъ состязуются, кому изъ нихъ должна достаться обожаемая каждымъ изъ нихъ королева Ельпидія. Среди такихъ споровъ Велизарій получаетъ извѣстіе, что эта Ельпидія взята въ плѣнъ Готами. Этимъ заканчивается сохранившійся отрывокъ „Belisario, alliti Elpidia“ ²⁾.

¹⁾ «Opere» P. Metastasio, t. X. Parigi, 1781.

²⁾ Кромѣ двухъ послѣднихъ драмъ Глегевиича и «Сунчаницы» Ш. Гундулича, написанныхъ въ славянскомъ духѣ, дубровницкая литература имѣетъ еще одну драму *безъ заглавія*, сочиненную по тому же плану и съ тѣмъ же развитіемъ характеровъ; авторъ ея неизвѣстенъ; писана она хорошою прозою. Г. Павичъ высказалъ мнѣніе, что она написана послѣ Глегевиича (см. *Histor. dubrov. drame*, стр. 197). Мы не можемъ вдаваться въ разсмотрѣніе этого вопроса, такъ какъ это не входитъ въ планъ настоящаго изслѣдованія; но все же считаемъ умѣстнымъ отмѣтить слѣдующее: не есть ли эта драма *безъ заглавія*, которой г. Павичъ даетъ отъ себя названіе *Крунославы*, и которая хранится въ дубровницкой францисканской библіотекѣ подъ № 316—185, та же самая *Krunoslava komedia u prozi*, которая входитъ въ составъ рукописнаго сборника также дубровницкой францисканской библіотеки, № 253—14? Вотъ: статьи этого сборника: 1) *Prikazanje složeno od Marina Daržića. Prikazano na piru Vlaha Sarko-čevića*. 2) *Druga komedia istoga*. 3) *Krunoslava komedia u prozi*. 4) *Komedia re-*

C) PORODJENJE GOSPODINOVO.

Въ сочиненіи этой драмы-мистеріи Глегевичъ послѣдовалъ общему обычаю какъ италіанскихъ поэтовъ, такъ и соотечественниковъ, предшествовавшихъ ему дубровницкихъ писателей. Изъ современныхъ Глегевичу италіанскихъ поэтовъ писали мистеріи Антонинъ Руффо, П. Метастазіо, Павелъ Бриначіо и аббатъ Франческо Пуричелли (1689—1738 гг.) и др. Драма-мистерія перваго „Il natale di Cristo poematto drammatico“ (Рождество Христово) имѣла большой успѣхъ ¹⁾.

И въ современномъ Глегевичу Дубровникѣ изрѣдка появлялись произведенія подобнаго назидательнаго содержанія. Такъ въ 1702 г. въ Венеціи (pri Bartolu Occhi) было издано „Navišćenje Muke Isusa Spasiteglja nassegа“ Марка Марулича ²⁾, въ 1704 г. тамъ же было издано „Ofčice B. Divice Marie, martvih, sedam piesnih pokornih. S. Križa, Duha Svetoga“. Слѣдуя тому же духу времени, и Глегевичъ сочинилъ свое „Porodjenje Gospodinovo“. Въ дубровницкой литературѣ мистерія съ подходящимъ заглавіемъ существовала уже до Глегевича. Таково „Prikazanje od Poroda Iezusova, po načinu od komedije“ složeno, po Marinu Držicu Dubrovčaninu ³⁾, которое своимъ содержаніемъ много напоминаетъ драму Глегевича, но въ то же время отлично отъ нея по формѣ изложенія. Считаемо совершенно излишнимъ вдаваться здѣсь въ подробное сопоставленіе этихъ двухъ дубровницкихъ духовныхъ драмъ, потому что имъ еще не доказывается заимствованіе Глегевича у Держича; замѣтимъ лишь, что содержаніе драмы Глеге-

čitana na parvi Marca 1697 od družine Razbornieh, 5) Komedia nazvana Robinja i stvari moderne. 1699.

¹⁾ Ап. Зено въ своемъ журналѣ замѣтилъ о немъ: «assai felicemente ha trattato in poesia drammatica un sacro argomento» (то-есть, Natale di Cristo); t. XXI, стр. 406; драма эта издана 1717 г. въ Мессинѣ.

²⁾ Въ перечнѣ трудовъ Марка Марулича, сдѣланномъ г. Кукулевичемъ-Сандинскимъ (см. Stari pisci hrvatski, кн. I), произведенія съ подобнымъ заглавіемъ не находится; есть нѣчто подобное: 1) «O Isusu, njegovu začetju, muci i uskrsnutju» и 2) Svrh muke Isukarstove. Какое отношеніе между ними съ одной стороны и изданнымъ 1702 г. «Navišćenje Muke Isusa Spasiteglja nassegа» — не знаемъ.

³⁾ Умеръ около 1580 г. Пѣснь Мавра Ветранича-Чавчича (1482—1576 г.) «Na poč od božjega poroda» представляетъ собою ни больше, ни меньше, какъ благочестивое размышленіе о великомъ событіи христіанскаго міра (см. Stari pisci hrvatski, кн. III, стр. 300—316).

вѣща болѣе содержанія драмы Держича, и что изложеніе имѣетъ болѣе драматизма.

Обращаемся къ сопоставленію этихъ драмъ и спеціально драмы Глегевича съ подобными же италіанскими драмами.

Сюжетъ драмы Глегевича, Марина Держича и италіанскихъ поэтовъ—одинъ и тотъ же; онъ видѣнъ изъ самаго заглавія ея. Вся разница въ развитіи этого сюжета. Метастазіо, на примѣръ, придавъ своей драмѣ чисто отвлеченный характеръ, который едва ли могъ быть удобопонятенъ простому зрителю; дѣйствующія лица его драмы: Вѣра (Fede), Надежда (Speranza) и Любовь (Amor Divina), говорятъ рѣчи отвлеченнаго богословскаго характера. Менѣе отвлеченности представляютъ драмы Руффо, Бриначіо и Пуричелли. Глегевичъ, какъ и его предшественникъ Держичъ, совершенно отдалился отъ всякой отвлеченности; онъ всего болѣе подчинился въ данномъ случаѣ вліянію Руффо и Бриначіо, и вѣроятно, у нихъ заимствовалъ свой способъ изложенія ¹⁾. Но, независимо отъ этого вліянія, онъ ста-

¹⁾ Это заимствованіе мы усматриваемъ въ 5-мъ разговорѣ драмы Глегевича, который много напоминаетъ «Dialogo Pastorale di tre pastori con Eсо» Бриначіо и актъ II, сц. II драмы «Il Natale di Cristo» Руффа повтореніями окончательныхъ слоговъ въ стихахъ. На примѣръ, въ діалогѣ Бриначіо изъ повторенія окончательныхъ слоговъ стиховъ

(Non e più verno)=no no.

(Brillano in fronte al gel fiorite)=ite, ite;

1. Past. (Odo il Ciel, che mi chiama)=ama

2. Past. (Od il Ciel, che m' invita)=vita

(A la vita, che m' ama il cor sen vola)=là, là

выходитъ мысль, соотвѣтствующая идеѣ, соединяемой съ Рождествомъ Христовымъ; въ драмѣ Глегевича изъ подобнаго повторенія:

(Sred ovoga menni kraja)=Ja

(Boscianstvo se ke nahodi)=odi

Kragl se od Nebba porodio)=rodio

(Sred vjechnijeh oghagn sjena)=Sjena

(Kij (то-есть Богъ) sahranit svjet nastoj)=Stoj.

Stoj, szienim, Bogh rodjeni,

I neima, jaoh, peleni,

(Neka od sime trepti i vene)=Ne

Gliubav,

Cinni mogha Gospodina

(I potrebna i priklona)=ona

A ejovjek se grjescit silli

(I svegh vechje slobbe stvar)=vara.

также выходитъ мысль, имѣющая отношеніе къ Рождеству Христову.

рался приблизиться къ народному пониманію. Христосъ родился на землѣ между людьми смертными, „чающими его пришествія“; этотъ моментъ и выставленъ Глегевичемъ особенно рельефно; этой рельефности не находимъ въ драмѣ Марина Держича. Глегевичъ представилъ событіе согласно библейскому сказанію, съ небольшими только отличіями: въ Библии сказано, что ангелы принесли вѣсть пастухамъ, стерегшимъ свои стада, а у Глегевича роль эту выполняетъ одинъ ангелъ; библейское сказаніе ничего не говоритъ о рѣчахъ пастуховъ, а Глегевичъ отводитъ имъ приличное мѣсто; но при этомъ содержаніе ихъ нисколько не противорѣчитъ вѣроученію и вполне соответствуетъ народному вѣрованію. Доказательство послѣдняго читатель можетъ видѣть въ II-мъ и VII-мъ разговорахъ этой драмы; особенно важенъ въ данномъ случаѣ VII-й разговоръ, гдѣ представлены дѣйствующими лицами пастухи Станиша и Доброй. Станиша говоритъ Доброй:

Nije ejuddo, o Dobroje,
Vesselo se da nahodi
Ussorito lize tvoje,
Ghdi ti u svemu ces ughodj:
Ti ovoga smaknu litta
S' tvogha stadda dosti vune;
A rodne ti gnive scitta
Napunnisce kosce punne;
I vesselj da bi bio,
Tebbi svana jes basctina
I vinograd uvalio,
Da se kupgljesc vas sred vina;
Sa te rojne pcele trude,
I varh zvjetja svaka sjeda,
Ko se vidj ghdi sve sude ¹⁾.

¹⁾ То-есть, сосуды. Горанко говоритъ Ливадкѣ:

Moj Livadko, a tko inj,
Negh pravednos nas pomagha—
Ona, ona sama cinj,
Da ie u svimu ces nam blagha;
Po gnoj Gospod od Nebesi
Cinj plodne nasce strane,
Livade nam travom resi
Travu zvjechjem, vochjem grane;
Dva krat po gnoj nam peelize
U lietto se jedno roje

Napunnisce tebbe medda.
 Srechna djezza tva nescele
 Mljeka, sira, grudde mlade;
 Ako staddom tvojem bjele
 Sva se poglja i livade,
 Scegljet nemosc ti icesa:
 Scivesc svakoј u obilnosti;
 Na te blagha s'gar s' nebesa
 Dasce obilno sve milosti.

(Porodjenje Gospodinovo, Gov. VII) ¹⁾.

Этому счастливому положенію Доброя, Станиша противопоставляетъ свою бѣдность, отъ которой онъ страдаетъ, и затѣмъ впадаетъ въ грусть. Доброй утѣшаетъ его такъ:

Ah, odahni tescke vaje!
 Ustav susa grosnjeh rjeku,
 Ka je oblila na sve kraje
 Tvu posctenu, starce, slikku!
 Nech tve sinke isghubiti,
 Rad kijeh te miso morrj:
 Oni chje se gnim misliti,
 Koiј hrani svjeri u gorri.
 A ja hvalim trudde tvoje:
 Jer onijem, kij se snoju,
 Velle prje viscgni budde
 S'gar poslati pomoch svoju.

(ibid.)

Доброй, очевидно, раздѣляетъ общенародное убѣжденіе, что богатство дается Всевышнимъ. При этомъ въ драмѣ Глегевича останавливается на себѣ вниманіе самое перечисленіе Доброева богатства. Стоитъ сравнить это перечисленіе съ болгарскою святочною пѣснью (на Божиць), своимъ содержаніемъ очень напоминающею это перечисленіе. Вотъ она:

Станине господине!
 Добро ютро доматице!
 Заспалъ ли си? разбуждайсе;
 Пьянъ ли си? растрезнуйсе;
 Добри сме ти гостѣ дошли,

I striscenne dvasc oveize,
 Dvasc jaganze kotte svoje

(рзп. дубровн. францисканской библіотеки).

¹⁾ По рукоп. дубровн. франциск. библіотеки.

Добаръ сме ти гласъ донели
 Од-оз-доле Овче поле:
 «Овчицы ти изъимили,
 Изъимили, изъягнали,
 Се овчицы ваклушаты,
 А овновци виторожки;
 Ошь подоберъ гласъ донели:
 Кравичи ти се истелили,
 Се кравичи бѣлобойки,
 А воловци потегливци;
 Ошь подоберъ гласъ донели:
 Кобилки се пждребили,
 Се кобилки лѣвогривки,
 А коневци патоножки;
 Ошь подоберъ гласъ донели:
 Кошарци се изроили,
 Се пчелици леватинки—
 Леко лета, тежко носа:
 На главица по паница,
 На ножица по ложица,
 На гербина кавтерина»
 Станинине господине! ¹⁾.

Слѣды подобнаго народнаго вѣрованія находимъ и въ драхъ Держича; въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ ея, пастуха Прибата, онъ влагаетъ слѣдующую рѣчь:

Mirne su sve zvieri, gojno se sve nose,
 vuk ovce ne tjeri goveda ni koze,
 masla je i mlieka i sira mladoga
 udaća velika još bilja svakoga,
 jagnje se ovčice, milos je svud dana,
 koze se kozice, družino, svieh strana,
 krave se sve tele, udaćna jes vuna,
 roje se svud pcele, ulišta su puna;
 još se su kobile, o družbo pridraga,
 do jedne ždriebile, u svem bog pomaga;
 dobra je svud paša, trava je svud gusta
 i stada sva naša pritila i tusta,
 nikla su sva žita i ostale glotine ²⁾.

¹⁾ Записана нами въ 1881 г. въ Болгаріи, въ селѣ Суводолѣ, Сосійскаго округа. (См. мой сборникъ болгар. пѣсенъ, подъ № 10).

²⁾ Stari pisci hrvatski, кн. 7, стр. 428. Точно также въ уста пастуха Держичъ влагаетъ слѣдующую пѣснь:

«Која (то-есть, Богородица) nam će sahraniti
 od vukova stada naša,

Очень вѣроятно, что дубровницкіе поэты заимствовали это перечисленіе богатства крестьянина изъ устъ народа. Правда, намъ неизвѣстна сербская пѣсня подобнаго содержанія, но если поискать ее среди раскинутого сербскаго народа въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи, навѣрно она найдется ¹⁾; слѣды же ея въ драмахъ Марина Держича и Глегевича говорятъ за ея существованіе въ XVI, XVII и XVIII вв. Можно также предполагать, что Держичъ и Глегевичъ были знакомы съ болгарскою пѣснію подобнаго содержанія. За знакомство дубровницкихъ поэтовъ съ народною поэзіей говоритъ, наримѣръ, тотъ фактъ, что въ произведеніе Бараковича „Vila Slovinska“ вплетена одна болгарская пѣсня ²⁾.

Въ драмѣ своей Глегевичъ имѣлъ въ виду показать значеніе рожденія Христа Спасителя, и въ то же время, сдѣлалъ моральное правоученіе на тему, что „бѣдность не порокъ“:

Etto vechje mij vidjesmo,
Scto najvechje svegh scegljesmo
U sve nasce brieme:
Bogha, koj od nicesa
Stvorj semglju i nebesa.
Alli, vajmeh, jasli cemu
Sa kogljevku slusce gnemu—
Boghu velikomu?
Varhu slamme sa ke djella
Stavj svoje sveto tjelo?
Scto li sa stan spillu obro je,
Svegh scivine u koj stoje

i ne će nam zabraniti,
da nam bude dobra paša;
i dat nam će mlieka dosti,
dobre sire da sirimo,
u veselju i radosti
da poemo i svirimo;
i obilje svako ino
mirno ćemo uživati
navlaš maslo, med i vino,
po milosti što će dati». (ibid. стр. 413).

срв. также стихи 1,253—1,308 и 1,331—1,374.

¹⁾ В. С. Караджичъ слышалъ сербскую пѣсню, въ которой воспѣвается колыда; у нея просили покровительства, чтобы коровы давали такое обиліе молока, какое достаточно для выкупа бога (см. Ковчежић).

²⁾ Изданіе 1682 г. стр. 144. Заимствуемъ изъ монографіи И. В. Яича «Hrvatsski jezik», помѣщенной въ I-й книгѣ «Knijževnika».

On, Veliki Bosce?
 Ne sa drugho, negh da ukasce,
Da tu ubosctvo jes najdrasce,
 Jda samo dalek vaja
 Uscivase posred haja.
 Veliko vesseglje,
 Ghdi po muzzi i bolesti
 Nas je dosejo on usvesti!

Такъ заканчиваетъ Глегевичъ свою драму.

Приближеніе Глегевича къ народному пониманію не правилось обиталианившейся дубровницкой аристократіи, выразителемъ коей въ данномъ случаѣ явился Георгій Феричъ. Въ общей краткой оцѣнкѣ всѣхъ дубровницкихъ поэтовъ (*Ragusinorum poetarum qui Illijrica lingua scripserunt Elogia a Georgio Ferrich Ragusino*) онъ о разсматриваемой драмѣ Глегевича произнесъ слѣдующее сужденіе:

(§ 138. Antonij Gleghjeviah de drammate Nativitatis D. N. J. Christi).

«Nunc miror sermone pedestri scribere; noto
 Grandius elogium suppeditente Deo:
 Ne mirere: rudi vult hac contexere versu,
 Ut prodesse rudi Musa queat populo»²⁾.

b) Мелкія произведенія.

Мелкія произведенія Глегевича, точно также какъ драмы его, не одинаковы по своему направленію. На первомъ мѣстѣ помѣщаемъ произведеніе съ народнымъ направленіемъ:

a) *Glasa pobjedovanje.*
 (Il trionfo della fama).

Образецъ этого рода поэзіи Глегевичъ нашель у Петрарки, въ его „Trionfi in vita e in morte di Madonna Laura: 1) trionfo d' amore, — 2) trionfo della castita, 3) trionfo della morte, 4) trionfo della fama и 5) trionfo della divinita“. Извѣстна цѣль этихъ произведеній Петрарки. Въ нихъ, какъ и въ сонетахъ и канцонахъ своихъ, италіанскій поэтъ воспоминаетъ свою любовь къ Лаурѣ, представляетъ всѣ фазисы развитія этого чувства. Воспѣвая предметъ своей любви, Петрарка въ то же время имѣлъ въ виду назиданіе; онъ представилъ человѣка въ его постепенномъ развитіи: въ пору юности человѣкъ поддается страсти;

²⁾ По экземпляру, хранящемуся въ дубровн. франц. библіотетѣ, № 76—71.

съ возрастомъ беретъ верхъ разумъ, который обуздываетъ страсть; смерть совершенно уничтожаетъ страсть. Послѣ того какъ страстный человѣкъ отжилъ, живетъ разумный человѣкъ въ его посмертной славѣ, въ его дѣлахъ, совершенныхъ при жизни. Но затѣмъ, съ теченіемъ времени, дѣла человѣка предаются забвенію; время уничтожаетъ его славу. Поэтому, человѣкъ не долженъ вполнѣ полагаться, на нее, а долженъ находить свое утѣшеніе въ Богѣ, въ вѣчности.

Этотъ родъ поэзіи и въ послѣдующіе періоды италіанской литературы имѣлъ своихъ представителей; такъ, изъ половины XVII в. намъ извѣстенъ „Trionfo della fama al Conte d' Ognate“, неизвѣстнаго автора ¹⁾. Послѣ этого ясно, что „Trionfo“ Глегевича не былъ анахронизмомъ для своего времени.

Глегевичъ, взявъ образецъ у Петрарки, вмѣстилъ въ свое произведеніе совершенно другое, чисто-славянское содержаніе, или вѣрнѣе сказать, италіанскій поэтъ далъ славянскому поэту лишь намекъ, общую мысль, которую послѣдній развилъ, сообразно съ потребностью своего славянскаго духа. Въ то время, какъ Петрарка въ своемъ „Trionfo della fama“ дѣлаетъ перечень славныхъ мужей римскихъ и греческихъ, нигдѣ ни однимъ словомъ не касаясь славныхъ мужей славянскихъ, Глегевичъ счелъ своею обязанностью представить перечень послѣднихъ. Этотъ перечень составленъ, несомнѣнно, съ цѣлью показать несправедливое невниманіе къ славнымъ славянскимъ дѣятелямъ со стороны не-Славянъ, и въ томъ числѣ Петрарки.

Начало своего перечня Глегевичъ посвятилъ, такъ сказать, состязанію съ не-славянскимъ поэтомъ, присвоившимъ Романскому и Греческому племенамъ дѣятелей славянскаго происхожденія:

Kraglia Pirra i Filippa
Tko da od snanieh nesna gliudi?
Lexandrova diela lipa
Svetglia od sunza siaiu svudi.
Nu ne samo samiemo nima ²⁾
Slovinska se semglia hvali!
Kascte gnie rod Zare od Rima,
Kij su vas sai sviet vladali?
Diokletian Zar ie snani

.....

¹⁾ Входитъ въ составъ одного италіанскаго рукописнаго сборника, половины XVII в., хранящагося въ Ватиканской библіотекѣ: Bibliotheca Ottoboniana, № 1,941, стр. 36.

²⁾ То-есть Филипповъ, Александромъ Великимъ и Пирромъ.

U slovinski rodien strani
 Sred hrabrene Dalmatije etc.
 Justinian ovo je s' gnime
 Mudri i snani Cessar oni,
 Ki neumarlo stece ime:
 Jer gnim scivu svi sakoni.
 O Justine! tvoie ciasti
 Sunze viku ne sapada;
 I ti usciva zarske vlasti
 Sred svietloga Zarigrada

(Glasa pobiedovanie) ¹⁾.

Въ перечнѣ Петрарки о славянскомъ происхожденіи этихъ дѣятелей умолчано; Глегевичъ исправляетъ эту ошибку италіанскаго поэта. Но при всемъ томъ и онъ самъ, увлекшись своею цѣлью, помѣщаетъ въ число славянскихъ дѣятелей личности не славянскаго происхожденія. Такъ, къ числу славныхъ дѣятелей славянскихъ онъ относитъ Филиппа, Александра Великаго, Пирра, Децима и Деція и неисчислимыхъ королей ²⁾ (вождей); правившихъ Славянами, Готами и Вандалами. Не рѣшаясь представить подробный перечень ихъ, или вѣрнѣе, не имѣя возможности сдѣлать его, онъ все-таки считаетъ должнымъ помянуть ихъ добрымъ словомъ:

Pravedno je, da gnih dike
 Bessjedom su pohvagliene.

(ib.)

Въ слѣдующемъ затѣмъ перечнѣ славянскихъ дѣятелей онъ не а блюдаетъ хронологическаго порядка. Сначала онъ упоминаетъ о Димитріѣ, правителѣ острова Хвара ³⁾; затѣмъ объ Атиллѣ, королѣ Готовъ ⁴⁾; затѣмъ о какомъ то Селимирѣ,

Ki pridobit rece, da ie
 Slava od svieta sve tascina ⁵⁾;

о Святополкѣ:

Svietlo sunce svete vire
 Svetopelech parvi garli ⁶⁾;

¹⁾ По рукописи дубровн. францисканской библіотеки.

²⁾ Выраженіе Глегевича.

³⁾ Жилъ въ XIV—XV в.

⁴⁾ Правилъ Готами съ 443 по 454 г.

⁵⁾ Личность эта инѣ неизвѣстна.

⁶⁾ Очевидно, Святополкъ Моравскій (IX в.).

о Владимірѣ:

Tvoi svet scivot, Vladimire,
Dobrotom ie neumarli ¹⁾;

о Доброславѣ ²⁾ и Крешимирѣ ³⁾:

Kragl Dobroslav viecne vienze
S' Krescimirom slavnim stece,

за ихъ побѣды надъ хитрыми Греками и воинственными Нѣмцами; затѣмъ о трехъ братьяхъ Чехѣ, Лехѣ и Русѣ, миѣическихъ родоначальникахъ трехъ славныхъ народовъ—Чеховѣ, Поляковѣ и Русскихъ, Павлимирѣ, миѣическомъ основателѣ Дубровника ⁴⁾, о Сербскомъ царѣ Степанѣ Душанѣ (1331—1355 гг.), деспотѣ Юріѣ Бранковичѣ (1427—1456) и о князѣ Лазарѣ († 1389); затѣмъ о Сандалѣ Хра-ничѣ, великомъ боснійскомъ воеводѣ (жилъ въ первой половинѣ XV в.), о витязѣ Петрѣ, который

Cim satieran zio dub siece,

Velech: dovre, o *Ruscani* ⁵⁾;

(ib.)

о сплѣтскомъ герцогѣ Гервоѣ и о сербскомъ богатырѣ Милошѣ Обиличѣ (Кобиловичѣ) († 1389); далѣе объ албанскомъ вождѣ Георгіѣ Скандербегѣ († 1467), о Венгерскихъ короляхъ Іоаннѣ Гуніадѣ, его сынѣ Матвѣѣ Корвинѣ (второй половины XV в.) и Людовикѣ († 1382), затѣмъ о богатыряхъ Секулѣ Сестричичѣ и Сигизмундѣ Михайлѣ Свиловѣичѣ и сербскомъ деспотѣ Змаѣ Вукѣ († 1485); и наконецъ, о Стефанѣ Баторіѣ (которому по ошибкѣ даетъ имя Сигизмунда) и воеводѣ Михайлѣ. Послѣ перечня славныхъ мужей, Глегевичъ упоминаетъ и о славныхъ славянскихъ женщинахъ—миѣическихъ Виснѣ и Тетѣ и ихъ королевѣ Тевкѣ. Сознвая, что ему не удалось перечислить всѣхъ славянскихъ героевъ, Глегевичъ заключаетъ свой перечень слѣдующими словами:

¹⁾ Не Русскій ли князь св. Владиміръ Равноапостольный?

²⁾ Эта личность мнѣ неизвѣстна.

³⁾ Не извѣстно, какого Крешимира имѣлъ въ виду Глегевичъ: по свидѣтельству Дуклянскаго лѣтописца, въ хорватской династіи было двое Крешимировъ—одинъ упомянутъ подъ 1015 г., а другой послѣ Стефана, поставленнаго въ этой лѣтописи подъ 1060 годомъ.

⁴⁾ Этому Павлимиру Юній Пальмотичъ посвятилъ цѣлую драму, подъ заглавіемъ «Pavlimir».

⁵⁾ Не знаемъ, какое событіе авторъ имѣлъ здѣсь въвиду.

Pribroi sviesde od Nebesa,
 Tko slovinske broit sceli.
 Vitesove pune uresa,
 Kij su dikom svom slavieli.
 Viecne slave tko ie scedan,
 Isgleda se u gnih diela,
 S' trudom stiece cioviek vriedan
 Slavnu krunnu oko cela.

(ibid.)

Если Петрарка могъ своимъ „Trionfo della fama“ дать поводъ содержанію разсматриваемаго произведенія Глегевича, то въ дальнѣйшемъ его содержаніи безошибочно можно усматривать отголосокъ современнаго поэту политическаго положенія славянскаго міра. Дѣятельность русскаго преобразователя Петра Великаго, посѣщеніе имъ западной Европы, приглашеніе имъ въ Россію людей знающихъ, въ числѣ коихъ бывали Дубровничане и другіе южные Славяне, войны его съ Шведами и Турками, доставившія великому Русскому царю славу во всей Европѣ, разъяснили дубровницкому правительству положеніе Славянства и подали надежду на возрожденіе страждущаго подъ гнетомъ ислама и Венеціанской республики Славянскаго народа. Дубровничанамъ могъ быть извѣстенъ и планъ русскаго преобразователя относительно переустройства современнаго ему южнаго Славянства. Состоявшій на русской службѣ сербъ Михаилъ Милорадовичъ, по волѣ Петра Великаго, написалъ Захолмскому (герцеговинскому) митрополиту Савватию, имѣвшему свою резиденцію въ городѣ Требиньѣ, посланіе, отъ 3-го іюня 1711 года, въ которомъ совѣтуетъ ему поднять возстаніе противъ Турокъ, и въ награду за то обѣщаетъ, именемъ Петра, возвратить ему дома и магазины въ Требиньѣ и дома въ селѣ Придворцахъ, занятые Туркомъ Мустафъ-агою Чатовичемъ ¹⁾.

¹⁾ «Како ѿт прѣсвѣтлаго Его Царскаго вѣличавѣа му (то-есть Михаилъ Милорадовичъ) послани єсми въ здѣшнѣе страни Захлмискіє и въ васѣ херцеговинѣ и арбанію къ благочестивимъ христіанѿмъ, єже гдѣит им Царскаго вѣличавѣа (то-есть Петра I Великаго) благоизволєніє и намерєніє и єже вѣзбѣнати ихъ къ ѿплєченію противъ врага Креста Христова. Тѣмъ же аще прещедри господь дасть и победимо враги наше и сѣпостате и въ свободѣ придѣть плєсєна христіанскаа съ всакимъ ѣтврѣженіємъ и своерѣчнимъ и печатнимъ подписѿмъ пожалѣю и ѿдарѣмо прещєщенномъ Митрополитѣмъ Захлмискомъ, котори єсть ѿт монастира требинѣа кѣр Саватию и єго таи-

Намъ не извѣстно, чѣмъ вся эта исторія кончилась; но имѣемъ данныя, свидѣтельствующія о значительной популярности Петра Великаго въ мѣстности, сосѣдней съ Дубровникомъ. Въ сербскомъ православномъ монастырѣ „Саввина“, что близъ Ердегъ-Новаго (Кастель-Ново) и Дубровника, находится портретъ Петра Великаго, представляющій его въ молодомъ возрастѣ), съ подписью: „Государь Царь и великий князь Петръ Алексѣевичъ Всея Великия и малия и бѣлиа Россіи повелитель“. Несомнѣнно, портретъ этотъ занесенъ сюда въ эпоху славныхъ дѣлъ славянскаго преобразователя. Въ томъ же монастырѣ хранится нѣсколько богослужебныхъ книгъ, русскаго изданія, времени Петра I, и въ числѣ ихъ: „Служба благодарственная Бгѣ въ трѣцкой славимомъ о великой Бгѣ дарованной побѣдѣ на свѣйскимъ королемъ кароломъ вѣ и воинствомъ его, содѣланной подъ Полтавою, въ лѣтѣ 1709 мѣсяца іюня въ 27 день“. Въ ней полагавшіе надежду на Русь южные Славяне находили, напримѣръ, слѣдующій тропарь: „Препрославленъ еси Господи Бже ншѣ, даровавый крѣпость на враги благовѣрномъ црю ншемъ Петрѣ, тако же двѣ на прегордаго голіааа, оуби ншѣ на главою егѣ въ днѣ брани, препосалъ еси немощнымъ силою с выше, и тѣми всю дерзость вражію низложилъ еси, многомилостиве, слава тебѣ, ¹⁾ или слѣдующую стихирѣ:

никъ и свѣтнику езархъ Стефанъ Ермонахъ, такожде постриженникъ и жителю монастыра на рецѣ требинской, иже есть Ѹспеніе прѣстѣ Богородице на даемо и Ѹтверждѣмо имъ, тако цркѣовнымъ пастиремъ въ градѣ Ѹ требинѣ кѣне и дѣхане тѣрчина мѣстагаге ѣатовиѣа, такобер и въ селѣ придворцимъ кѣне истога реченога тѣрчина ѣатовиѣа и млине и башине и винограде све и ливаде и сва его добра, що е имаѣ и дрежаѣ Ѹ требиню и Ѹ прочихъ странахъ вѣсе даемо митрополитѣ і его іезархъ Стефанъ, котори кѣсть достоинъ и болия помилованія, понежѣ велію верѣ и слѣжбѣ кѣ его Царскомъ пресветломъ вѣличавію нинѣа приказаль кѣсть. Паки же глаголемъ, аще ѡцѣ митрополитѣ скоро доидеть смърть, речене кѣне и землѣ вѣсе да бѣдѣть подъ монастырь Ѹспенски нарицаеми требинѣе за часть ѡцѣ архимандритѣ. Теиж молю и глаголю, іако да никтоже не имать прекловити сихъ нашихъ грамотахъ ни въ сѣе ни въ последне време». Грамота эта найдена нами въ сербскомъ монастырѣ, называемомъ «Саввина» (близъ Кастельнова) и цѣликомъ издава въ рефератѣ «Значеніе неизданнаго дубровницкаго поэта Антона Глегевича. — Дубровницкіе отголоски о Петрѣ I Великомъ», читанномъ въ Обществѣ любителей древней письменности. С.-Пб. 1881 г. № XIII, стр. 15 и 16.

¹⁾ Стр. 7.

„Врагъ Крѣта стѣго, лжехрїстіанѣи и бжественныхъ икѣн борецъ и по-
смѣлѣѣ, силою Крѣта стѣго побѣжденъ бысть и порѣга, и не на-
дѣлса на мѣть и помощъ Вессїнаго, егоже чѣ въ іконѣ повреди
къ ненавистникоу имени Хрѣтова махومتанѣо и скѣѣ побѣже, крѣтоно-
снѣй же црѣ православнѣй Рѣссїйскїй стѣѣ іконѣ поборникъ побѣди-
телю пѣснѣ Богѣ воспѣваѣй да црѣтѣѣстъ и торжествѣѣтъ въ вѣки“¹⁾.
Такимъ путемъ утверждалась надежда угнетенныхъ южныхъ Сла-
вянъ на ихъ освобожденіе отъ чужеземнаго гнета силою великаго
Русскаго царя, съ которымъ, естественно, соединялась мысль и о но-
вой роли Славянства въ мірѣ. Дубровникъ, единственный представи-
тель просвѣщенія между южнымъ Славянствомъ, не преминулъ под-
нять этотъ повый вопросъ и въ литературѣ. Глегевичъ, въ числѣ
другихъ своихъ современниковъ и соотечественниковъ, воснулъ его.
Его соотечественники слагали оды нашему Петру Великому. Такъ,
дубровницкїй фратръ Степанъ Русичъ сочинилъ въ 1717 г. по-
хвальную оду, подѣ заглавіемъ: „Pettar Alechssiovich, alliti Petnes
slamegna, diella i cesti Petra parvoga, Zarra, Samodarsgza Russinskoga“,
которая дышетъ полнымъ уваженіемъ къ великому русскому преобра-
зователю, какъ посланному самимъ небомъ и напередъ предсказанному
Священнымъ Писаніемъ. Въ имени Петра Алексѣевича, въ суммѣ
чиселъ буквъ, изъ коихъ оно слагается, Русичъ усматриваетъ его
таинственное значеніе, чтѣ и излагаетъ въ своемъ посвященіи Петру I.
Вотъ чтѣ между прочимъ пишетъ онъ въ этомъ посвященіи:

«Если гдѣ, такъ именно въ твоѣмъ, о высокїй царь, многоуважаемомъ
позванїи имя соотвѣтствуетъ натурѣ (nagavi), что мы вполне видимъ; по гре-
ческому прекрасному и правому языку «Петръ Алексѣевичъ» значитъ, что
твое величество—камень, твердая стѣна, отражающая самыхъ сильныхъ
противниковъ, побѣждаетъ самыхъ сильныхъ королей и служитъ не-
одолимою обороной и необходимымъ щитомъ неисчислимымъ твоимъ коро-
левствамъ и всему твоѣму сѣверному Русскому царству. Но въ то же время
это твоѣ прекрасное имя содержитъ не менѣе чудныя знаменія въ числѣ,
изъ коего оно сложено. Я изъ числоваго соединенія и соотвѣтствія по-
стараюсь обнародовать то, что относится къ твоей крѣпости, достоинству и
всей твоей прошедшей и будущей дѣятельности, стараясь, такимъ образомъ,
показать, что примѣры твоего счастья и великая твоя слава, *которой теперь
весь свѣтъ удивляется (со страхомъ) и восхваляетъ ее до небесъ*¹⁾, еще въ

¹⁾ На литїи стихиры гласъ А.

¹⁾ Въ журналѣ, издаваемомъ Апостоломъ Зено и Маѣтеи, Русичъ, Глегевичъ
и другіе ихъ современники и соотечественники могли прочесть про Петра I слѣ-
дующую интересную замѣтку: «In Moscà, ed in altre parti dell' Imperio Mosco-

твою родъ, въ твою знаменитую имени были счастливо сохранены. Прежде всего, пусть всякому будетъ очевидно, что нѣкая особенная судьба дѣйствовала въ нареченіи тебѣ этого имени, и что еще въ дѣтствѣ ты былъ принять славою, вскормленъ крѣпостью, увеселяемъ побѣдами и нѣжимъ добрымъ счастьемъ. Итакъ, пусть удостоится твоего Царскаго взгляда этотъ мой—не хочу сказать трудъ—приличный твоему невыразимому и сверхъестественному превосходству даръ, который я посвящаю тебѣ съ Адриатическаго моря, изъ Дубровницкой области. И такъ, допусти, чтобы между неисчислимыми похвалами, которыя безпрестанно отовсюду оглашаютъ твою царскую корону, и мои пѣсни—данъ твоему величеству были слышаны тобою и милостиво приняты. Затѣмъ, да дастъ небо тебѣ до вѣковѣчной старости постоянное увеличеніе царства, счастья и побѣдъ, до тѣхъ поръ пока при свѣтѣ, величіи и знатности твоей славы и могущества *весь свѣтъ будетъ занятъ тобою* и не въ состояніи будетъ онъ дать тебѣ полной хвалы; такъ какъ, вслѣдствіе твоего достоинства и высоты, не находится подъ солнцемъ никого, кто восхвалилъ бы тебя подобающими хвалами, ты найдешь своего прославителя въ самомъ Всевышнемъ, который, въ награду за сокрушеніе его злодѣевъ и распространеніе правой вѣры, введетъ тебя—цвѣтъ и корону высочайшихъ королей, чудный образецъ силы, власти, разсудительности, правды и счастья, увѣнчаннаго славнымъ неувядающимъ вѣнкомъ, въ небесные дворцы. Поэтому, сердечно молю Владыку Рая, чтобы Онъ подтвердилъ мое предсказаніе. (Слѣдуетъ подпись) ¹⁾.

Сдѣлавъ, затѣмъ, обращеніе къ читателю, въ которомъ изложено таинственное значеніе имени Петра Алексѣевича, Русичъ помѣщаетъ слѣдующій акростихъ, выражающій сущность его оды Петру:

vitico non mai da vantaggio fiorirono le scienze e le buone arti, come in questi ultimi tempi, non tanto pel beneficio della stampa, che molto più di prima vi si è diffusa, quanto per l' attenzione, anzi per l' esempio del suo medesimo Sovrano *Pietro Alessiovitz* in oggi regnante. Non e già, che molto tempo innanzi non vi sia stata portata l' arte di stampare i libri e che altri de' suoi Monarchi non abbiano procurato la cultura e la disciplina della loro Corte e del loro Imperio: ma gravi e politiche cause si opposero all' avanzamento di così retta intenzione etc.

Si stampano in Mosca continuamente libri nella lingua del paese. Fra i libri impresi in quella lingua mettiamo in primo luogo la traduzione de i libri spettanti ai cinque ordini di Architettura di Jacopo Barozzi da Vignola, *fatta nella sua lingua dallo stesso S. D. Pietro*, stampata e ristampata in Mosca l'anno 1708 con 46 figure in rame. La prima edizione é in foglio; la seconda in ottavo. L'anno medesimo e nella medesima lingua ivi pure é stato stampato in bella carta ed in buon carattere un *Trattato del modo di render navigabili fiumi*, il quale fu primo scritto in Italiano e stampato in Roma nel 1685, a fine di restituire a Roma la navigazione del Tevere. (*Giornale de' letterati d' Italia*, t. IV, 1710 г., стр. 418—420).

¹⁾ См. мои Образцы дубровницкаго зыка и письма, стр. 38, 39.

P orod oda slavnieh
 E vvo Vites cestiti,
 T varghia uspieta!
 V lannima svuda sviti,
 R esi isglede svijeh.

V h jasna kreposti,
 T iuvenni svim isglede!
 E tto kascesec tvoie diedde:
 K runnisc sadosti!
 S uecko rasuchie,
 I stocna scibika,
 O smanovichiaa usda.
 V isc gniega moch i dika!
 I sbauglien ¹⁾ ti po tebbi;
 I chn iuchien pod Nebbi.

Русичъ представляетъ себѣ исполненіе Русскимъ народомъ, руководимымъ его царемъ, великой задачи въ славянскомъ мірѣ и скорбеть, что кратковременность человѣческой жизни не даетъ ему видѣть воочию выполненіе этой задачи:

Rusko sunze, sini, sini
 U vedrinah od Istoka;
 Dan da svanne u millini
 S' rumenilla tvoga oka.
 Alli tko chie menni datti,
 Prigisdave tej lieposti
 Da usbudem usgivati
 I ia opchiene sred radosti?
 Da unuka pricestita
 Tvoga sarza i imenna
 Vidim diella plemenita
 Od svakoga pohvagliena?
 Ah stotine dvije godina
 Scto mi dano nije sgivieti?
 I iosc mallo! dragha cina
 Vidio bih sve na sviati;
 Sve, sve, velim, vidio bih
 U pokoju duha moga:
 Er dobiti usgivo bih
 Kraglievichia Rossinskoga;
 On odregghien na sto slavni,
 Ko nam sviesde, ko sibilla,
 Ko prorozi vele davni,
 Prostretichie svoia krila.

¹⁾ Въ рукописи стоятъ «isbuaglien».

I u sapadu Rimsko ime
 Cim na svacje ghinne occi;
 Usletietchie prid svoime
 Na Cesarstvo od Istocci;
 Ugledatchie sviet sve krunne
 Prid noghah mu sniscne stati;
 I s' slavnosti tai ispunne
 Svako miesto samnievati.
 Ovo, o Petre, da nu nechie
 Cesti sa inno dopastiti
 Tvoga unuka, negho er chie
 Tvom se slavom posctapiti,
 Er stupaim tvojem hode;
 Tvoi um, tvoi sviet i tva dika
 Bitchie svake sred prigode
 Gniemu sakon i scibika.
 Sato piesan ma klikuje,
 Cim dosadar gniegga glasi
 I radosno spomigniuje,
 Da scibika istocna si!

(Piettar Alechs. slam. 11: по рукоп. франциск. библиотеки въ Дубровникѣ).

И далѣ:

O visoki slavni Zarre!
 Podlosgnieh tebbi u broiu,
 Etto, i ia grem sadare
 Poklonit ti gliubav moiu.

(Ib. Sl. 15)

Свою увѣренность, что выполненіе этой задачи наступить, Русичъ основываетъ на стойкости Русскаго народа:

Russku stavnos da slavite,
 Stavnos, koia vik ne venne!

(Ib. slam. 3)

(Ciem) ne samo *Petar* slavni,
 Negh Petrovo imme u vike
 Slomitichie puk isdavni
 I sve satart protivnike ¹⁾.

Другой современникъ Глегевича Игнатій Градичъ (раньше Русича), въ 1710 г., также написалъ похвальную оду Петру Великому „Plam Sieverski“, по случаю побѣды подъ Полтавою. Изъ предпосланнаго этой одѣ обращенія автора къ Саввѣ Владиславичу, состоявшему на службѣ у Петра I, видно, что русскій преобразователь не отказы-

¹⁾ См. Образцы дубровницкаго языка и письма, стр. 46, Slam. 11.

вался пользоваться дружбою Дубровника. Вотъ что, между прочимъ, писалъ Градичъ:

«Въ современное намъ время и въ Дубровникъ, мой родной городъ, прилетѣлъ съ сѣвера радостный голосъ о славныхъ дѣлахъ Московскаго царя; я тотчасъ (послѣ полученія этой вѣсти) рѣшился, по мѣрѣ своихъ силъ, огласить въ пѣснь дѣла такого величества всякой славянской державѣ. Выполнивъ это, какъ только я зналъ лучше, я не остаюсь довольнымъ при мысли, что эта моя пѣснь никогда не достигнетъ надлежащаго склада, если премилостивое око этого величества не взглянетъ на него. Но мое желаніе, чтобъ она удостоилась такой милости. Я не былъ въ Дубровникѣ¹⁾, когда мое особенное и великое счастье привело тебя, пресвѣтлый и превысокій государь (то-есть, Савва Владиславичъ), въ этотъ городъ. Прежде твоего прибытія изъ Москвы въ мою родину, я никогда тебя не видѣлъ; тѣмъ не менѣе, полагаясь на твою доброту и твое значеніе (что господинъ Влахъ Бучичъ, мой пріятель—словно братъ, господинъ Францискъ Градичъ, мой родной братъ, и господинъ Иванъ Тудишевичъ, мой внукъ (по сестрѣ), часто говорили со мною о тебѣ съ великимъ уваженіемъ и съ великими похвалами, представляя мнѣ твою собственную крѣпость, природное совершенство, ради которыхъ величество Московскаго царя украсило тебя особенными благородными почестями), я обращаюсь къ тебѣ съ просьбою приподнести величеству Московскаго Царя Петра мою пѣснь!»

Этого своего любимца Градичъ ставитъ выше всѣхъ прежнихъ и существовавшихъ въ его время государей; онъ восхваляетъ его между прочимъ такъ:

*On krepostim desne svoje
Sve Moskovske vedre Zarre
Nadaleko priteko ie
Rimske i Slavne sve Cessare.
Gliudska mudros, dake, niedna
I besieda snanne glave
Sadovoglit niie vriedna
Dostoianstvu take slave,
Slave, koia u svietlosti
Sve cetiri strane svieta
Slicna raiskoi cestitosti
Na sunciannom kollu oblieta,
Trubgliom tere plemenitom
Svuda, scto me sarze sgeli;
A s' pohvallom pricestitom
Bes pristanka glasi i veli:
Sgivi slavni zarre u vieke,
Sgivi, neka rastu vechie*

¹⁾ Въ подлинникѣ это мѣсто темно изложено; буквальный переводъ его — «я не нашелъ пути».

Tve kriposti privelike
 I cestite tvoie srechie.
 Nestorova sgivi litta,
 Svegh dobitnik, nigda u vaiu;
 Cini diella tva cestita,
 Da dotusce turskom smaiu;
 Neviernike pali i siezi,
 Koi marse pravu istinu;
 Cin', da svoje karvi u riezi
 Sadusce se i poghinu.
 Sgivi i cini, hoggia kleti
 Da s' munara, vech, nevika,
 Da se oborre sui mecetti
 Karstianskaga protivnika!
 Pravoviernu cias obrani
 I gniu is robstva oslobodi,
 Nek se vechma rasprostranni
 I krepostim tvom rasplodi!
 Sgivi srechian, cestit, slavan,
 O Moskovski vedri zarre!
 Bog ie udielit tebbi spravan
 Viekuviečne ciasti i dare!
 Nek na svietu i u raju
 Slavno budesc stollovati,
 I blasgeni ko sivaju,
 Se gnima pored budesc siatti ¹⁾.

(рукоп. франц. дубров. библ.).

А нѣсколько выше (въ той же одѣ) Градичъ выражается о Петрѣ I такимъ образомъ:

Er Moskovska mudra slava
 Sviem se umie hitro oprieti,
 I Petrova zarska glava
 Svakoi silli odoglieti ²⁾.

(ibid.).

¹⁾ Ода эта дѣликомъ издана въ мою «Образцахъ дубровницкаго языка и письма».

²⁾ Чрезвычайно рѣзкій контрастъ этимъ строкамъ представляютъ строки, касающіяся Поляковъ:

(er) Pogliacke

Sve darsgiave stahu u smechi;
 Ni desnize bi iunacke
 Vriedne opriet se toj nesrechi

(Plam. Sjev. ib.);

это сказано, когда авторъ говоритъ о возведеніи Шведскимъ королемъ Карломъ XII на польскій престолъ Станислава Лещинскаго вмѣсто Августа II.

Эти оды современниковъ Глегевича Петру I служатъ подтвержденіемъ, что и Глегевичъ написалъ свое произведеніе подъ вліяніемъ распространившейся между Славянами надежды на возрожденіе Славянскаго племени. Сверхъ того, онъ какъ добрый гражданинъ, заботящійся о славѣ своего родного города, не упустилъ случая сдѣлать напоминовеніе, что его соотечественники, пользующіеся свободнымъ положеніемъ, должны принять участіе въ славянскомъ возрожденіи. Сперва онъ указываетъ на добрыя качества Славянскаго племени:

Mi ¹⁾ smo drusca plemenita
 Plod slovinske ljepe strane
 Priko svega slavni svita
 Kros kriposti nasce isbrane.
 Nam su od slave usrok bile
 Bistra jamet, boina ruka,
 Vedra pomoch, srechie mile,
 Vriedno sarze, krepka odluka,
 A nad sve ino glas neumarli,
 Ki ciovieka vriedna cini,
 Da s' hrabrenom misli harli,
 Gdi nije stana nochnoj tmini;
 Kros iunacko boino arvagne
 Mi shiedismo krepos pravu,
 A kreposno dielovagne
 Nami donie viecnu slavu. etc.
 Er se krepos nasca ukasa
 U orusciu od svieh iaccia,
 Nechaiuch se od porasa
 Ostrieh sabagl silnieh macia.
 Niedne od sile, niedne od vlasti
 Neimasmu viku straha,
 Ni nas mosce vik pripasti
 Taseta srechia, ni smart plaba etc.
 Mij sa istinu slavu stiechi,
 Nesctediesmo nasce karvi,
 Krepzi u boiu, snani u srechi,
 Na sve trude vasda parvi;
 Tim se pravo dice i resi
 Nam Slovinska semglia rodna;
 Ka bi s' nami pod nebesi
 Slavna, mirna i slobodna,
 Sad ie plesciu lavi i smije,
 Otrovnoga puni ijeda;

¹⁾ То-есть, Славяне.

I ciovieka u gnoi nije,
Da se u krepos nascu isgleda.

(ibid.)

Указавъ затѣмъ на свободное положеніе Дубровника, авторъ въ концѣ обращается къ нему съ требованіемъ потрудиться на общую пользу Славянства:

Ziech kreposti dobra obchiena
I sa viku ne umriti,
Boina diela i hrabrena
Sliede gliudi plemeniti;
Nu neumarlo dobit ime
Cioviek ne mosce, ki ne trudi.

(ibid.)

Остальныя мелкія произведенія Глегевича написаны, несомнѣнно, подъ италіанскимъ вліяніемъ.

β) Изъ нихъ діалогъ „Selimir i Radmio“ заслуживаетъ особеннаго вниманія по своему отношенію къ устройству семейной жизни. Здѣсь Глегевичъ говоритъ, что, выбирая жену, должно обращать вниманіе не на скоропреходящую красоту, а на добрый нравъ женщины, при которомъ только и возможна счастливая семейная жизнь.

γ) Въ драмахъ и „Побѣдномъ голосѣ“ Глегевичъ очень часто проводитъ мысль о непрочности человѣческой жизни въ видимомъ мірѣ. На ту же тему написанъ имъ отдѣльный сонетъ: „Kasce, da ie gliuski scivot kratak, da ie niscta sve“, который представляетъ большое сходство съ сонетомъ италіанскаго поэта Павла Бриначіо „Brevita di nostra vita“ (Краткость нашей жизни). Глегевичъ, несомнѣнно, зналъ сонетъ Бриначіо, равно какъ и другія его произведенія, изданныя въ 1690 г. подъ заглавіемъ „Scintille poetiche o poesie sacre e morali di Paolo Brinacio Napoletano, dedicate alle illustr. et eccellent. Signore D. Mracello Mastrilli Duca di Marigliano“. Взявъ оттуда мысль, Глегевичъ однако изложилъ ее по своему, а не перевелъ сонетъ Бриначіо.

δ) Та же мысль проведена Глегевичемъ и въ аллегорической формѣ въ баснѣ „Priciza od tikve i bora“, а равно и въ сонетѣ „U smart gospodina Vlaha Stelle. 1696“.

В. Качановскій.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ ГЕРБЕРШТЕЙНА.

Животныя Восточной Европы и предметы царства ископаемаго.

«Die Wissenschaft entwickelt sich unter nothwendigen äusseren und inneren Bedingungen». *Gesch. d. Zoologie von Carus*, 90.

I.

Особенности животнаго царства восточно-европейской равнины XV—XVI в., обращавшія на себя въ то время вниманіе иностранцевъ.—О времени истребленія нѣкоторыхъ животныхъ въ Европѣ.—Общія замѣчанія о зоо-географическихъ извѣстіяхъ иностранныхъ писателей XV—XVI в.—Состояніе зоологическихъ свѣдѣній во второй половинѣ XV в. и въ первой половинѣ XVI.—Тома Кастимпре, Альбертъ Великій и Винцентъ Бове.—Мнѣніе Каруса о значеніи трудовъ Аристотеля въ исторіи естествознанія.—Извѣстія Барбаро о южно-русской степи въ XV вѣкѣ.—Животныя млекопитающія (бараны жирнохвостые, татарскія лошади и др.).—Птицы.—Охота съ соколами.—Замѣтки о южно-русской степи, находящіяся въ описаніи хожденія въ Царьградъ.—Харіусы и мурены въ рѣкѣ Волгѣ.—Извѣстія Контарини о животныхъ, водившихся въ южно-русской степи и въ Московіи.

Малонаселенная восточно-европейская равнина въ XV и въ XVI в. еще не успѣла утратить характеръ страны дѣвственной, и нѣкоторыя особенности, свойственныя природѣ первобытной, составляли ея существенное отличіе отъ природы западно-европейской. Почва этой великой равнины не была истощена; лѣса ея, занимавшіе огромныя, сплошныя пространства, и степи, покрытыя роскошною растительностію, изобиловали дикими животными, а воды стоячія и текучія — рыбами;

и звѣринные, и рыбные промыслы были для обитателей ея выгоднымъ занятіемъ. Московія приводила иностранцевъ въ изумленіе дешевизною своихъ жизненныхъ припасовъ; ея мѣха считались наилучшими ¹⁾. Зубры, лоси, олени, бобры на востокъ Европы имѣли область распространенія болѣе значительную, чѣмъ на западѣ; нѣкоторыя животныя, какъ напримѣръ, онагры, сайги, дрофы, въ особенности животныя, которыя водились въ водахъ, омывающихъ сѣверные берега, и обезпечивали жизнь ихъ обитателей, были малоизвѣстны иностранцамъ. Природа восточной Европы представляла слѣдовательно, для нихъ широкое поле наблюденій, могла дать много новаго и замѣчательнаго въ области естествознанія. Отсюда понятно, почему мы находимъ въ большей части иностранныхъ сочиненій XV—XVI в. не мало извѣстій, относящихся къ фаунѣ восточной Европы и занимающихъ видное мѣсто въ ряду другихъ біологическихъ данныхъ, которыя попадаютъ въ тѣхъ же сочиненіяхъ ²⁾.

Не смотря однако на обиліе этихъ извѣстій, они оказываются весьма не полными для опредѣленія особенностей восточно-европейской фауны XVI в., такъ какъ, за весьма немногими исключеніями, относятся только къ первымъ тремъ классамъ отдѣла позвоночныхъ и изъ этихъ животныхъ обстоятельнѣе описаны тѣ именно, которыя

¹⁾ *Фабръ*, по изд. 1600 г., стр. 133: «Vitae suae necessaria non aliunde magis, quam e pellibus quaeritant, ad quas comparandas mercatores tum e nostris, tum e longinquiorebus veniunt regionibus, ea est illorum nobilitas, qui namque nobilissimi sunt apud nos, ab illis nobis comparamus».

²⁾ О времени истребленія нѣкоторыхъ животныхъ въ Европѣ см. «Die geographische Verbreitung der Thiere» von *Ludwig K. Schmarda*, 1 B. Wien, 1853, стр. 209: «In England wurde der Biber im 9 Jahrhundert, die Bären 1057, das Wildschwein zur Zeit Heinrich II ausgerottet». «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири», *А. Миддендорфъ*, ч. II, С.-Петербургъ 1869, стр. 55; 91, пр. 1, 6, 93, пр. 5; 94, пр. 3: «Въ Самарскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1852 г., № 14, говорится, что фазаны, соколы и орлы совершенно исчезли тамъ, вслѣдствіе истребленія лѣсныхъ островковъ и окраинъ». Животныя губерній Кіевского учебнаго округа ст. *К. Кесслера*, Труды комиссіи для описанія губ. Кіевск. учебн. округа, т. 1, Кіевъ 1851 г., стр. 28—29: *Гюльденштедтъ* замѣтилъ, что къ югу отъ Сейма горностаи (*mustela erminea*) «дѣлается постепенно болѣе рѣдкимъ». Стр. 40: «Очень вѣроятно, что летучая бѣлка, называемая иначе летягою или полетухою, *Pteromys Volans*, также водилась прежде въ нашихъ губерніяхъ» (Подольской, Волинской, Кіевской, Черниговской, Полтавской). Стр. 77: въ этихъ же губерніяхъ бобръ (*castor fiber*) встрѣчается «въ настоящее время почти только по одиночкѣ». Стр. 58—объ истребленіи благороднаго оленя и сайги.

были предметомъ наиболѣе значительныхъ, по своей пользѣ, промысловъ.

О приведеніи новыхъ свѣдѣній о животныхъ восточной Европы въ какую-либо систему никто изъ иностранныхъ писателей XV—XVI в. не заботился, и въ большей части ихъ сочиненій эти не сведенныя въ одно цѣлое свѣдѣнія имѣютъ характеръ замѣтокъ, случайно собранныхъ. Въ нихъ на ряду съ немногими вѣрными и важными въ зоо-географическомъ отношеніи данными находятся и извѣстія полубаснословныя, свидѣтельствующія объ отсутствіи всякихъ установившихся, общепринятыхъ критеріумовъ для оцѣнки и опредѣленія достовѣрности этихъ извѣстій. Онѣ могутъ служить доказательствомъ того, что возрѣнія образованныхъ людей XVI в. не отдѣлялись очень замѣтною чертою отъ народныхъ возрѣній на разнообразный и загадочный міръ животныхъ.

Всѣ нами указанныя характеристическія особенности обозрѣваемыхъ извѣстій, опредѣляющія весьма невысокій уровень зоо-географическихъ знаній, не составляютъ, однако, какого-либо исключительнаго явленія. Послѣ замѣтнаго въ исторіи зоологіи движенія, которое относится къ XIII вѣку, и которое выразилось въ появленіи нѣсколькихъ очень замѣчательныхъ трудовъ Тома Кантимпре, Альберта Великаго и Винцента Бове, наступило время застоя, продолжавшееся почти два столѣтія ¹⁾. Изъ этого застоя зоологію должны были вывести знаменательныя событія второй половины XV вѣка ²⁾. Но вліяніе этихъ событій на развитіе зоологическихъ знаній обнаружи-

¹⁾ Тома Кантимпре род. въ 1186 г., умеръ въ 1263 г. Его соч. «De naturis rerum» состоятъ изъ 19 книгъ, къ которымъ онъ прибавилъ уже послѣ 1256 года еще 20-ю книгу: «De ornatu coeli et motu siderum». Альбертъ Великій род. въ 1193 г., умеръ въ 1280 г. Винцентъ Бове (Bellocensis) умеръ въ 1264 г. Его соч. Speculum majus. Geschichte der Zoologie von J. Victor Carus, München, 1872 г., стр. 211—213, 223—224, 238 и сл.

²⁾ Въ это время появились въ печати сочиненія Аристотеля (въ Венеціи онѣ были изданы въ 1476, 1492, 1497, 1498 годахъ), трудамъ котораго по естествознанію Карусъ, Gesch. der Zoologie, стр. 28, 257, придаетъ очень важное значеніе. Вотъ что онъ говоритъ о немъ на стр. 57: «er derjenige war, welcher den dem richtigen Erfassen des thierischen Baues entgegenstehenden Schwierigkeiten unter allen Naturkundigen des Alterthums am glücklichsten zu begegnen wusste. Auch er konnte sich zwar von manchen Vorurtheilen seiner Zeit nicht völlig frei machen; doch sichern ihm seine Leistungen das Recht, auch als Begründer der vergleichenden Anatomie gefeiert zu werden».

лось не тотчасъ и сказалось нѣсколько позднѣе того времени, къ которому относятся обозрѣваемые нами иностранныя сочиненія.

Извѣстіями о южно-русской степи, дающими первое по времени довольно полное представленіе о ней, мы обязаны Венеціанцу Барбаро. Эта въ XV в. еще первобытная дѣвственная степь давала азіатскимъ кочевникамъ превосходныя, неизсякаемыя средства къ жизни, и въ извѣстное время года они могли свободно странствовать по ней въ полной увѣренности найти вездѣ себѣ отличный кормъ. На вопросъ, сдѣланный мною, говоритъ Барбаро, одному изъ Татаръ: чѣмъ кормятся они во время своего странствованія? они отвѣчали: „развѣ кто либо умираетъ съ голоду?“

Благодаря изобильной степной растительности, Татары могли содержать въ огромномъ количествѣ домашній скотъ, состоявшій изъ рослыхъ и весьма красивыхъ быковъ, которые были употребляемы для перевоза тяжестей, барановъ, лошадей и большихъ косматыхъ (*pelosi*), двугорбыхъ верблюдовъ, отправляемыхъ въ Персію на продажу. Быковъ было такъ много, что Татары снабжали ими италіанскія бойни.

Бараны отличались необыкновенною толщиною (*castroni grossissimi*), высокими ногами, длинною шерстью и хвостомъ, вѣсящимъ до 12 фунтовъ. Мнѣ, замѣчаетъ тотъ же путешественникъ,—случалось видѣть, какъ этого рода бараны тащили за собою колесо, привязанное для потѣхи (*quando per piacere qualch' uno gliela liga*) къ ихъ хвосту. Жиръ, добываемый изъ нихъ, служитъ приправою ко всѣмъ татарскимъ кушаньямъ, ибо употребляется вмѣсто масла и имѣетъ то достоинство, что не застываетъ во рту.

Бараны, здѣсь описанные, принадлежатъ къ племени жирнохвостыхъ (*Aries laticaudata*, *ovis steatopyga*, *Moutons à grosse queue*), отличаются очень большимъ ростомъ и имѣютъ короткій хвостъ, съ жирными наростами (курдюкъ) по сторонамъ; вѣсъ его бываетъ до 40 фунтовъ. Курдюкъ у старыхъ киргизскихъ овецъ, замѣчаетъ Эверсманъ,—непріятнаго вкуса, но курдюкъ ягнятъ очень вкусенъ и его можно ѣсть какъ хлѣбъ, безъ соли и безъ всякой приправы, только вареный въ водѣ. Кажется, что мясо и жиръ скотины, родившейся и выросшей въ соляныхъ степяхъ, сами собою уже просаливаются отъ употребленія животными въ пищу соляныхъ травъ; по крайней мѣрѣ въ степяхъ у Киргизовъ безъ принужденія можно ѣсть не соленую баранину. Если перевести киргизскихъ овецъ изъ соляныхъ степей въ мѣста плодоносныя, то курдюкъ уже въ продолженіе пер-

ваго года уменьшается значительно, а чрезъ нѣсколько лѣтъ исчезаетъ почти вовсе ¹⁾).

Значительную часть домашняго скота у Татаръ составляли лошади. Люди, ими торгующіе, замѣчаетъ Барбаро—отводятъ ихъ въ другія страны. Такъ однажды изъ татарской степи прибылъ въ Персію цѣлый караванъ, въ коемъ было до 4,000 лошадей. И этому вы не удивляйтесь, ибо въ случаѣ, если бы вы захотѣли въ одинъ день купить ихъ тысячу или двѣ, то вы ихъ найдете. Лошади у Татаръ пасутся въ табунахъ, какъ скотъ. Стоитъ только пойти въ табунъ и сказать хозяину: мнѣ требуется сто коней. Имѣя палку съ петлею на концѣ ея (арканъ); хозяинъ (табуна) обладаетъ такою ловкостію въ этомъ дѣлѣ (въ поимкѣ лошадей), что покупателю стоитъ только сказать: поймай мнѣ эту или ту, и хозяинъ набрасываетъ ей петлю на шею и выводитъ изъ табуна. Такимъ образомъ онъ ловитъ столько, сколько онъ пожелаетъ, и тѣхъ (именно), которыхъ онъ хочетъ поимать. Во время путешествія мнѣ приходилось встрѣчать купцевъ, которые вели съ собою такое множество коней, что къ удивленію (*par cosa mirabile*), ими были устѣяны всѣ поля [разстилавшіяся передъ взорами]. Лошади татарскія не отличной породы, малорослы, имѣютъ отвислое брюхо и не ѣдятъ овса [въ обыкновенное время]. Когда гонять ихъ въ Персію, то лучшею похвалою служить имъ то, что онѣ ѣдятъ овесъ; ибо безъ этой пищи не могутъ вынести всѣхъ предстоящихъ трудностей.

Таковы признаки полудикихъ степныхъ лошадей, которыя и въ

¹⁾ Барбаро, по изд. 1836 г., гл. 3, стр. 75, 84 (р. п., 18, 35—36). Стр. 35: быковъ у Татаръ «такъ много, что они снабжаютъ большую часть нашихъ италянскихъ бойнь»; стр. 84: *Satisfanno etiandio alle beccarie d' Italia* (у Рамузіо, по изд. 1574 г., стр. 95, въ изд. Гаклюйтова общества, 1873 г., стр. 20); бараны необыкновенной величины съ толстымъ хвостомъ, «*Castroni grossissimi... i quali hanno code*»; «мнѣ нерѣдко случалось видѣть, какъ этого рода бараны преспокойно тащатъ за собою колесо»; «*et tal n' ho veduto, che si strascina una ruota dietro*». «Русская фауна», Ю. Симашко, ч. 2, С.-Петербургъ 1851, стр. 889, 896—897: Въ Россіи двугорбые верблюды встрѣчаются до самого Байкала.... Иб., стр. 978. «Естественная исторія Оренбургскаго края», Э. Эверсманнъ, ч. 2, Казань 1850, стр. 268—270. Объ овцахъ съ толстыми хвостами сообщаютъ свѣдѣнія и древніе писатели, см. *Zoologie der alten Griechen und Römer von Harald Othmar Lenz*, Gotha 1856, стр. 235. У Марко Поло, *Чтенія Москов. Обш. Ист. и Древн.*, 1861 г., кн. 4, гл. 14, стр. 82—83 и прим. 89. Ср. также извѣстія Боплана въ его *Описаніи украины*, С.-Петербургъ 1832 г., стр. 94.

настоящее время водятся во множествѣ въ южной Россіи и распа-
даются на нѣсколько самостоятельныхъ племенъ, въ числѣ которыхъ
признается самостоятельнымъ и татарское племя лошадей, не отли-
чающихся красотой, но дорого цѣнимыхъ за свою необыкновенную
сносливость ¹⁾).

Степь изобиловала также дикими птицами, и охота за куропат-
ками и дрофами щедро вознаграждала Татаръ. Дрофа (*gallinaccio*),
сообщаетъ Барбаро,—имѣетъ короткій хвостъ, какъ у курицы, голову
держитъ прямо, какъ пѣтухъ, величиною съ павлина и даже похо-
дитъ на него цвѣтомъ перьевъ, за исключеніемъ одного хвоста. Такъ
какъ Тана окружена холмами и рвомъ, имѣющимъ до десяти миль
въ окружности (гдѣ была нѣкогда древняя Тана), то эти холмы и
необитаемыя долины сдѣлались убѣжищемъ множества птицъ. Въ
слѣдствіе этого (*una cosa è*) вокругъ стѣнъ Таны и во рву было
столько куропатокъ и дрофъ, что, казалось, въ окрестностяхъ ея
находились дворы [птичники] домовитыхъ хозяевъ (*di qualche buoni
massari*). Мальчики безъ труда подбирали [этихъ птицъ] съ земли и
продавали по аспру (то-есть по 8 нашихъ богатинъ) пару ²⁾).

¹⁾ Барбаро, гл. VII, 83—84 (р. п., 34—35); у Рамузіо, 95: «*ete tant' atto
a quest' essercitio, che tanto tosto, che colui che compra*»... Слова, напечатанныя
курсивомъ, пропущены въ изданіи 1836 года. Здѣсь же на стр. 34: «люди тор-
гующіе оными (лошадьми), покупаютъ ихъ во множествѣ у Татаръ и потомъ
отводятъ на продажу въ другія страны. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ орды,
отправился оттуда въ Персію цѣлый караванъ, въ коемъ было до 4,000 лоша-
дей». Въ подл.: «*Sono alcuni del popolo mercanti di caualli, i quali gli cauano
dal Iordd et gli menan' in diuersi luoghi; et una carauana, laqual venne in Persia,
prima ch'io mi partissi di li, gia ne condusse 4,000*». «Русская фауна», Симашко,
II, 863. «Естеств. исторія Оренбург. края», Э. Эверсманнъ, ч. 2, стр. 218:
«Большая часть степныхъ лошадей не ѣдятъ овса и даже тогда, когда имъ его
даютъ, и если послѣ, при сильной работѣ, ихъ приучаютъ къ нему, то кормъ
этотъ производитъ на нихъ дѣйствіе гораздо сильнѣйшее, нежели на лошадей
заводскихъ или воспитанныхъ дома». По свидѣтельству Боплана, см. его «Опи-
саніе Украйны», С.-Пб. 1832 г., стр. 93, въ степяхъ украинскихъ дикія лошади
ходили табунами отъ 50 до 60 головъ.

²⁾ Барбаро, по изд. 1836 г., гл. III, 76 (р. п., 19—20). Въ русскомъ пере-
водѣ, по изд. 1836 г., «холмы и долины, или образуемая»; въ подл. «*fra detti
monticelli et valli non frequentate*». Въ томъ же изданіи «*gallinaccio*» переведено
словомъ дрофа (*Otis tarda, der grosse Trappe, outarde*, дудакъ или степная ку-
рица, см. Зоолог. и ботанич. словарь, прибавленіе къ словарю Эртеля 1843 г.),
и вышеприведенныя нами свѣдѣнія Барбаро позволяютъ считать этотъ переводъ
вѣрнымъ, хотя въ словарѣ *Valentini*, 1878 г., *gallinaccio*—Truthahn, индюкъ; а

Дрофа большая (*Otis tarda*) встрѣчается во всей Европѣ, въ значительной части Азіи и въ Африкѣ. По свидѣтельству А. Арендта, замѣтки котораго о дрофахъ были напечатаны въ 1860 году,—наши таврическія степи, „лѣтъ сорокъ тому назадъ, изобиловали до чрезвычайности дрофами; проѣзжая по степнымъ дорогамъ, можно было встрѣтить утромъ и подъ вечеръ, въ пасмурную погоду и во весь день нѣсколько ихъ стай (днемъ, въ лѣтнее жаркое время, онѣ больше лежатъ въ травѣ), которыя безопасно подпускали проѣзжающихъ на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ. Теперь совсѣмъ не то, при увеличивающемся народонаселеніи, рѣдко можно увидѣть дрофу, развѣ осенью, когда онѣ собираются въ стада, но и тѣ сдѣлались весьма осторожными, не допускаютъ издалека къ нимъ приблизиться“¹⁾).

Иногда, пишетъ Барбаро, надъ станомъ [татарскимъ] тянутся цѣлыя вереницы гусей, и Татары пускаютъ въ нихъ кривыя стрѣлы; онѣ толщиною въ палецъ и не опушены перьями. Стрѣлы сіи летятъ въ вышину на столько, на сколько только силою руки можно сообщить имъ движеніе, и, перевернувшись въ воздухѣ, падаютъ вкось, раздробляя все, имъ встрѣчающееся на пути, и шею [гуся], и ноги, и крылья. Иногда случается, что стада гусей бываютъ столь многочисленны, что затемняютъ горизонтъ: [тогда Татары] поднимаютъ крикъ, отъ котораго гуси приходятъ въ испугъ и падаютъ на землю.

Къ любимымъ занятіямъ Татаръ принадлежала охота съ соколами на хамелеоновъ (*camelion*), оленей и на другихъ большихъ звѣрей. Соколовъ Татары носятъ на одной рукѣ (*in una mano, su'l pugno*), имѣя въ другой сошку, которую подставляютъ подъ руку, когда устанутъ: такъ какъ ихъ соколы вдвое больше орловъ²⁾).

въ «Dizionario della lingua Italiana» dell' abate d' *Alberti di Villanuova*, t. III Milano 1825, «sorta d' uccello domestico alquanto piu grosso cho il gallo detto anche Pollo d' India». Въ изд. Гаклюйтова общества, 1873 г., стр. 12: «and certain other birdes that we call hethcockes»... Hethcock то же, что heath-cock, coq de bruyère, des bois (тетерева). Но не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что Барбаро подъ названіемъ gallinaccio не разумѣетъ тетерева.

¹⁾ «Дрофы», А. Арендтъ, — *Вѣстникъ естеств. наукъ*, 1860, № 30, стр. 956 и сл. (Таврич. губ. Вѣд., №№ 26, 27). Жизнь животныхъ, Брэма, т. IV, ч. II, стр. 40; т. IV, ч. I, стр. 442 (въ нѣмецкомъ изданіи 1867 года, 560, 472). Длина самца около 3¹/₂ футовъ (тѣло павлина имѣетъ въ длину отъ 3¹/₂ до 4 фут.). «Руководство для опредѣленія птицъ, которыя водятся или встрѣчаются въ Европ. Россіи», К. Кесслера, Кіевъ, 1847 г., стр. 277—279.

²⁾ Барбаро, по изд. 1836 г., гл. III, 83: «scavezzando dove giungono et collo

Всѣ нами приведенныя извѣстія живо рисуютъ передъ нами состояніе юго-восточной Европы въ XV вѣкѣ и могутъ служить важнымъ дополненіемъ къ тѣмъ любопытнымъ замѣткамъ, которыя сохранились въ хожденіи въ Царьградъ, конца XIV вѣка. „Путное шествіе“, то-есть, плаваніе по р. Дону отъ его верховьевъ до р. Мечи, было, говоритъ авторъ этого хожденія, — „печально и унылниво, бѣше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже, ни града, ни села. Аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ, мѣста точію, пусто жъ все и не населено; нигдѣ бо видѣти челоуѣка, точію пустыни велія, и звѣрей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры; птицы: орлы, гуси, лебеди, жаравли и прочая, и бѣше вся пустыни великія“. Когда наши путешественники миновали „Терьклій градъ“, — городище, лежавшее къ

et gambe et ali»; стр. 32 — 33: «раздробляя все, встрѣчающееся имъ на пути, какъ то лапы, шеи и проч.» 82: «usselano a camelioni, che da noi non s'usano»; 32: «любятъ охотиться на хамелеоновъ, которые у насъ не употребляются въ пищу» (?); 82: «impero che sono due tanto piu grossi, che non è un' aquila»; 32: «Это нисколько не удивительно, ибо ихъ соколы вдвое больше нашихъ орловъ»; 82: «metono la crozzola sotto la mano». Въ словарѣ *Bozrio*, по изд. 1856 г., crozzola-gruccia o stampella (полка, подпорка). Ср. у *Рамузіо*, 95; въ изд. Гаклюйтова общества, стр. 19 («and sometyme there passe so many, that it seemeth the ayre is full of them» — этотъ переводъ ближе къ подлиннику: «che di queste oche ne sia pieno l'aere»). «Vocabolario della lingua italiana» — *Giuseppe Manuzzi*, Firenze 1859, I, 552: camaleone, camaleonte, lat. chamaeleon, serpentello quadrupede. Область распространенія хамелеоновъ «простирается отъ южной Испаніи по большей части Африки и Азій. *Брэмъ*, т. V, стр. 119. Стр. 123: «Не только всѣ маленькіе четвероногіе хищники и большинство хищныхъ птицъ, но и вороны, птицы — носороги, цапли, аисты и наконецъ большія змѣи... должны быть причислены къ числу враговъ этого невиннаго созданія. Челоуѣкъ повсемѣстно обращаетъ на хамелеона больше вниманія, чѣмъ это полезно для него. Его нигдѣ не считаютъ опаснымъ или ядовитымъ, но вездѣ его необыкновенная форма такъ бросается въ глаза, что всякій старается всѣми силами поймать его» (въ нѣмец. изд. 1869 г., V, 118, 123). О соколиной охотѣ см. ниже разборъ извѣстія *Іовія*, по изд. 1836 г., 75, 66 (р. п., 49, 31). Объ области распространенія оленя см. ниже разборъ извѣстій *Мѣховскаго* о животныхъ, водящихся въ Литвѣ. Барбаро упоминаетъ также о щеглахъ (cardellini), которыхъ Татары употребляли въ пищу, гл. VII, по изд. 1836 г., стр. 83 (р. п., 33—34). *Рамузіо*, 1514 г., vol. I, 95. Въ слов. *Villanova*, Milano 1825, cardellino, calderugio, carduelis. О щегленкахъ, принадлежащихъ къ отдѣлу воробьиныхъ (Passeres), къ семейству вьюрковъ (Fringillae) см. «Жизнь животныхъ», *Брэмъ*, т. 3, стр. 158 и слѣд. (стр. 159: начиная отъ середины Швеціи, щегленокъ, carduelis elegans, встрѣчается во всей Европѣ; въ нѣмец. изд. 1866 г., III, 151 и слѣд.).

югу отъ устья р. Медвѣдицы, они впервые встрѣтили въ Донской степи Татаръ, и ихъ было очень много, „якоже листъ и якоже песокъ“. Затѣмъ, послѣ двухдневнаго плаванія, они миновали Бекъ Булатовъ улусъ и видѣли стада татарскія „только множество, якоже умъ превосходящъ“, замѣчаетъ авторъ Хожденія, „овцы, козы, волю, верблюды, кони“¹⁾.

Кромѣ приведенныхъ извѣстій о животныхъ, водящихся въ Черноморской степи, въ томъ же путешествіи Барбаро находимъ замѣтку о томъ, что Эрдиль, то-есть, Волга, „изобилуетъ всякаго рода рыбою, преимущественно хариусами и муреною“²⁾.

Въ настоящее время, сколько извѣстно, хариусъ обыкновенный (*Thymallus vulgaris*) „встрѣчается съ одной стороны въ верхней Волгѣ, начиная отъ ея истоковъ до Рыбинска, и также въ разныхъ рѣкахъ и рѣчкахъ, съ лѣваго бока изливающихся въ верхнюю Волгу, а съ другой стороны почти во всей Камѣ и почти во всѣхъ притокахъ Камы“. „Въ средней и въ нижней Волгѣ совершенно нѣтъ хариуса“³⁾.

¹⁾ Никон. лѣтопись, ч. IV, стр. 160—161.

²⁾ Барбаро, по изд. 1836 г., гл. XII, стр. 94—95 (р. п., 56): *schenali et morone*. У Рамузіо, 1574 г., vol. 2, стр. 97 об. Въ словарь итал. *Manuzzi*, IV, 1865 г., *scièna*, «quel pesce, che anche dicesi ombrina»; III, 1863 г., *murena*, «sorta di pesce di mare simile al serpente. Полный зоологическій и ботанич. словарь на фр., русс. и лат. яз.»; прибавленіе къ словарю В. Эртеля, С.-Пб., 1843 г., *sciène* — «сцена или уирица (*sciaena*), рыба изъ сем. окуневидныхъ». Хариусъ, *l'ombre d' Auvergne*, *die Aesche*, *the umber*.; мурена, *muriène*, *der Aal*, *sea-eel*. Въ переводѣ соч. Барбаро на англ. яз., напеч. въ изд. Гаклюйтова общества, 1873 г., стр. 31, названія *schenali et morone* пропущены. Въ многихъ мѣстахъ р. Волги рыболовы называютъ угремъ, который принадлежитъ къ семейству угревыхъ, *Muraenoides*,—миногу, которая относится къ семейству миноговидныхъ (*Petromyzon*). Она распространена по всей Волгѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея, а именно между Самарою и Саратовымъ, попадаетъ въ огромномъ количествѣ—ее ловятъ и употребляютъ на вытапливаніе жира. Труды Спб. Общ. естествоиспытателей, т. I, в. 1, «Объ ихтиологической фаунѣ р. Волги». Кесслеръ, стр. 285, 302 — 304. «Zoologie d. Gr. u. Römer», *Lenz*, *Gotha* 1856, стр. 491—492: у Плинія, l. IX, сар. XXI (38)—*anguilla* (Aal); l. IX, сар. XXIII (39)—*murena*. «Жизнь животныхъ», Брэмъ, т. V, ч. 2, стр. 253, 313 (въ нѣмец. изд. 1869 г., V, 733, 806). Но означаетъ-ли встрѣчающееся у Барбаро «*morone*»—миногу? Можетъ быть, *morone* то же, что франц. *maigène*. Въ прибавленіи къ словарю Эртеля: «*coregonus magæna*, родъ сига, рыба изъ семейства лоховыхъ». *Zoogr. rosso-asiat.*, *Pallas*, III, 86: *Acipenser huso*, бѣлуга, *mario* у Плинія (*unde Gallorum morone*).

³⁾ «Объ ихтиологической фаунѣ рѣки Волги», К. О. Кесслера. Труды Спб.

Извѣстія Барбаро о южно-русской степи подтверждаются и дополняются свидѣтельствами Контарини.

Татары, сообщаетъ онъ,—питаются мясомъ и молокомъ, имѣютъ, какъ я полагаю, самыхъ лучшихъ въ цѣломъ свѣтѣ быковъ и коровъ и тоже [отличной породы] барановъ и овецъ; имѣя плодородныя пастбища [на которыхъ пасется скотъ], мясо [употребляемое Татарами] необыкновенно вкусно, хотя они высоко цѣнятъ кобылье молоко. Тѣ, которые сопровождаютъ ежегодно отправляемаго государемъ астраханскимъ посла къ великому князю, всегда имѣютъ при караванѣ множество лошадей. Онѣ очень дики, пугливы и не привычны къ ковкѣ¹⁾.

Въ любопытныхъ, но къ сожалѣнію, весьма немногочисленныхъ извѣстіяхъ Контарини о стоимости жизненныхъ припасовъ въ Москвѣ и о торговлѣ Московіи заключаются и нѣкоторыя данныя относительно ея фауны. Во время пребыванія его въ Москвѣ съ 25-го сентября по 21-е января 1476 г. за одинъ сольдъ, который составлялъ 120-ю часть червонца, можно было получить болѣе трехъ фунтовъ мяса; за одинъ червонецъ — 100 куръ или 40 утокъ; гусь стоилъ не много болѣе трехъ сольдовъ. Зайцевъ и птицъ всякаго рода было также очень много.

„Въ Москву“, пишетъ Контарини,—„во время зимы, съѣзжается множество купцовъ изъ Германіи и Польши, для покупки различныхъ мѣховъ, какъ-то: соболей, волковъ, горностаевъ, бѣлокъ и отчасти рысей“ (*zebellini, volpi, armellini, dossi et qualche lupo cerviero*). Мѣха эти добываются не въ самой Москвѣ, а гораздо далѣе на востокъ, сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ; но привозятся обыкновенно въ Москву на продажу. Кромѣ Москвы, значительный торгъ мѣхами производился въ Новгородѣ и въ Кіевѣ. Сюда съѣзжалось множество купцовъ изъ Великой Россіи (*Rossia alta*) съ различными мѣхами, ко-

общества естествоиспытателей, т. I, в. 1, Спб. 1870, стр. 276. «Жизнь животныхъ», Брэма, V, ч. 2, стр. 215: *хариусъ* «попадаетъ во всей средней и восточной Европѣ»... (въ нѣмец. изд. 1869 г., V, 692). Барбаро упоминаетъ также объ изобильномъ уловѣ рыбы въ 40 миляхъ отъ Таны, гл. IV, 76—77 (р. п., 21); о жошкахъ въ лѣсахъ Московіи, гл. XII, 96 (р. п., 59). Ср. также извѣстія о медѣ, употребляемомъ Татарами и Москвитянами, гл. III, 75 (р. п., 17); гл. XII, 96 (р. п., 59).

¹⁾ Контарини, по изд. 1836 г., 172—173, 169—170, 173 (р. п., 97—98, 91—92, 98). Рамузіо, по изд. 1574 г., vol. II, 121 об., 122. Говій, по изд. 1836 г., 64 (р. п., 26), упоминаетъ о томъ, что Татары доставляютъ Московіи быстрыхъ лошадей.

торые они отправляли въ Кафу съ караванами; но эти караваны, подобно овцамъ, весьма часто подвергались въ пути нападенію Татаръ ¹⁾).

II.

Восточно-европейская фауна по извѣстіямъ Матвѣя Мѣховскаго. — Моржи и киты. — Позвоночныя животныя, водящіяся въ Литвѣ: туры, онагры, олени, лоси, кабаны; куницы, *damae*, *dogae* et *cargae*; росомахи; *ficedulae*. — Фауна Россіи. — Охота за сайгою. — Извѣстія Альберта Кампенскаго и Іовія. — Черные волки. — Горностаи въ странѣ Лапландцевъ. — Соколы на Гиперборейскихъ горахъ. — Теревъ. — Замѣтки относительно восточно-европейской фауны, находящіяся въ сочиненіи Фабра. — Черныя лисицы и бѣлые медвѣди. — Вліяніе климата на цвѣтъ животныхъ.

Краткія извѣстія о животныхъ, преимущественно о томъ классѣ ихъ, который поставляется во главѣ животнаго царства, а именно о млекопитающихъ, внесъ и Матвѣй Мѣховскій въ свой Трактатъ о Сарматіяхъ. Эти извѣстія касаются фауны не одной какой либо части Восточной Европы, а почти всѣхъ тѣхъ частей ея, которыя или въ этнографическомъ, или въ политическомъ смыслѣ составляли въ началѣ XVI в. отдѣльныя цѣлыя, а именно: Московіи, Литвы, Россіи, то-есть, юго-западной Украины, и Сарматіи Азіатской, то-есть юго-восточной степи ²⁾).

¹⁾ *Контарини*, 180, 178, 179, 135 (р. п., 113, 109, 111, 112, 21); пр. 56. На стр. 178: «usano per il piu carne di vacche et di porci, che credo se n' habbia piu di tre libbre al soldo. Si danno poi cento galline al ducato, et similmente quaranta anatre, et poco piu di tre soldi l' una le oche».... «hanno uccelletti d' ogni sorte, et a grandissimo mercato» (*Рамузіо*, по изд. 1574 г., 123); стр. 109: «три фунта мяса (стоили) одинъ сольдъ, 100 куръ или 40 утокъ также червонецъ; а самый лучший гусь не болѣе 3 сольдовъ.... птицъ всякаго рода привозятъ также во множествѣ и продаютъ по самой дешевой цѣнѣ»; 179: verso greco tramontana et forse maestro»; 111: «на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ» (см. Словарь *Антони*, Lyon 1760; *Manuzzi*, II, 1861 г., стр. 644, 14; IV, 586). У *Рамузіо*, 123 об., 113 об.

²⁾ У *Мѣховскаго*, по изд. 1521 г., на стр. Н об. находимъ любопытное указаніе на зависимость животной жизни отъ климата: «terra Moskoviae.... piscibus et feris quemadmodum Lithuania refferta, sed frigidior et septemtrionalior, unde pecudes et pecora parua sunt et mutila absque cornibus, quasi semper propter frigus».... Поводомъ къ этому ложному извѣстію, можетъ быть, послужили свѣдѣнія о домашнихъ жвачныхъ животныхъ, которыя водятся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крайняго сѣвера и отличаются тѣмъ именно, что не имѣютъ роговъ. «Reise nach den Nordosten des europäischen Russlands» von *Alexander Gustav Schrenk*, 1 Th., Dorpat 1848, стр. 181.

Въ описаніи быта народовъ, живущихъ на сѣверѣ, въ землѣ Пермской, Башкирской (*Baskirdorum*), Югорской и Карельской, Мѣховскій сообщаетъ о томъ, что эти народы употребляютъ на одежду мѣха волчьи, оленьи, медвѣжьи, соболя и куньи (?) (*ex scismis*) и ими же платятъ дань. Народы, обитающіе ближе къ берегамъ Сѣвернаго океана, Югры и Карелы, „занимаются рыболовствомъ и ловятъ китовъ или тюленей и *canes marinos* (такъ вѣроятно названъ Мѣховскимъ какой либо видъ изъ семейства тюленей), которыхъ они называютъ *vorvol*“, кожу ихъ употребляютъ на повозки, мѣшки и одежды (?) (*caletas*), „жиръ же берегаютъ и продаютъ вмѣсто масла“¹⁾. Моржи, называемые Мѣховскимъ рыбами, выскакиваютъ, какъ онъ описываетъ, изъ воды и помощію зубовъ взбираются на вершины горъ, съ кото-

¹⁾ Мѣховскій, по изд. 1521 г., стр. Hiij «*Proximiores oceano septemtrionis vt Juhri et Coreli piscantur et capiunt balenas seu vitulos et canes marinos, quos ipsi (vor vol) apellant, et ex cute eorum parant redas bursas et caletas, axungiam autem pro impingnatione seruant et vendunt*». Въ изд. 1518 г., стр. Hiij. об. «*canes marinos*» переведено словомъ «*mörkelber*». *Mörkalb* или *Meerkalb* то же, что *Seehund*; но названіе это и родовое, и видовое. Оно означаетъ и тюленя, въ смыслѣ имени родового, и морскаго зайца (*Phoca barbata*), который составляетъ одинъ изъ видовъ семейства тюленей. Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, изд. Мин. госуд. имущ., т. VI, Спб. 1862, стр. 83. Въ Русской фаунѣ, Ю. Симашко, II, стр. 1003, означены еще слѣдующія названія морскаго зайца: лахтакъ, лисица, голая нерпа, морская бѣлка. Лахтакъ, «кажется, самый большой изъ всѣхъ тюленей, живущихъ въ сѣверныхъ моряхъ» (1003). *Vitulus*, повидимому, можетъ быть приуроченъ къ особому виду морскихъ звѣрей, именно нерпѣ, такъ какъ она называется *Phoca vitulina* и ловится у сѣверныхъ береговъ Европейской Россіи (тѣ же «Изслѣдованія», стр. 83), но такъ какъ Мѣховскій не даетъ подробнаго описанія звѣря, названнаго имъ *vitulus*, то мы и не имѣемъ права давать видовое значеніе этому названію. Въ выраженіи Мѣховскаго: «*balenas seu vitulos*» *seu*, по всей вѣроятности, имѣетъ значеніе союза раздѣлительнаго, такъ какъ едва-ли онъ не отличалъ китовъ отъ тюленей. Китъ и тюлень были извѣстны классическимъ писателямъ, и они сообщили о нихъ замѣчательныя свѣдѣнія, Zool. d. Gr. u. Römer, *Lenz*, стр. 148, 252, 485. О значеніи слова «*scismi*», «*caletae*», а также «*axungia*» см. мое изслѣдованіе о Мюнстерѣ, Ж. М. Н. Пр., 1880 г., сент., стр. 123, пр. 19 и 20. Не безъ вѣроятія можно предполагать, что Мѣховскій невѣрно передалъ или не понялъ то, что ему говорили объ издѣліяхъ изъ кожъ морскихъ звѣрей. Не изъ этихъ кожъ, употребляемыхъ на ремни, а обыкновенно изъ оленьихъ шкуръ Самоѣды шьютъ себѣ малицу и совикъ, и, по всей вѣроятности, которую либо изъ этихъ одеждъ (родъ мѣшка съ двумя рукавами, съ отверстіями внизу и сверху, чтобы просунуть голову) и слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ *caletae* у Мѣховскаго. См. Дневникъ *Латкина*, II, стр. 4. «Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи», VI, 93, 159.

рыхъ скатываются внизъ. Довольно большіе, широкіе и бѣлые зубы моржей, имѣющіе весьма значительный вѣсъ, туземцы продаютъ Москвитянамъ, которые отправляютъ ихъ въ Татарію и Турцію для приготовления изъ нихъ рукоятокъ для мечей, коній и ножей; оружія съ такими рукоятками причиняютъ большой вредъ непріятелю ¹⁾).

Какъ извѣстно, ластоногія, къ разряду которыхъ относятся тюлени, особая порода ихъ, извѣстная подъ именемъ морскихъ зайцевъ, а также и моржи составляютъ у сѣверныхъ береговъ Европейской Россіи предметъ довольно значительныхъ промысловъ, которыми по преимуществу занимаются русскіе промышленники, а также и иностранцы—Финны, обитающіе близъ береговъ Сѣвернаго океана и Бѣлаго моря, Самоѣды, Карелы и Лопари. Главною цѣлю добычи помянутыхъ звѣрей служатъ кожи и сало, называемое ворванью. По всей вѣроятности, это слово и слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ *vorval*, встрѣчающимся въ вышеприведенномъ извѣстіи Мѣховскаго, который, по ошибкѣ, далъ ему совершенно невѣрное опредѣленіе. Кожу морскаго зайца (*Phoca barbata*, Seehasen) сѣверные промышленники разрѣзаютъ на ремни, употребляемые на оленью упряжь, къ чему они, по своей прочности, весьма пригодны.

Моржъ, кромѣ кожи и сала, даетъ промышленникамъ клыки, которые были извѣстны у насъ въ древности подъ именемъ рыбьихъ зубовъ и считались произведеніемъ цѣннымъ. Наша лѣтопись упоминаетъ о нихъ подъ 1160 г., а арабскіе писатели сообщаютъ, „что съ сѣвера изъ земли Веси или Югры привозили въ Булгаръ и оттуда въ Хорезмъ зубы неизвѣстнаго животнаго, которые походили на слоновую кость и покупались дорогою цѣною“ ²⁾).

У нашихъ сѣверныхъ береговъ встрѣчаются и киты, и въ довольно значительномъ количествѣ. „Но самая значительность ихъ“, говоритъ авторъ изслѣдованій о состояніи рыболовства въ Россіи,—„происходитъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, оттого, что нигдѣ въ свѣтѣ эта порода—*Balaenoptera longimana* (Rudolphi) не составляетъ

¹⁾ Мѣховскій, по изд. 1521 г., стр. IIIj. об.

²⁾ «Изслѣд. о состояніи рыболовства въ Россіи», т. VI, Спб. 1862 г., стр. 83. «Годъ на сѣверѣ», С. Максимовъ, 3 изд., Спб. 1871 г., стр. 169—170; 226, 238. *Зап. Импер. Русс. Геогр. Общ.*, кн. VII. Дневникъ В. Н. Ламкина, ч. I, стр. 101, «Reise nach dem NO. d. europäischen Russlands» v. Alexander Gustav Schrenk, I Th., Dorpat, 1848, стр. 647. «Промышленность древней Руси», Н. Аристовъ, Спб. 1866, стр. 29, пр. 71. Лѣтопись по Пн. сп., Спб. 1861 г., стр. 346.

предмета постоянного, на нее именно направленного промысла". Причины этого обстоятельства „состоятъ въ сравнительно небольшомъ количествѣ жира, доставляемомъ этою огромнѣйшею изъ китовыхъ породъ, въ короткости ея усовъ, дѣлающей ихъ негодными къ употребленію и, наконецъ, въ большой быстротѣ и силѣ животного, вслѣдствіе которыхъ бой бываетъ не только опасенъ, но и рѣдко удаченъ, такъ что онъ не окупаетъ значительныхъ издержекъ, требуемыхъ на снаряженіе китоловныхъ экспедицій. Все это въ полной мѣрѣ подтверждается неудачею всѣхъ попытокъ завести у насъ китоловный промыселъ, который неоднократно предпринимались съ самыхъ временъ Петра Великаго и всегда приносили одни убытки.... Единственная польза, которую доставляли до сихъ поръ эти животныя, заключается въ томъ, что Лопари находятъ отъ времени до времени, выброшеннаго на берегъ кита и продаютъ его сало кольскимъ купцамъ или Поморамъ. Въ Большой Мотовской губѣ это случается обыкновенно нѣсколько разъ въ году; но рѣже выбрасываетъ китовъ въ другихъ мѣстахъ Мурманскаго берега". На лапландскомъ берегу, въ небольшой гавани, извѣстной Поморцамъ подъ именемъ озерка и названной г. Литке гаванью Новой земли, ежегодно выкидываетъ отъ одного до десяти китовъ, и нѣкоторые изъ нихъ бываютъ длиною до 15 сажень. Берега этой гавани покрыты костями и остатками этихъ животныхъ. Нерѣдко также находятъ трупы ихъ и на отмеляхъ близъ Печерскаго устья, а между тѣмъ и здѣсь даже русскіе промышленники китоловнымъ промысломъ не занимаются.

На основаніи всѣхъ этихъ указаній, вышеприведенное извѣстіе Мѣховскаго о ловлѣ китовъ близъ сѣверныхъ береговъ Россіи мы должны принять съ нѣкоторыми ограниченіями. Иностранцы, жившіе тамъ, дѣйствительно могли добывать китовое сало, но эта добыча не имѣла характеръ постоянного промысла. По всей вѣроятности, оно было добываемо изъ китовъ, которыхъ выбрасывало море ¹⁾.

Въ Литвѣ водятся животныя домашнія, всякаго рода, и дикія; послѣднія въ бѣльшемъ количествѣ, чѣмъ въ какой либо другой христіанской странѣ, такъ какъ Литва покрыта дремучими, тянущимися на огромномъ пространствѣ лѣсами, а между тѣмъ имѣетъ населеніе

¹⁾ Изслѣд. о состояніи рыболовства въ Россіи, изд. мин. госуд. им., т. VI, стр. 134—135. Дневникъ *Латкина*, II, 52. «Годъ на сѣверѣ», *Максимовъ*, 429. *Миховскій*, по изд. 1521 г., стр. gij, л. 2. Н. об. указываетъ также на изобиліе рыбы въ рѣкахъ Московіи.

весьма рѣдкое. Изъ дикихъ животныхъ, водящихся въ этой странѣ, Мѣховскій упоминаетъ о слѣдующихъ: о зубрахъ, дикихъ быкахъ, онаграхъ, оленяхъ и нѣкоторыхъ другихъ представителяхъ рода оленей, а также о кабанахъ, медвѣдяхъ и куницахъ ¹⁾).

Изъ упомянутыхъ въ этомъ замѣчательномъ перечнѣ животныхъ нѣкоторыя уже давно совершенно истреблены въ тѣхъ земляхъ, которыя составляли въ XVI в. великое княжество Литовское, другія имѣютъ область распространенія весьма ограниченную въ сравненіи съ тою, какою она была въ этомъ вѣкѣ и водятся, какъ можно заключать съ полною вѣроятностію, въ количествѣ несравненно менѣе значительномъ, чѣмъ во времена Мѣховскаго. Къ числу первыхъ относятся дикіе быки (*boues silvestres*) или туры, можетъ быть принадлежавшіе къ той же породѣ, къ которой принадлежали и дикіе быки Германіи, водившіеся тамъ около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ, а затѣмъ онагры (дикіе ослы или куланы), представляющіе первообразную форму домашняго осла, въ настоящее время обитающіе въ южныхъ Киргизскихъ степяхъ, приблизительно до 46° с. шир., по берегамъ морей Каспійскаго и Аральскаго, и нѣкогда, по свидѣтельствамъ древнихъ писателей, въ Передней Азіи ²⁾). Всѣ остальные по-

¹⁾ *Мѣховскій*, по изд. 1521 г., стр. Gijj, л. 2 об. «*magnae ferae et multae abundantissime visuntur et capiuntur, vri et boues sylvestres, quos lingua ipsorum thuri et zumbrones vocant, onagri et equi sylvestres, cerui, damae, dorcae, capreae, apri, vrsi, mardures, scismi et cetera genera ferarum*». «*Onagri et equi silvestres*», по всей вѣроятности одно животное, такъ какъ въ соч. *Герберштейна* *Moscoviter wunderbare Historien*, 1567 г., стр. CXXII «*Ellend, wölche von etlichen Onagren oder wilde Pferd genennet werden* (ср. въ изд. 1556 г., стр. 109 С). Слово *urus* у древнихъ писателей, *Юлія Цезаря* и др. (*Lenz, Zool. d. Gr. u. Römer*, 43, прил. 123; Словарь лат. *Forcellini*: *urus-bos agrestis*», «*Glossarium mediae et infimae Latinitatis*», *Du Cange*, t. VI, Parisiis 1846, стр. 886: «*Urus vox gallica vetus, Germanis hodie eyn uhrochs, bos silvetstris*») означаетъ дикаго быка, и въ этомъ смыслѣ употребляетъ это слово и *Герберштейнъ* (R. M. C., 109 С: «*Feras habet Lithuania, praeter eas quae in Germania reperiuntur, Bisontes, Vros*» «*Germani im proprie Aurox uel Vrox: quod nominis uro conuenit, qui plane bouinam formam habet, cum bisontes specie sint dissimilima*»), но въ приведенной нами выпискѣ изъ Трактата Мѣховскаго, очевидно, имѣетъ другое значеніе, такъ какъ дикіе быки названы здѣсь *boues silvestres*. Поэтому въ этой выпискѣ подъ словомъ *uri*, по всей вѣроятности, слѣдуетъ разумѣть зубровъ (см. ниже извѣстія о нихъ *Герберштейна*).

²⁾ *Естеств. исторія Оренбургскаго края*, Э. *Эверсманнъ* 230. *Русская фауна* Ю. *Симашко*, 874. *Жизнь животныхъ*, Брэма, II, 669. На стр. 354 онъ замѣчаетъ «въ того времени, какъ пало всемірное владычество Римлянъ, ничего не

мѣхоты Мѣховскимъ животныя водятся и до настоящаго времени въ тѣхъ земляхъ, которыя входили въ составъ Литвы XVI в., не смотря на то, что нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ, какъ напримѣръ зубры, подверглись весьма замѣтному истребленію.

Благородный олень (*cervus elaphus*), о которомъ еще упоминали Бопланъ и Гюльденштедтъ и который уже совершенно истребленъ въ губерніяхъ Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской, еще недавно встрѣчался, хотя и рѣдко, въ губерніи Виленской и нѣтъ сомнѣнія, что нѣкогда онъ обиталъ и въ губерніи Гродненской. Здѣсь изъ рѣкъ Бѣловѣжской пушчи нерѣдко вытаскивали сѣтями рога этого оленя, слѣды пребыванія котораго сохранились также и въ мѣстныхъ названіяхъ, Оленья гора, Еленка и др.

Для лося и кабана многоводные и болотистые лѣса Литвы XVI в., служа надежною защитою отъ хищнической руки человѣка, представляли нѣкоторыя особенно благопріятныя для этихъ животныхъ условія: лось обыкновенно спасается отъ оводовъ тѣмъ, что погружается въ воду, а кабанъ болѣе всего любитъ берега водъ, покрытые камышемъ, и мѣстности, изобилующія дубами. Въ настоящее время лоси водятся въ Виленской губерніи только въ большихъ лѣсахъ; въ Бѣловѣжской пушчѣ истреблены совершенно, а въ другихъ лѣсахъ Гродненской губерніи водились въ значительномъ числѣ въ то время, когда эти лѣса находились въ непрерывной связи съ лѣсами Минской губерніи. Въ Ковенской губерніи мѣстообитаніемъ лося служатъ значительные лѣса на сѣверѣ уѣздовъ Поневѣжскаго и Тельшевскаго и на югѣ Новоалександровскаго уѣзда; но нигдѣ, однако, въ этой губерніи лоси уже не сосредоточиваются въ большомъ количествѣ.

Большія стада кабановъ водятся въ настоящее время въ лѣсныхъ чащахъ уѣздовъ Брестскаго и Кобринскаго Гродненской губерніи; въ Ковенской—кабаны встрѣчаются рѣдко, а въ Виленской—только въ большихъ лѣсахъ.

И лѣсная куница (*Mustela Martes*), и куница бѣлодушка (*Mustela foina*) въ пятидесятихъ годахъ нашего столѣтія водились въ Литовскихъ губерніяхъ, а также въ губерніяхъ Подольской, Волынской,

было слышно объ онагрѣ (упоминанія о немъ у древнихъ писателей Геродота, Ксенофонта и др. см. *Zoologie d. G. u. Römer, Lenz*, 209 и сл.), пока Палласъ снова не обратилъ на него вниманіе (въ нѣмец. изд. 1865 г., II, 664, 361). Но объ онагрѣ упоминаетъ *Physiologus*, см. *Gesch. d. Zoologie, Carus*, 128; а также *Марко-Поло Чт. Москов. общ. Ист., и древн.*, 1861 г., кн. 4, стр. 77 (гл. XII), см. пр. 80.

Кіевской, Черниговской, Полтавской, но уже не встрѣчались въ большомъ количествѣ ¹⁾).

Въ приведенномъ нами перечнѣ Мѣховскаго послѣ упоминанія объ оленяхъ онъ приводитъ слѣдующія названія: *damae*, *dorcae*, *sargeae*. Опредѣлить съ точностію скрывающіяся, можетъ быть, подъ этими словами видовыя названія животныхъ, по недостатку подробныхъ свѣдѣній о нихъ, едва ли возможно. Одно только можно сказать съ увѣренностію, что названія эти относятся къ животнымъ, принадлежащимъ къ роду оленей. Въ настоящее время въ губерніяхъ Гродненской и Ковенской, кромѣ лосей, водятся сарны (косули, *capreolus*), распространенныя также и въ губерніяхъ Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской ²⁾).

¹⁾ «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири» А. Миддендорфа, ч. II, С.-Пб. 1877, стр. 279—280. «Zoographia rossoasiatica» *Petro Pallas*, I (1811), 216. *Бопланъ*, по изд. 1832 г., 92—93. Труды комиссіи для описанія губерній Кіевского учебн. округа, т. I, Кіевъ 1851 г., животныя губерній Кіевского учебн. округа К. Кесслера, стр. 88, 84, 24. Матеріалы для географіи и статистики Россіи: 1) Виленская губ., сост. А. Коревъ, С.-Пб. 1861 г., 269, 268; 2) Гродненская губ., сост. П. Бобровскій, ч. I, С.-Пб. 1863 г., 427, 426, 425; 3) Ковенская, сост. Д. Аванасьевъ, С.-Пб. 1861 г., 244, 241. «Русская фауна», *Симашко*, II, 912, 943. Естеств. ист. Оренбург. края, Э. Эверсманнъ, 211—212. Объ области распространенія кабана см. у Миддендорфа, II, 282—283. Промышленность древней Руси, Н. Аристовъ, стр. 6: въ XII в. упом. кабаны въ лесахъ областей Черниговской и Волынской. По свидѣтельству Боплана, стр. 93. въ украинскихъ степяхъ попадались кабаны «необыкновенной величины».

²⁾ Матеріалы для геогр. и стат. Россіи, Гроднен. губ., стр. 426; Ковенс., стр. 244—245. Ст. К. Кесслера о животныхъ губ. Кіевс. учебн. округа, стр. 86—87. Точное опредѣленіе встрѣчающихся у Мѣховскаго названій *damae*, *dorcae*, *sargeae*, едва ли возможно потому, что въ его время еще не существовало сколько нибудь установившейся на научномъ основаніи зоологической номенклатуры. См. *Gesch. d. Zoologie*, J. Vistor Carus, München 1872, стр. 34. Ср. стр. 37, 47, пр. 58; 127 и др. Впрочемъ, считаемъ не лишнимъ привести собранныя нами данныя для объясненія вышеприведенныхъ словъ. У Мѣховскаго, по изд. нѣмец. 1818 г., стр. H: «böck, dachss, bern», *Zool. d. Gr. u. Römer, Lenz*, 227: «*Columella*, 9, 1 und 7: In Thiergarten hält man den Oryx und die Dama». Пр. 630: Dama «umfasst die Antilopen mit vorwärts gebogener Spitze der Hörner, wie Antilope redunca, Pallas, und A. Dama, Pall». Стр. 228—229: «*Aelian*, 14, 14:» «Die libysche Dorkas (die Gazelle, Antilope Dorcas, Pallas) ist sehr schnell, kann jedoch vom libyschen Pferd eingeholt werden». Стр. 223: у Плинія, I. X., с. 72 (92); I. XI, 37 (45)—caprea, das Reh (козуля, «Жизнь животныхъ», Брэма, II, 479—482; въ нѣмец. изд. 1865 г., II, 478 и сл.), но на стр. 229: у *Varro* de re rust. 1, 2, 17: caprae—ziegen. Lex. *Forcellini*: «dama, genus caprae silvestris»; «dorcas, dama, caprea, genus caprae silvestris». Gloss. *Ducange*, II, 927: dorca,

Довольно подробныя свѣдѣнія сообщены Мѣховскимъ о росомахѣ: это чрезвычайно прожорливое и бесполезное животное водится, питается онъ, и въ Литвѣ и въ Московіи. Россомаха, величиною съ собаку, походитъ головою своею (faciei) на кошку, туловищемъ и хвостомъ на волка, имѣетъ цвѣтъ черный, питается падалью.

Описаніе это довольно вѣрно: преобладающій цвѣтъ росомахи, водящейся въ Европейской Россіи—черный или чернобурый; самые длинные волосы ея находятся на хвостѣ; питается и падалью, росомаха, благодаря своей смѣтливости, чрезвычайно чувствительному слуху и смѣлости, нападаетъ на лосей, оленей, питается также мышами, зайцами и другими животными. Вредъ, причиняемый ею человѣку, весьма значителенъ; но она не совершенно бесполезна, такъ какъ мѣхъ ея употребляется на одежду. Извѣстія Мѣховскаго о росомахѣ замѣчательны потому, что въ настоящее время она принадлежитъ только странамъ сѣвернымъ какъ Стараго, такъ и Новаго свѣта, и въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи уже не встрѣчается.

Мѣховскій счелъ не лишнимъ сообщить также свѣдѣнія о томъ, какъ росомаха, пожирая падаль, до того наполняетъ свой желудокъ, что онъ надувается, подобно барабану и лишается всякой возможности принимать пищу; тогда она, чтобъ опорожнить его, продирается между деревьями, стоящими очень близко одно отъ другаго, снова получаетъ возможность пожирать свою добычу и не оставляетъ ее до тѣхъ поръ, пока всю не сожретъ ¹⁾).

caprea silvestris; dorch, dama, capreola. Supplementum, *Diefenbach*, Francofurti ad Moenum, 1857 г., dama, capra agrestis; dorcass, capra. Novum Gloss. Lat. Germ., *Diefenbach*, 1867 г., «damula damel tier, wilde geiss; damo — eyn deyr myt den widen hornen». «Dorcass, dorca—steins geiss». Capra—sege, seghe, czigen, gayss». Lehrbuch d. Zoologie von *Voigt*, I B., Stuttgart 1835, стр. 400: Der Damhirsch, Cervus Dama (Hirschgeschlecht) «ist jetzt über ganz Europa, bis Schweden, verbreitet». Стр. 419: Die Gazelle, Antilope Dorcas (Antilopengeschlecht), «lebt im ganzen nördlichen Afrika». Стр. 414: «Ziegeschlecht, Capra»; къ этому семейству принадлежатъ Capra ibex (der Steinbock). Cp. Die geographische Verbreitung der Thiere von *Wallace*, Dresden 1876, II, стр. 248: Dama, der Damhirsch (cervidae); 254—Caprinae («2 Gattungen, 23 arten»).

¹⁾ Мѣховскій, по изд. 1521 г., стр. Gijj, л. 2 об. Свое описаніе росомахи авторъ заканчиваетъ слѣдующими разсужденіями: «Et forsitan natura tam insatiabile animal in illis regionibus producit, ut homines simili voracitate laborantes redarguat. Quoniam potentes cum conuiuare coeperint, sedent a meridie in medium noctis, continuo cibo et potu sese opplendo, et amensa quoties natura propellit

Этотъ баснословный разказъ, встрѣчающійся и у Олая Великаго, вѣроятно, не лишенъ связи съ народными повѣрьями о росомахѣ. Французы называютъ ее — *glouton*, Нѣмцы — *vielfrass*, Сибиряки — пакостницею, блудницею и т. п. Прожорливость ея, однако, нельзя считать такою особенностью, которою она рѣзко отличалась бы отъ другихъ хищныхъ животныхъ. Прирученная она оказалась менѣе прожорливою, чѣмъ волки и собаки, и подпускала къ своему корму свиней. Одаренная чрезвычайно посредственными хищническими способностями росомаха очень склонна прибѣгать для добыванія себѣ пищи къ такимъ уловкамъ, которыя объясняютъ ей данныя различными народами прозванія. „Какъ настоящая прощальга“, говоритъ ак. Миддендорфъ, — росомаха, когда изсякаетъ ея добыча, сѣверный олень, заставляетъ ловить за себя другихъ. Гдѣ только появится росомаха, тамъ слѣды ея рѣдко попадаютъ отдѣльно, а болѣе всего идутъ рядомъ съ слѣдами бѣлыхъ медвѣдей, песцовъ, лисицъ и волковъ, за которыми она бродитъ съ неутомимымъ постоянствомъ. На пирушкахъ этихъ ловкихъ разбойниковъ она является непрошеною гостьей, и тѣ изъ нихъ, которые по слабѣе, нерѣдко, говорятъ, собственнымъ тѣломъ должны пополнять недостатокъ награбленной добычи. Наѣстся, положимъ, бѣдная лисица до сыта послѣ продолжительнаго поста и утомительной охоты, да приляжетъ гдѣ нибудь для отдыха и спокойнаго сваренія пищи, — какъ разъ тутъ явится изголодавшаяся росомаха и безпощадно губитъ отяжелѣвшую кумушку“. По наблюденіямъ г. Миддендорфа, росомаха въ Сибири „считаетъ себя собственницею всѣхъ ловушекъ, разставленныхъ тысячами вдоль и поперекъ тундръ. Она обходитъ ловушки, прибираетъ пойманныхъ песцовъ или, по крайней мѣрѣ, сѣдаетъ приманку, такъ что жители самыхъ сѣверныхъ поселеній страшно жаловались на ея нахальство и съ отчаяніемъ говорили, что не могутъ разставлять свои ловушки до тѣхъ поръ, пока еще встрѣчаются слѣды росомахи“¹⁾.

assurgendo et egerendo, iterum et iterum vorant, vsque ad vomitum et amissionem discretionis et sensus, tuncque inguinis et capitis quae sunt discrimina nesciunt. Estque illa consuetudo perniciosa in Lithuania et Moskouia, magis vero et absque rubore in Thartaria.

¹⁾ «Русская фауна», Ю. Симашко, II, 323—328. «По свидѣтельству Рачинскаго (*Auctuarium historiae naturalis*, 1742) двѣ росомахи въ началѣ прошедшаго столѣтія были убиты въ Подольской губерніи». Животныя млекопитающія губерній Кіевского учебнаго округа, К. Кесслеръ, Труды комиссіи для описанія губерній этого округа, т. I, Кіевъ, 1851 г., стр. 23. «Путешествіе на с. и в.

Литва, по извѣстіямъ Мѣховскаго, изобилуетъ птицами, рыбами, болѣе пріятными на вкусъ, пишетъ онъ, чѣмъ въ нашихъ странахъ, и медомъ ¹⁾).

Руссія, то-есть, юго-западная часть восточной Европы, по описанію, находящемуся въ трактатѣ о Сарматіяхъ, была богата лошадьми, быками, стадами овецъ, медомъ и воскомъ, мѣхами куницъ и лисицъ. Рѣки и всякія воды изобиловали рыбами, и человѣку не было никакой необходимости заботиться объ ихъ размноженіи. Говорятъ, замѣчаетъ Мѣховскій, — что онѣ ниспосылаются вмѣстѣ съ небесною росой ²⁾).

Сибири», А. Миддендорфъ, ч. II, стр. 201—202. Путешествіе Ивана Лепехина, III, стр. 72—о выѣданіи росомахою вымени у коровъ. «Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-хой», т. II, сост. Э. Гофманомъ, С.-Пб. 1856 г., здѣсь напеч. соч. I. Ф. Брандта: «Позвоночныя животныя сѣверноевропейской Россіи и въ особенности сѣвернаго Урала», стр. 21: Нынѣшняго распространенія росомахи въ Россіи «мы не преувеличимъ, если назначимъ ему предѣлъ отъ Финляндіи и Русской Лапландіи до Камчатки включительно, и отъ середины Урала и отъ Алтая до сѣверныхъ тундръ». Но въ прошломъ столѣтіи звѣрь этотъ встрѣчался въ Курляндіи, Литвѣ и Подоліи «хотя и не часто», *Gesch. d. Zoologie, Carus*, 336: Ueber Vielfrass «haben Olaus Magnus und Mathias Michovius wohl zuerst die abenteuerlichen Geshichten in Umlauf gesetzt, welche sich lange Zeit hindurch in Folge einer volksetymologischen Auslegung seines von Deutschen unverstandenen Namens lebendig erhalten haben».

¹⁾ Мѣховскій, по изд. 1521 г., стр. Gijj, л. 2 об. «Insuper aues abundant et ficedulae, quamvis illic vineae non sunt aduolant et impinguantur, atque cum suavitate eduntur»; въ изд. 1518 г., стр. H: «ficedule, ettlich hayssen sy zeyslin». (Lex. *Forcellini*: ficedula—avis quaedam ita dicta, quod ficu pinguescit». *Novum Gloss. Lat. Germ., Diefenbach*, 1867 г., ficedula—«rietschnepff; ryed gaycz; ried gaiss: snepha, sneph; gybicz; schnepph; grassmück; fliege; sneppe, snippe; ein schne trostel o ein grassmuck». Ср. «*Suppl. lexici mediae et infimae latinitatis*», *Diefenbach*, 1857). Тамъ же, gijj, л. 2, «Sunt... in Lithuania et Moskouia multa flumina et stagna magna, parua vero flumina et riui sine numero in maiora defluunt. Omnia piscosa abundater, ita quod in illis terris vbi aqua ibi et pisces, et sunt pisces sapidiore et delectabilioris gustus quam in regionibus nostris, piscinae et fodinae pro aquis et impiscationibus tanquam inutiles illic non fiunt». Тамъ же, Bij об. (Volha et Don) «sunt multum piscosi praefati fluuij, ita quod framea thartari, caeterique transeuntes in ripa stando, pisces cum aqua decurrentes secant et tollant».

²⁾ Мѣховскій, по изд. 1521 г., стр. F об. «abundat pellibus mardurum, scismorum, vulpium et bouum»; въ изд. 1518 г., Fijj: «vil fäl von mädern, scismo vnd fuchss». О значеніи слова scismi см. мою статью о Мюнстерѣ въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1880 г., сентябрь, стр. 123, пр. 19. Тамъ же у Мѣховскаго, стр. F. об. «Suntque in districtu Leopoliensi lucci magni et laudabiles et in petias (sic) tan-

Къ извѣстіямъ о фаунѣ южно-русской степи, находящимся въ сочиненіяхъ Барбаро и Контарини, Трактатъ Мѣховскаго прибавляетъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о сайгахъ, описанныхъ имъ, вѣроятно, потому, что въ другихъ земляхъ, какъ онъ думалъ, онѣ не водились. Сайга, говоритъ онъ,—величиною съ овцу, имѣетъ шерсть сѣрую, два небольшие рога, бѣгаетъ весьма быстро, мясо ея очень вкусно.

Еще во времена Боплана сайга водилась въ украинскихъ степяхъ, и онъ счелъ нужнымъ описать ее, а рога ея сохранялъ, какъ рѣдкость. Въ концѣ XVIII в., она, избѣгая населенныхъ мѣстъ, рѣдко показывалась по сю сторону Волги. А въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія сайга, по свидѣтельству профессора Кесслера, „рѣшительно“ не встрѣчалась болѣе въ Полтавскихъ степяхъ. Ее, какъ замѣчаетъ г. Миддендорфъ,—„уже положительно нѣтъ“ за Волгой, въ волжско-уральскихъ степяхъ; но стада сайгъ сохранились не только въ главномъ центрѣ ихъ, къ востоку отъ Каспійскаго моря, но и между Дономъ и Волгой, въ треугольникѣ, „у котораго на сѣверѣ Царицынъ подъ $48\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. составляетъ вершину, а на югѣ Маньчская степь служитъ основаніемъ“. „Это“, какъ указываетъ тотъ же ученый,—„замѣчательный примѣръ разъединенія области распространенія животнаго на двѣ совершенно отдѣльныя части, разъединенія, которое совершилось на нашихъ глазахъ и позволяетъ выводить въ свою очередь заключенія о томъ, какимъ образомъ должны были происходить подобныя отдѣленія уже въ доисторическое время ¹⁾).

quam in laminas diuisibiles». Въ изд. *Polonicae historiae corpus*, t. I, Basileae, 1582 г., стр. 141: «suntque in tractu Leopoliensi lucei magni, et laudabiles. et in partes tanquam in laminas diuisibiles». Преданія о ниспаденіи нѣкоторыхъ животныхъ съ неба были весьма распространены у многихъ народовъ. Таково было, напримѣръ, преданіе о падающихъ съ неба бѣлкахъ, см. «Очерки русск. исторической географии», Н. Барсовъ, Варшава 1873 г., стр. XXVIII, прим. 88. Лопари убѣждены, что полевныя мыши, безчисленными вереницами бѣгающія по тундрѣ, падаютъ съ облаковъ. «Годъ на сѣверѣ», С. Максимова, С.-Пб. 1871, стр. 240. О животныхъ богатствахъ юго-западной Руси находимъ также свѣдѣнія въ соч. Михалона Литвина, изд. въ Арх. ист. юр. свѣдѣній, кн. 2, пол. 2, отд. V, стр. 61—63. Здѣсь изданъ текстъ Михалона и переводъ его сочиненія, сдѣланный С. Шестаковымъ. Почтенный переводчикъ перевелъ слово *bisontes*—дикие волю; *damae*—козы; *dorcae*—газели. По нашему мнѣнію названіе бизонтъ вѣрнѣе относить къ зубрамъ; а точное значеніе словъ *damae*, *dorcae*—намъ неизвѣстно.

¹⁾ Мѣховскій, по изд. 1521 г., стр. Bij; по изд. 1518 г., Bij, л. 2. «Опытъ изслѣдованія о русскихъ названіяхъ животныхъ, водящихся въ предѣлахъ Росс.

Мѣховскій сообщаетъ также описаніе охоты за Сайгой. „Когда“, говоритъ онъ,—„въ какомъ-нибудь полѣ замѣтятъ въ травѣ стадо сайгъ, —ханъ или предводитель Татаръ со множествомъ своихъ [слугъ] выѣзжаютъ верхомъ на лошадяхъ, и скрываясь въ очень высокой травѣ, со всѣхъ сторонъ окружаютъ [это поле]. Какъ только начинаютъ бить въ литавры (?) (timpanis), сайги, объятые страхомъ, чрезвычайно быстро начинаютъ бѣгать въ разныя стороны, отъ однихъ стоящихъ кругомъ [поля] людей къ другимъ, и продолжаютъ такъ бѣгать до тѣхъ поръ, пока не прійдутъ въ изнеможеніе. Тогда Татары съ крикомъ бросаются на нихъ и убиваютъ“¹⁾.

имперіи», Э. Баллона—Изв. Ак. Наукъ, т. IX, в. III, стр. 274: «По польски называется сайга—sudak, suhak, jasnowisiee». Слово suhak объясняетъ намъ и встрѣчающееся у Мѣховскаго «swak». Вмѣстѣ съ этимъ животнымъ Мѣховскій упоминаетъ также и слѣдующія: damae et dorcae. Бопланъ, по изд. 1832 г., 92. «Zoographia rosso-asiatica», Pallas, I, 253, и его же «Путешествіе», ч. I, С.-Пб. 1773 г., стр. 298; Приб., 1—2: на сайгъ «шерсть весьма длинная, съ исподи и по членамъ желтоватая, на носу и по бокамъ нижней губы черная»... Труды комиссіи для описанія губерній Кіевск. учебн. округа, т. I, Кіевъ, 1851, Животныя млекопитающія, К. Кесслера, 88. «Путешествіе на с. и в. Сибири», А. Миддендорфа, II, 93—94. «Русская фауна», Ю. Симашко, II, 953: «Сайги не плодовицы и приносятъ только по одному дѣтенышу».

¹⁾ Мѣховскій, по изд. 1521 г., стр. Bij; по изд. 1518 г., Bij, л. 2: «dann fahen die Tarter an die bancken zu schlagen» («dumque timpanis incipiunt sonare»). «Жизнь животныхъ», Брэма, II, 501; въ нѣмецк. изд. 1865 г., II, 500: «Die Nomaden (р. п., «всѣ кочевые народы») jagen die saigas mit Leidenschaft». Къ фаунѣ юго-восточной степи ямѣютъ также отношеніе слѣдующія извѣстія Мѣховскаго, по изд. 1521 г., В. об. Tartari «pecora et pecudes plurimas tenent, praecipue caballos et cabellas pro equitatu et victu valentes. Incidunt et vulnerant equos, cruoremque et per se et cum milio vorant, carnes pecudum pecorum et equorum comedunt etiam semicrudas. Caballos pridie tum sponte tum morbo mortuos exciso loco apostemato perlibenter comedunt. Bibunt aquam, lac et cereuisiam ex milio coctam. Aquam Turci et Thartari vocant (su) interdum thartari dicunt (suha) et est aqua. Cereuisiam autem miliarem seu ex milio factam (Buzam) nominant, eandem Ruteni (Braha) vocant. Laudant lac praesertim, komiz, i. acetosum, eo quod stomachum eorum confortet et medicinam purgativam faciat. In conuiuijs et cum hospitibus advenisque bibunt (araka) quod est lac sublimatum, quod mirabiliter et cito inebriat». Амбертъ Кампенскій въ своемъ сочиненіи о Московіи сообщаетъ слѣдующія весьма немногія данныя относительно ея фауны; I, о р. Донѣ «nella lor lingua lo chiamano Don, che tanto è, come dir Santo: percioche sicom esso è abbondantissimo et pieno di pesci, così fa tutta la terra ch' egli bagna, abbondantissima et fertilissima», Библ. Ин. писат., С.-Пб. 1836 г., гл. IV, стр. 67 (р. п., 28). Можетъ быть, это извѣстіе заимствовано изъ трактата Матвѣя Мѣховскаго, у котораго, по изд. 1521 г., стр. Bij об., находимъ слѣдующее: «Sunt iam circa

Послѣ Трактата Мѣховскаго въ исторіи знаній, относящихся къ міру животныхъ восточной Европы, замѣтно выступаетъ сочиненіе Іовія. Имъ сообщенныя біологическія данныя въ значительной степени увеличиваютъ достоинства его труда и точнѣе опредѣляютъ значеніе его въ ряду другихъ иностранныхъ сочиненій о Россіи. Правда, географическая область, къ которой относятся эти данныя, значительно ограничѣннѣе, чѣмъ тѣ области животнаго царства, къ которымъ относятся извѣстія Барбаро, Контарини, Мѣховскаго, но за то свѣдѣнія Іовія о животныхъ Московіи полнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ извѣстія упомянутыхъ писателей. Число наименованій отдѣльных видовъ животнаго царства восточно-европейской равнины у Барбаро равняется 15, у Контарини — 13, у Матвѣя Мѣховскаго — около 20 ¹⁾, у Іовія — около 24, и наиболѣе значительная часть послѣднихъ относится собственно къ области Московіи въ тѣхъ предѣлахъ ея, въ какихъ она существовала въ княженіе Василя Ивановича.

Герцинскіе лѣса, занимающіе значительную часть Московіи, населены, пишетъ Іовій, — дикими звѣрями. Въ той части, которая принадлежитъ Пруссіи, водятся огромные и свирѣпые зубры, видомъ похожіе на быковъ и называемые визонтами, а также альцесы, похожіе на оленей, съ мясистою мордою, высокими, не сгибающимися ногами: Москвитяне называютъ ихъ лосями (*lozzi*), а Нѣмцы еленями (*helenes*). Эти животныя извѣстны были К. Цезарю. Въ Герцинскихъ лѣсахъ водятся также необыкновенной величины медвѣди и чернаго цвѣта волки, огромные и страшные ²⁾.

Tanaim arbores, pomaque et alij fructus, sunt et mellificia quercina nonnulla, et pauciora de pino. Inde est quod thartari sanctum Don dicunt, quia iuxta illum, victum ex fructibus melle et piscibus reperiunt; 2) Въ Московіи собираютъ большое количество меда, который пчелы кладутъ на деревьяхъ, безъ всякой заботы со стороны человѣка. Въ лѣсахъ попадаются огромнѣйшіе рои пчелъ, вступающіе въ борьбу между собою и одинъ (рой) старается прогнать съ своихъ мѣстъ другой (въ подл. «*scacciarsi l' un l' altro dai lor luoghi*»; въ переводѣ, напеч. въ изд. 1836 г., «преслѣдующихъ другъ друга на большомъ пространствѣ») и крестьяне (*villani*), которые близъ своихъ жилищъ держатъ своихъ пчелъ, съ трудомъ могутъ защитить ихъ отъ пчелъ лѣсныхъ, стр. 30—31 (подл., 69).

¹⁾ *Damae, dorcae, sarcae* — мы не включаемъ въ этотъ итогъ.

²⁾ *Іовій*, по изд. 1836 г., 62 — 63 (р. п., 23). Въ подл. «*Ea in parte, quae vergit ad Prussiam, uri ingentes et ferocissimi taurorum specie reperiuntur, quos Bisontes vocant*»... Въ русс. переводѣ слово «*uri*» переведено «буйволы», а въ примѣч. 8, на стр. 82 говорится: «П. Іовій смѣшиваетъ латинское слово *urus*—

Зубръ (*Bos urus*, *Aurochs*), извѣстный древнимъ писателямъ подъ именемъ *Bonasmus*, *Bolinthus* и *Bison* и подробно описанный ими, нѣкогда былъ довольно распространеннымъ по Европѣ животнымъ, но уже при Палласѣ водился только въ Литвѣ, Молдавіи и на Кавказѣ.

Лось (*Cervus alces*, *Elenn*), принадлежа къ роду оленей, не имѣетъ той легкости и красоты, какими одарены прочіе виды этого рода: туловище его короткое, ноги высокія, морда толстая, словно раздутая. Въ нашихъ письменныхъ памятникахъ упоминаніе о лосяхъ уже находимъ въ Поученіи Владиміра Мономаха; о нихъ же въ при-Донской области упоминаетъ Хожденіе въ Царьградъ митрополита Пимена (1392 г.). Лоси быстро истреблялись, и въ настоящее время они уже оттѣснены изъ западной Европы до предѣловъ Европейской Россіи, и здѣсь они замѣтно исчезаютъ. Такъ, по замѣчанію Эверсманна, нѣкогда они водились южнѣе Казани, „потому что въ сѣверо-западной части Оренбургской губерніи, въ уѣздахъ Бугульминскомъ, Бугурусланскомъ и Бузулукскомъ, есть много маленькихъ лѣсовъ и тому подобныхъ мѣстъ, получившихъ названіе отъ этого оленя“¹⁾.

буйволъ съ названіемъ *bisons* — дикій быкъ». Но ошибка оказывается не у Iovian, см. *Zoologie der alten Griechen und Römer*, Lenz, стр. 43, прим. 123: In alter zeit gab es in den nordischen Gegenden jedenfalls zweierlei wilde Ochsen: 1, Der Urus, welcher sich in keinem Merkmal wesentlich von zahmen Rindvieh unterschied» (см. у Цезаря *Bell. gall.*, 6, 28); 2, «Der Bison, den wir jetzt Aurochs nennen, und von dem in Europa nur noch ein Rest im russischen Gouvernement Grodno... vorhanden». Ср. стр. 250 и 251. Лось имѣетъ ноги жесткія, что подало поводъ Юлію Цезарю, видѣвшему лосей въ Герцинскомъ лѣсу, разказывать, что ноги ихъ не имѣютъ вовсе сочлененій, что они никогда не ложатся для отдохновенія. «Русская фауна», Ю. Симашко, 910—911; *Julii Caesaris Commentarii de bello gallico*, VI, 27; *Zoologie der alten Griechen und Römer*, Lenz, 215. Очевидно въ словахъ Iovian «nullo suffraginum flexu» скрывается указаніе на ту же особенность ногъ лоса, на которую обратилъ вниманіе Юлій Цезарь. Въ изд. 1567 г., CLXXIX: *Alcen haben «lange schenkel, an welchen man keine gleich mag. spüren».*

¹⁾ «Русская фауна», Ю. Симашко, II, 988—989, 910—911; *Естеств. исторія Оренбургскаго края*, Э. Эверсманна, ч. 2, стр. 249; *Путешествіе на с. и в. Сибири*, А. Миддендорфа, ч. 2, стр. 91 — 92; *Вѣстникъ естественныхъ наукъ*, 1854, № 19, «Лось или сохатый», Н. А. Свѣрцова, стр. 292—293: «Первобытною западною границей лоса можно считать Рейнъ»... «Въ настоящее время западная граница лоса—это Висла и Скандинавскій хребетъ». Стр. 296: лосю нужна холодная зима, въ слѣдствіе чего и главнымъ мѣстопробываніемъ его служатъ континентальныя страны восточной Россіи, Сибири и Америки. «Промышлен-

Любопытно замѣчаніе Іовія о черныхъ волкахъ, область распространенія которыхъ въ Европейской Россіи является весьма ограниченою. Они встрѣчались на Кавказѣ и въ Бузулукскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи. Здѣсь, по свидѣтельству Э. Эверсманны, полагаются совсѣмъ черные волки, которыхъ зовутъ „сибирскими собаками“: какъ говорятъ, животныя эти въ самомъ дѣлѣ походятъ болѣе на собаку, чѣмъ на волка, и тамошніе жители полагаютъ, что они заходятъ изъ Сибири. Какъ слышно, они встрѣчаются только зимою, не ходятъ вмѣстѣ съ другими волками, такъ что обыкновенно ихъ по нѣсколько вмѣстѣ видишь у одной падали. Мнѣ самому, говоритъ Эверсманнъ, „не удавалось видѣть этихъ животныхъ живыми или получать ихъ убитыми съ мясомъ, но судя по чучелѣ, доставленной мнѣ оттуда, они дѣйствительно ближе къ собакамъ, чѣмъ къ волку“¹⁾.

ность древней Руси», *Н. Аристовъ*, стр. 6 и 10. Лѣтопись по Лавр. сп., С.-Пб. 1872, стр. 242. Никон. лѣт., IV, стр. 160.

¹⁾ Естественная исторія Оренбург. края, Э. Эверсманны, ч. 2, стр. 21—22. «Русская фауна», *Ю. Симашко*, II, 489. «Жизнь животныхъ», *Брэма*, т. I, Спб. 1874, стр. 417: «Многіе современные естествоиспытатели считаютъ чернаго американскаго волка за отдѣльный видъ, тогда какъ прежде его разсматривали только какъ разновидность обыкновеннаго волка». «Въ поляхъ, принадлежащихъ городу» (Москвѣ), говоритъ Іовій, по изд. 1836 г., стр. 67—68 (р. п., 34) «водится необычайное множество дикихъ козъ (*carpeologum*) и зайцевъ, которыхъ однако никто не имѣетъ права ни ловить тенетами, ни травить собаками; только своимъ приближеннымъ (*intimis familiaribus*) и посламъ иностраннымъ Государь позволяетъ иногда имѣть это удовольствіе». *Рулье*, въ своей статьѣ: О животныхъ Московской губерніи (напеч. въ изд. «Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Импер. Московск. ун-в.», М. 1845 г.) замѣчаетъ на стр. 87: «Что въ Москвѣ водились и дикія козы, подтверждается мѣстностію ея—*козими болотомъ*. Но кромѣ того, Павелъ Іовій говоритъ ясно, что удивлялся въ Москвѣ большому количеству дикихъ козъ»; а въ примѣчаніи къ вышеприведенному нами свидѣтельству Іовія *Рулье* говоритъ: «Дикая коза (*Antilope rupicapra*) не смѣшивается ли здѣсь съ косулею? На это замѣтимъ, что Іовій въ Москвѣ не былъ; въ «Русс. фаунѣ», *Симашко*, II, 940, подъ словомъ косуля приведены слѣдующія названія одного и того же вида: *servus carpeolus*, изюбрь, дикая коза, бѣлогузка, *reh*, *chevreuil*, при чемъ замѣчено, что она «водится во всей Европѣ, исключая самыхъ сѣверныхъ странъ, и почти въ тѣхъ же границахъ, гдѣ лоси» (см. у *Брэма*, II, 479, 482; *Pallas*, Zoogr., I, 219), а на стр. 950 — *Antilope rupicapra*, серна, постоянно живущая на лѣсистыхъ, высокихъ горахъ и въ Россіи попадающаяся очень рѣдко, на Кавказѣ и прилежащихъ Россіи азіатскихъ южныхъ хребтахъ (стр. 951). На основаніи этихъ указаній едва ли можно считать основательнымъ сомнѣніе *Рулье*, и всего, кажется, вѣроятнѣе, подъ словомъ *carpeoli* у Іовія разумѣть дикую козу.

Племена, живущія на сѣверѣ Московіи, какъ сообщаетъ Іовій, вѣроятно, со словъ Дмитрія Герасимова,— Пермь (Permi), Печера (Pesceri), Югры (Iugri), Вогуличи (Ugulici), Пенежане (Pinnagi) и другіе отдаленнѣйшіе народы вели мѣновую торговлю дорогими мѣхами куницъ, соболей, волковъ, оленей, черныхъ и бѣлыхъ лисицъ, и центромъ этой торговли былъ Устюгъ. Лучшіе соболи мѣха съ просѣдью доставлялись изъ Перми и Печоры. „Впрочемъ, эти народы не сами добываютъ ихъ, а получаютъ отъ другихъ отдаленнѣйшихъ племенъ, живущихъ близъ океана“.

Отъ Лапландцевъ, жившихъ на самомъ отдаленномъ берегу океана, „гдѣ обширнѣйшія государства Норвегія и Швеція какъ бы перешейкомъ соединяются съ материкомъ“, Москвитяне получали самые бѣлые, горностаевые мѣха ¹⁾).

Лишивъ Москвитянъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ и драгоценныхъ камней, природа, замѣчаетъ Іовій, вознаградила (ихъ) за то самыми дорогими мѣхами (*pellium nobilissimum*), которые вслѣдствіе невѣроятной алчности людей и роскоши, до такой степени возвысились въ цѣнѣ, что мѣхъ на одно платье продаютъ за тысячу золотыхъ монетъ. Было однако время, когда продавали ихъ гораздо дешевле, ибо жители отдаленнаго сѣвера, незнакомые еще тогда съ болѣе утонченною образованностію и безмѣрною роскошью (*anhelantis luxuriae*), по крайней простотѣ своей, часто мѣняли ихъ на дешевыя и забавныя вещи; такъ обыкновенно жители Перми и Печеры платили за желѣзный топоръ столько соболей, сколько московскіе купцы, связавъ вмѣстѣ, могли продѣть въ отверстіе топора, куда влагается топориче.

Говоря о пищѣ, Іовій также указываетъ на дешевизну жизненныхъ припасовъ. Курицу или утку часто покупаютъ, говоритъ онъ,— за самую малую серебряную монету; крупнаго и мелкаго скота вездѣ неимовѣрное множество; воловью кожу Москвитяне отправляли за границу. Они ловятъ дикихъ животныхъ всякаго рода охотничьими собаками и сѣтями. Ихъ ястреба и соколы (изъ коихъ лучшіе полу-

¹⁾ Іовій, по изд. 1836 г., 66, 64—65 (р. п., 30—31, 27—29). Годъ на сѣверѣ, С. Максимова, Спб. 1871 г., стр. 239—о добычѣ Лопарями горностаевъ. «Путешествіе на с. и в. Сибири», А. Миддендорфа, II, 207: на глубоко сѣверныхъ равнинахъ горностай простирается за предѣлы лѣсной растительности. «Русская Лапландія», Н. Дергачева, Архангельскъ, 1877 г., стр. 20: «горностаевъ Лопари ловятъ ловушками».

чаются изъ страны Печерской) преслѣдуютъ не только фазановъ и утокъ, но даже лебедей и журавлей. Превосходнѣйшихъ соколовъ, между коими (попадаетъ) бѣлый соколъ съ пестрыми перьями, извѣстный подъ названіемъ *Herodium*, ловятъ на вершинахъ Гипербореическихъ горъ. Тамъ же водятся іерофалки, непріатели цапель, и соколы балабаны и сапсаны (*sacri et peregrini*), [породы которыхъ] были неизвѣстны богатымъ государямъ древности, занимавшимся птицеловствомъ ¹⁾).

Бѣлый соколъ, названный *Ioviemъ Herodium*, есть очевидно наиболѣе замѣчательный изъ соколиной породы видъ, извѣстный у насъ подъ именемъ кречета (*falco gyrfalco, candicans*). У него хвостъ „почти на цѣлую треть, то-есть, болѣе чѣмъ на 2'', выходитъ изъ подъ крыльевъ и содержитъ отъ 12 до 14 темныхъ поперечныхъ полосъ. У старыхъ кречетовъ преобладающій цвѣтъ перьевъ бѣлый и даже боковыя рулевые перья дѣлаются совершенно бѣлыми, такъ что темныя пятна и полосы остаются только на спинѣ, на крыльяхъ и на среднихъ рулевыхъ перьяхъ. У молодыхъ, напротивъ того, спина и хвостъ темносѣрые съ бѣловатыми пятнами и полосами“. Онъ водится на Уральскихъ горахъ.

Названіе *Hierofalco, Gyrfalco*, въ настоящее время присвоивается исландскому соколу, который отличается тѣмъ, что верхняя сторона его во всякомъ возрастѣ темнаго цвѣта. Хотя этотъ видъ и называется исландскимъ, но онъ водится и въ сѣверной Россіи, и въ Сибири. „По многимъ наблюденіямъ“, замѣчаетъ Брэмъ,—„это единственный кречетъ, который водится въ Лапландіи“.

Соколъ балабанъ (*falco sacer*) имѣетъ хвостъ, выходящій изъ подъ крыльевъ не болѣе чѣмъ на 2''. „На спинѣ перья темнобурныя съ красноватою каймою, на груди и на брюхѣ бѣлыя или желтоватыя съ темными наствольными пятнами. Старые балабаны замѣтно свѣтлѣе молодыхъ“.

Соколъ Сапсанъ (*falco peregrinus*) имѣетъ хвостъ, не выходящій изъ подъ крыльевъ. „У старыхъ сапсановъ спина голубоватосѣрая съ поперечными черными пятнами, а брюхо бѣловатое, испещренное из-

¹⁾ *Iovii*, по изд. 1836 г., 71, 75, 66 (р. п., 40, 49, 31): «sunt et Hierofalchi, ardearum hostes, et sacri, et peregrini»; стр. 31; «и священные и перелетные». Но, по всей вѣроятности, слова «sacri et peregrini» означаютъ извѣстные виды соколовъ, именно тѣ, которые и въ настоящее время такъ называются, то-есть соколы балабаны и соколы сапсаны.

вилистыми, поперечными черными полосками. У молодыхъ перья на спинѣ темнобурья съ красноватою каймою, а брюхо желтоватое, испещренное продолговатыми темными пятнами¹⁾.

Охота съ помощію хищныхъ птицъ, ястребовъ и соколовъ, еще въ глубокой древности, за нѣсколько столѣтій до Р. Х., извѣстная и народамъ европейскимъ, и азіатскимъ, въ средніе вѣка стала весьма распространенною и въ это время является любимую потѣхою и европейскихъ, и азіатскихъ владѣтелей. Извѣстно сочиненіе императора Фридриха II *de arte venandi cum avibus*; припомнимъ также Урядникъ сокольниковъ пути²⁾.

Кречеты Печорскаго края сдѣлались извѣстными очень рано. По свидѣтельству Марко Поло, близъ Сѣвернаго океана, до котораго простирается Россія, „ловится множество кречетовъ и перелетныхъ (?) соколовъ, которые и развозятся оттуда во многія страны“. Великій князь Иванъ Даниловичъ Калита пожаловалъ сокольниковъ печерскихъ, ходившихъ на Печору, не велѣлъ брать съ нихъ даней, платить „кормъ“ и давать подводы, „занеже“, какъ говорится въ грамотѣ, „люди ти надобны“. Въ другихъ официальныхъ актахъ XIV в. доходъ отъ звѣриныхъ промысловъ называется сокольниковымъ путемъ. Это указываетъ на то, что ловъ звѣрей соколами былъ общераспространеннымъ въ Московской Руси. Въ XVI в. Новгородецъ Ивашка

¹⁾ «Руководство для опредѣленія птицъ, которыя водятся или встрѣчаются въ Европ. Россіи», К. Кесслера, Кіевъ, 1847, стр. 154—156. «По мнѣнію Шлегеля исландскій и норвежскій соколы составляютъ самостоятельные виды. «Тинеманъ и другіе орнитологи, считаютъ ихъ однако только мѣстными разностями кречета». «Опытъ естественной исторіи всѣхъ животныхъ Росс. Имперіи» *Ивана Денисовскаго*, М. 1831 г., стр. 8. *Zoogr. rosso-asiatica*, Pallas, I, 325, *Falco gyrfalco*—кречетъ; 327, f. *peregrinus*—соколъ; 330, f. *lanarius* (sacer)—балабанъ. *Мейербергъ*, 82, тоже замѣчаетъ: «Et hierofalchos acerrimos ardearum hostes a Russis Kretzet nuncupatos». (Чтенія 1873 г., вѣд. 4, стр. 159). Сопоставляя это замѣчаніе съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ Іовія, мы имѣемъ право заключить, что въ XVI—XVII в. Русскіе называли кречетами оба весьма близкіе другъ къ другу вида, *Herodium* и *Hierofalco*. «Жизнь животныхъ», Брема, III, 441—442 (въ нѣмецк. изд. 1866 г., III, 413). «Позвоночныя средняго Урала»—Л. Сабантеева, М. 1874, стр. 23—25. Птицы хищныя, К. Кесслеръ, Труды комиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебн. округа, т. I, Кіевъ 1851 г., стр. 15—22. «Die geographische Verbreitung der Thiere» v. Wallace, 2 B., Dresden 1876, стр. 389. *Falconinae*—«*Falco*» (27 Arten); «*Hierofalco*» (6 Arten).

²⁾ *Kulturpflanzen und Haustierte in ihrem Uebergang aus Asien nach Griechenland und Italien so wie in das übrige Europa* von Victor Hehn, Berlin 1874, стр. 325—326, 329. *Gesch. der Zoologie*, Carus, 184.

Дмитріевъ сынъ Ластка съ товарищемъ Власкомъ, задумалъ основать новое селеніе на рѣкѣ Печорѣ, противъ устья впадающей въ нее р. Цыльмы, билъ челомъ великому князю о дозволеніи ему поселиться въ этомъ мѣстѣ и пользоваться угодьями и, между прочимъ, говорилъ, „что по Печорѣ до Усы, по Цыльмѣ до рѣки Косы, по Ижмѣ и Пежмѣ до Великой Пожни пески, рыбныя ловли, малыя рѣчки и озерки, лѣсъ, дичь, мхи, болота, соколы и кречеты садбища“¹⁾....

„Въ Московіи“, по свидѣтельству Іовія, — „ловятъ одну черноватую птицу, величиною съ гуся, съ алыми бровями, коей мясо (pulpa in sarore) вкуснѣе самого фазана. На ихъ языкѣ она именуется тетеревомъ (tether), Плиній же называетъ ее Erythratao. Птица сія извѣстна жителямъ Альповъ, особенно Ретійцамъ“, обитающимъ въ лѣсахъ близъ источниковъ Адды (Abduae amnis).

Уже Плиній указалъ на алыя брови Tetrao, какъ на отличительную особенность этой птицы. Эта особенность составляетъ принадлежность обоимъ извѣстнымъ представителямъ семейства тетеревиныхъ: глухаря (tetrao urogallus) и обыкновеннаго тетерева (t. tetrix), и къ обоимъ этимъ видамъ могутъ быть относимы и замѣтки Іовія, такъ какъ и глухарь и тетеревъ встрѣчаются на Альпахъ²⁾.

¹⁾ Чт. Москов. Общ. Истор. и Древн., 1862, IV, 488. Марко-Поло описываетъ и ханскую охоту съ соколами, тамъ же, 1862 г., кн. 2, стр. 261—267. А. А. Э., I, № 3 (1328—1340 г.). «Промышленность древней Руси», Н. Аристовъ, стр. 5 о ханскихъ сокольникахъ; 13—сокольниковъ путь; 301, пр. 859: «въ 1324 г. соколъ въ Италіи цѣнился въ 133 фр.» Дневникъ Латкина, II, 14 — жалованная грамота Ивашкѣ, 1545 г. Доп. къ Акт. Истор., V, № 101 (1669 г. прежде 3 декабря), «Отписка вологодскаго воеводы Константина Нащокина объ отпускѣ въ Москву привезенныхъ изъ Холмогоръ въ Вологду кречетовъ, для царской охоты», стр. 435 и сл. Сокола, орла и коршуна Іовій, какъ видно, причислялъ къ одной породѣ птицъ (75; р. п., 49). Плиній также относилъ коршуна къ породѣ соколиной (Zool. d. Gr. u. Römer, Lenz, 285), и нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ натуралистовъ находили сходство между упомянутыми птицами столь значительнымъ, что соединяли ихъ въ одну семью. «Опытъ естеств. исторіи всѣхъ животныхъ Росс. имперіи», Ив. Демидова, стр. 8—о мнѣніи Линнея; Zoographia rosso-asiat., Pallas, I, 324. Die geogr. Verbreitung d. Thiere, Wallace, 387—389. Familie 96—Falconidae: Subfamilie—I, Polyborinae; II, Accipitrinae, III, Buteoninae; IV, Aquilinae; V, Falconinae.

²⁾ Іовій, по изд. 1836 г., 75 (р. п., 49). Плиній, X, 22 (29) (по изд. 1852, v. II, 210): «Decet tetraonas suus nitor absolutaque nigritia, in supercilis cocci rubor». Zoologie d. Gr. u. Römer, Lenz, стр. 343—344, пр. 1071: «Birk—und Auerhahn (Birkhahn, tetrao tetrix, тетеревъ; Auerhahn, tetrao urogallas, глухарь) heissen bei Plinius beide tetrao. Die Beschreibung des Birkhahns ist nicht ganz

Въ рѣкѣ Волгѣ, говоритъ Іовій, — ловятъ множество рыбы огромной величины и отличнаго вкуса, въ особенности же сомовъ, которые какъ мы полагаемъ, были извѣстны древнимъ подъ названіемъ Силуровъ. Зимую рыбу сію обкладываютъ льдомъ и такимъ образомъ сохраняютъ свѣжею въ продолженіе долгаго времени. Прочіе сорта рыбъ ловятъ въ невѣроятномъ количествѣ въ Бѣлыхъ озерахъ. Обиліемъ рыбы отличалась также и приморская область, въ которой обитали Лапландцы, и они добывали ее во множествѣ, не смотря на то, что орудія ихъ не удобны ¹⁾).

Самое же извѣстное произведеніе Московіи — воскъ и медъ. Вся страна изобилуетъ очень плодовитыми пчелами, которыя кладутъ превосходнѣйшій медъ не въ искусственныхъ крестьянскихъ ульяхъ, но въ древесныхъ дуплахъ. Въ дремучихъ лѣсахъ и рощахъ вѣтви деревьевъ бывають усѣяны густыми и прекрасными роями пчелъ, которыхъ не нужно собирать звуками мѣди (*nullo aeris crepitu*). Въ дуплахъ часто находятъ огромное количество сота и стараго меду, оставленнаго пчелами, и такъ какъ немногіе поселяне, живущіе въ обширныхъ лѣсахъ, не успѣвають осмотрѣть каждое дерево, то иногда во пняхъ чрезвычайной толщины находятъ значительныя скопища меда ²⁾ (*permagnos mellis lacus*).

genau, die des Auerhahns noch weniger; allein man muss bedenken, dass die Alten weder Sammlungen ausgestopfter Thiere; noch Bilderwerke hatten, daher, ihre Beschreibung oft aus dem Gedächtniss machen mussten». *Zoogr. rosso-asiat., Pallas*, II, 56; «Опытъ естеств. исторіи всѣхъ животныхъ Росс. имперіи», *Двинубскаго*, стр. 104—107. «Жизнь животныхъ», *Брэма*, т. IV, ч. I, стр. 311; 323 — 324 (въ нѣмецк. изд. 1867 г., IV, 336, 348). Птицы куриныя, *К. Кесслера*, Труды Коммиссіи для описанія губерній Кіевск. учебнаго округа, т. I, Кіевъ 1851, стр. 7—11. Его же, Руководство для опредѣленія птицъ, которыя водятся или встрѣчаются въ Европ. Россіи, Кіевъ 1847 г., 268—271. «Горныя куропатки и тетерева-березовики на Альпахъ», *Чуди*, — *Вѣстникъ естеств. наукъ*, 1859 г., № 9, стр. 1025. О ловлѣ тетеревовъ въ XII в. см. «Промышленность др. Руси». *Н. Аристова*, стр. 77.

¹⁾ *Іовій*, по изд. 1836 г., 75, 65 (р. п., 49—50, 28). Стр. 68 (р. п., 35). Бѣлыми озерами, по опредѣленію Іовія, назывались большія и глубокія болота, лежащія на с.-з. стѣ Москвы и дающія начало «всѣмъ почти рѣкамъ, протекающимъ по Московіи». Описаніе рыбныхъ промысловъ у Лопарей см. «Русская Лапландія», *Н. Дерячева*, Архангельскъ, 1877 г., очеркъ I, стр. 44 и сл. Рыболовство и въ настоящее время составляетъ главную отрасль хозяйства Лопарей. «Рыбы ловятъ они чрезвычайное множество», хотя и нуждаются въ рыболовныхъ снастяхъ (стр. 45); очеркъ II, стр. 40 и сл.

²⁾ *Іовій*, по изд. 1836 г., 70—71 (р. п., 39—40; въ изд. 1567 г., стр. CLXXXVI,

Краткія замѣтки о восточно-европейской фаунѣ нашли себѣ мѣсто и въ донесеніи Фабра. Въ Московіи, пишетъ онъ,—водятся черныя лисицы и бѣлые медвѣди, о чемъ прежде мы знали по памятникамъ письменнымъ, а теперь узнали отъ посла (русскаго) черезъ переводчика. И не удивительно: причиною того легко можетъ быть чрезмѣрный холодъ сѣвера, всегда производящій бѣлизну (*quod semper mater est albedinis*), какъ утверждаетъ философія ¹⁾.

III.

Связь извѣстій Герберштейна о восточно-европейской фаунѣ съ извѣстіями писателей, ранѣе его сообщившихъ о ней свѣдѣнія.—Домашнія животныя въ Московіи.—Особыя породы лошадей и собакъ.—Сѣверный олень (*cervus tarandus*).—Пушные звѣри.—Цѣнность ихъ мѣховъ.—Мѣстности, изобиловавшія мѣхами:—Соболь.—Область его распространенія.—Черная лисица.—Бѣлка.—Песецъ.—Бобръ.—Бѣлый медвѣдь.—Китъ.—Моржъ.—*Uess* и *equivodani*.—Данныя по орнитологіи.—Соколы.—Рѣки и области, изобиловавшія рыбными богатствами.—Бѣлуга, стерлядь, севрюга, осетръ, бѣлорыбца.—Рыбы въ р. Шекснѣ и Бѣлоозерѣ.—Семга и сельдь.—Цвѣтъ животныхъ Водской области.—Области, изобиловавшія воскомъ и медомъ.

Извѣстія Іовія о животномъ царствѣ восточной Европы, объ изобиліи пушныхъ звѣрей и рыбъ, о необыкновенныхъ соколахъ, точно такъ какъ извѣстія Мѣховскаго о моржахъ и тюленяхъ на крайнемъ

Zoologie der alten Griechen u. Römer, Lenz, стр. 574: «Varro de re rust. 3, 16: «Man nennt sie (die Bienen) auch Vögel der Musen, weil man sie, wenn sie sich zerstreut haben, wieder zusammenruft, indem man die Cymbeln schlägt oder nach dem Takt mit den Händen klatscht». Ср. стр. 579, 594: «Plinius, 11, 20 22: «Die Bienen lieben das Zusammenschlagen und Klingeln des Erzes und lassen sich dadurch zusammenlocken, woraus man sieht, dass sie mit dem Sinne des gehörs begabt sind».

¹⁾ Фабръ, по изд. 1600 г. (*«Rerum Moscoviticarum auctores varii»*), стр. 133, строки 11—12 (р. п. въ *Отеч. Зап.*, ч. XXV, 1826 г., стр. 303: «о чемъ прежде мы только слышали»; въ подл. *«ita monumentis prius admoniti»*). «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири», А. Миддендорфа, II, 30: «Правда, что на крайнемъ сѣверѣ животныя почти всѣ безъ исключенія бѣлѣютъ на зиму, но едва-ли можно оправдать мнѣніе, что они принимаютъ этотъ цвѣтъ вслѣдствіе отраженія бѣлаго свѣта отъ снѣговой поверхности и что при этомъ измѣненіи цвѣта природа имѣла въ виду предохранить ихъ отъ стужи». Стр. 32: «цвѣтъ животныхъ принаравливается къ господствующему цвѣту тѣхъ мѣстностей, гдѣ они водятся». Стр. 160: «Слухъ о бѣломъ медвѣдѣ уже очень рано проникъ чрезвычайно далеко. Марко-Поло, которому ничего не было извѣстно о прибрежныхъ туземцахъ Сибири, все-таки говорить о медвѣдяхъ бѣлаго цвѣта»....

сѣверѣ—все это должно было обратить на себя вниманіе образованныхъ читателей, мало знакомыхъ съ природою восточной Европы, возбудить нѣкоторый интересъ къ изученію ея особенностей, къ собранію новыхъ свѣдѣній о животномъ царствѣ ея для провѣрки и дополненія вышеприведенныхъ свидѣтельствъ Мѣховскаго и Іовія. Герберштейнъ, какъ можно догадываться, имѣлъ въ виду эти свидѣтельства, и многія болѣе обстоятельныя извѣстія, имъ внесенныя въ записки о Московіи, не лишены связи съ предшествующими, относятся къ тѣмъ именно животнымъ, на которыя уже было обращено вниманіе до него. Такъ онъ подробнѣе говоритъ о пушныхъ звѣряхъ, о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ животныхъ, водящихся въ Литвѣ и въ водахъ Сѣвернаго океана, о соколахъ и рыбахъ. И Герберштейнъ, какъ и ему предшествующіе писатели, имѣя въ виду географическое описаніе Московіи, обращалъ вниманіе по преимуществу на животныхъ позвоночныхъ, къ которымъ и относится значительнѣйшая часть его извѣстій о животномъ царствѣ ¹⁾).

Домашнія животныя въ Московской области, пишетъ онъ,—„гораздо меньше нашихъ, но однако не лишены роговъ (какъ кто-то писалъ), ибо я видѣлъ быковъ, коровъ, козъ, барановъ—и всѣхъ съ рогами“. Изъ домашнихъ животныхъ той же области упоминаются въ описаніи великокняжеской охоты лошади особой породы, которую, замѣчаетъ авторъ Записокъ,—мы называемъ турецкою, а Москвитяне аргмаками, и собаки тоже особыхъ породъ, содержимыя для великокняжеской охоты за зайцами, *canes molossi et odoriferi* и *Kurtzi*.

По всей вѣроятности, подъ первыми двумя названіями слѣдуетъ разумѣть собакъ гончихъ и борзыхъ, такъ какъ въ современномъ Герберштейну нѣмецкомъ переводѣ его записокъ, изданномъ въ 1567 г., они названы *Suchhund*, *Jaghund*.

Kurtzi, говоритъ онъ,—красивы, съ пушистыми хвостами и ушами, вообще смѣлы, но неспособны къ долгой гонкѣ“ ²⁾). Въ извѣстномъ

¹⁾ Сообщая свѣдѣнія о домашнихъ животныхъ и моржахъ, Герберштейнъ имѣлъ въ виду извѣстія Мѣховскаго. Ср. его соч. по изд. 1521 г., стр. Н об. и Нij; R. M. C., 62 A, 120 B (р. п., 96, 179).

²⁾ R. M. C., 62 A, 132 A—C. (р. п., 96, 197); въ изд. 1567 г., CXVII; въ изд. 1557 г., стр. Sij, л. 2. Въ русскомъ переводѣ записокъ о Московіи—*canes molossos et odoriferos*—меделянскія собаки. Такъ можно было перевести на основаніи современнаго значенія словъ *canis molossus*. Но имѣло ли это слово то же значеніе и въ XVI в.? Меделянскія собаки «тяжелы, неуклюжи и потому не быстры и не выносливы на ходу»; онѣ пригодны для трудной и опасной охоты

разсказѣ о плаваніи по Ледовитому морю, сообщенномъ со словъ Григорія Истома, находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ оленѣ: у Лопарей стада оленей, которые на норвежскомъ языкѣ называются *Rhen*, употребляются также, какъ у насъ стада быковъ: они не много побольше нашихъ оленей. Лопари употребляютъ ихъ вмѣсто вьючнаго скота слѣдующимъ образомъ: впрягаютъ оленей въ повозку, сдѣланную на подобіе рыбачей лодки; человекъ привязывается къ ней за ноги для того, чтобы не выкинуться отъ быстрого бѣга оленей. Онъ держитъ въ лѣвой рукѣ ремень, которымъ умѣряетъ бѣгъ оленей, а въ правой—палку, которою предотвращаетъ паденіе повозки, когда она наклонится на одну сторону болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Этимъ способомъ ѣзды „Истома съ своими спутниками“ сдѣлали 20 миль въ одинъ день и наконецъ отпустили оленя; Истома говорилъ, что олень самъ воротился къ своему господину въ обычное становище ¹⁾.

Здѣсь очевидно рѣчь идетъ о томъ видѣ оленей, который извѣстенъ подъ именемъ сѣвернаго или лапландскаго (*cervus tarandus* Reunthier). На такомъ оленѣ Григорій Истома проѣхалъ отъ Дронтейма до Бергена, вѣроятно, въ тѣхъ саняхъ, которыя у Лопарей называются акіо или *pulke* и похожи на лодку, или какъ замѣчаетъ г. Гротъ, „на башмакъ: ноги сѣдока помѣщаются въ тѣсномъ, закрытомъ пространствѣ, а туловище торчитъ изъ отверстія; въ рукахъ ѣдущаго одна только возжа, которую онъ перекидываетъ черезъ оленя, то на одну сторону, то на другую, смотря по надобности, для указанія ему направленія“ ²⁾.

за медвѣдями, а не за зайцами. Жизнь животныхъ, А. Брэма, т. I, С.-Петербургъ 1874 г. (2 изд.), стр. 359 и сл. См. также примѣчаніе къ статьѣ нашей, «Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ», Др. и новая Россія, 1875 г., № 10, стр. 143. Ф. Брунъ, Черноморье, Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи, ч. II, Одесса, 1880 г., стр. 368—369, полагаетъ, что слово *Kurtzi* есть искаженное—хорты. Въ словарѣ *Дала*: хортъ—борзая собака; «ловчій на свортъ хорты къ государю подводитъ». *Glossarium Ducange*, IV, 472, *molosus*, *grandis*, *qui est instar molis*. *Supplementum*, 1857, стр. 366. *Novum glossarium Latinogerm. mediae et infimae aetatis*, *Lorenz Diffenbach*, Fr. am Main, 1867, стр. 256: *molossus*—*raud*, *rüd*. *Gesch. d. Zool.*, *Carus*, 181, относительно средне-вѣковыхъ извѣстій замѣчаетъ: «*zahlreich waren dagegen die Hunderassen, ob-schon auch hier beim Mangel eingehender Beschreibungen eine genauere Vergleichung mit den jetzt lebenden, bekanntlich zum Theil noch immer verändernden Rassen sehr schwer sein dürfte*».

¹⁾ R. M. C., 118 B. (р. п., 176—177): въ изд. 1557 г., стр. R.

²⁾ «О древней культурѣ западныхъ Финновъ по даннымъ ихъ языка», по

Бѣгъ оленя по ровной дорогѣ въ легкихъ саняхъ, общеупотребительныхъ у Финскихъ племенъ, живущихъ въ полярныхъ странахъ, отличается удивительною быстротою, и свидѣтельство Григорія Истома о томъ, что онъ проѣхалъ 20 миль, то-есть, 140 верстъ въ 24 часа, можно считать вполне вѣроятнымъ. „Изъ достовѣрныхъ случаевъ извѣстно“, говоритъ г. Миддендорфъ,—„что въ день (то-есть, едва 14 часовъ) проѣзжали (на сѣверномъ оленѣ) 30 геогр. миль; разказываютъ даже о еще болѣе необыкновенныхъ, исключительныхъ подвигахъ“¹⁾.

Съ способностію къ быстрому бѣгу по снѣжнымъ равнинамъ полярныхъ странъ олень соединяетъ въ себѣ и другія важныя достоинства: онъ легко и охотно переплываетъ большія водныя пространства и подъ рыхлымъ, глубокимъ снѣгомъ умѣетъ отыскивать бѣлый мохъ, составляющій его неприхотливую пищу. Нѣкоторые изъ лопарскихъ оленей, какъ сообщаетъ Кастренъ,—обладаютъ по истинѣ изумительною способностію: они умѣютъ отыскивать дорогу къ какому-либо мѣсту, совершенно незамѣтную для путешественника, не имѣющую, по видимому, никакихъ признаковъ какого-либо движенія по ней, если только когда-либо, хотя однажды, оленю приходилось везти путника по этой дорогѣ. Это указаніе Кастрена объясняетъ и подтверждаетъ

соч. *Августа Алквиста* составилъ *Л. Майковъ*, С.-Пб. 1877 г., стр. 49. «Перевзды по Финляндіи отъ Ладожскаго озера до р. Торнео», *Якоба Грота*, С.-Петербургъ 1874 г., стр. 103. О способахъ вѣзды у инородцевъ сѣвера см. *Жизнь животныхъ*, *А. Брема*, т. II, С.-Пб. 1866 г., стр. 447—448 (въ нѣмецк. изд. 1865 г., II, 445—446). О вѣздѣ Лопарей на Терскомъ берегу—«Русская Лапландія *Н. Дерячева*, Архангельскъ 1877 г., I, 77—79; ср. стр. 14, 61. О вѣздѣ Самоѣдовъ на оленяхъ см. дневникъ *Гордона*, предпринимавшаго въ 1614 г. путешествіе изъ Пустозерска въ Югорію (онъ выѣхалъ изъ Пустозерска 20-го ноября, а возвратился сюда 19-го января). «*Purchas his Pilgrimes*» London, 1625, vol. III. стр. 553—555. «*Reise nach den Nordosten d. europ. Russlands—von Alexander Gust. Schrenk*, 2-er Th., Dorpat 1854, стр. 209. «Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол.» *Гамеля*, ст. 2, прил. къ XV т. *Зап. Ак. Наукъ*, С.-Пб. 1869 г., стр. 200—201. *Олеарій*, по изд. 1663 г., кн. 3, гл. 3, стр. 161—162 (р. п., 130) Ср. дневникъ *Латкина* въ *Зап. геогр. общ.* кн. VII, ч. I, стр. 101, 119. *Gesch. der. Zoologie*, *Carus*, 182 средневѣковыми писателями сѣверный олень былъ извѣстенъ.

¹⁾ «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири», *А. Миддендорфа*, ч. II, С.-Пб. 1877 г., стр. 493. Ср. на стр. 511—512: таблица скорости вѣзды на сѣверныхъ оленяхъ. «Русская фауна», *Ю. Симашко*, ч. II, С.-Пб. 1851, стр. 926. *Жизнь животныхъ*, *А. Брема*, т. II, С.-Пб. 1866, 448: «хорошій сѣверный олень пробѣгаетъ въ часъ одну норвежскую милю» (около 10 верстъ); въ нѣмец. изд. 1865 г., II, 446: «in einer Stunde eine norwegische Meile oder 18,000 Ellen».

свидѣтельство Григорія Истома о томъ, что олень, привезшій его въ Бергенъ, самъ нашелъ дорогу въ Дронтгеймъ, не смотря на значительное разстояніе между этими городами ¹⁾).

Кромѣ сообщенныхъ Григоріемъ Истомаю, другихъ какихъ-либо свѣдѣній о сѣверномъ оленѣ въ Запискахъ о Московіи не находимъ, хотя авторъ подробно говоритъ о бытѣ сѣверныхъ обитателей восточной Европы и упоминаетъ о томъ, что жители обширной Пермской области „употребляютъ вмѣсто вьючнаго скота большихъ собакъ, на которыхъ перевозятъ тяжести въ повозкахъ“ ²⁾).

Относительно животныхъ, мѣха которыхъ составляли столь важный предметъ внѣшней торговли Московскаго государства, извѣстія Герберштейна заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя любопытныя указанія на предѣлы распространенія этихъ животныхъ. Наиболѣе цѣнными мѣхами считались бобровые, изъ которыхъ обыкновенно дѣлали опушку на платьѣ, а также собольи и лисьи чернобурые, изъ которыхъ дѣлали шапки; менѣе цѣнными—куньи, горностаевые, бѣличьи, изъ которыхъ

¹⁾ «Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands» v. *Alexander Gustav Schrenk*, I Th. Dorpat 1848, стр. 320. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, *А. Миддендорфа*, II, 178—179: «часто парусные корабли ловили (сѣвернаго оленя) въ морѣ, вдали отъ всякихъ береговъ. Будучи преслѣдуемъ охотниками или волками, онъ даже, не обинуясь, ищетъ убѣжища на льдинахъ, плавающихъ по морю». *M. Alexander Castren's Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844*, St. Petersburg. 1853, стр. 137: «So habe ich mich nicht genug über die Eigenschaft wundern können, welche einige Rennthiere besitzen, dass sie ohne das geringste Zeichen eines Weges oder einer Spur die Reisenden selbst zum Ziele bringen, wenn sie nur einmal früher denselben Weg zurückgelegt haben». Ср. у *Миддендорфа*, стр. 507. О пищѣ оленя см. ст. въ Вѣстн. естественныхъ наукъ, 1854, № 41, стр. 612: олений ягель или бѣлый мохъ—*Cladonia rangiferina*.

²⁾ *R. M. C.*, 85 В (р. и., 130); въ изд. 1557 г., № об., «Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844», *M. Alexander Castrens*, 1844, стр. 302. Сѣверный олень (*Tarandus*) былъ описанъ *Плиніемъ*, по изд. *Силлиа*, vol. II, 1852 г., стр. 107 (l. VIII, c. 34). *Lenz*, Zoologie d. alten Griechen u. Römer, Gotha 1856, стр. 217; то же *Олаемъ*, Жизнь животныхъ, *А. Брэма*, т. II, С.-Пб. 1866 г., стр. 436. Ъзду на собакахъ описалъ *Марко-Поло*, Чтенія Москв. Общ. Ист. и Древн., 1862 г., кн. 4, стр. 486 (гл. 44), и съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ *А. Миддендорфъ*, «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири», II, стр. 520, эта ѣзда «очень стала обращать на себя вниманіе и повела къ тому, что у нѣкоторыхъ писателей и географовъ говорилось о странѣ «Насобачье».. У старика компилятора *Витсена* мы находимъ также названіе «Насобачье», какъ обозначеніе частей Восточной Сибири до Чукотской земли. Тому же Витсену (II, 426, 482) мы обязаны однакоже точнымъ извѣстіемъ о томъ, что въ его время далеко на сѣверѣ на Енисей не было лошадей, а были только собаки».